

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

2/2020

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал "Региональные социальные процессы" сменил название на "Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика" в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенов К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силян А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 306
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 13, No. 2

April – June 2020

**PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL
INSTITUTIONS**

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriluk V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 306
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат исторических наук

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseyenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD (Doctor of Philosophy in History), Senior specialist of Ganja branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinayida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent analyst and consultant, associate researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, candidate of historical sciences.

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Michail Urievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Ильин А.Н. Идеология неолиберализма: сущность и социальные последствия	9
Сапон И.В., Леденев Д.Е. Управление приватностью в профиле социальной сети: анализ теории Сандры Петронио	21
Гаврилова Н.Ю., Субботин В.Я. Политика советского государства по развитию школьного образования в 1960–1980-е годы: региональный аспект (на примере Тюменской области)	34
Абрамовский А.Л., Ребышева Л.В. Дистанционные образовательные технологии и трансформация высшего образования в условиях пандемии COVID-19: возможности, вызовы, перспективы	43
Спирина А.С., Максимова С.Г. Состояние безопасности и доверия в приграничных регионах России: по результатам социологического исследования	53
Ильиных С.А., Пелых А.Ю. Адвокаты: мобилизация права, юридические риски, доверие	63
Силин А.Н., Барбаков О.М., Яковлев А.В., Токарь Д.А. Разработка системы мониторинга социальной ситуации для неиндустриального освоения Арктики	73
Колтунов А.Л., Коршунов М.Н. Лидерско-элитная конфигурация региональных политических процессов в структуре общественного сознания населения (на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры)	85
Козлова И.С. Потенциал использования социальных сетей в протестных акциях в России	99

CONTENTS

Il'in, A.N. The ideology of neo-liberalism: the nature and social consequences	9
Sapon, I.V., Ledenev, D.E. Privacy management on SNS profile: analysis of Sandra Petronio's theory	21
Gavrilova, N.Yu., Subbotin, V.Ya. Policy of the Soviet state for the development of school education in the 1960s and 1980s: the regional aspect (on the example of the Tyumen region)	34
Abramovsky, A.L., Rebysheva, L.V. Distance learning technologies and the transformation of higher education in the context of the COVID-19 pandemic: opportunities, challenges, prospects	43
Spirina, A.S., Maksimova, S.G. The state of security and trust in the border regions of Russia: according to the results of a sociological research	53
Ilynykh, S.A., Pelykh, A.Yu. Attorneys: law mobilization, legal risks, trust	63
Silin, A.N., Barbakov, O.M., Yakovlev, A.V., Tokar, D.A. Development of system of monitoring social situation for neo-industrial development of the Arctic	73
Koltunov, A.L., Korshunov, M.N. Leader-elite configuration of regional political processes in the structure of the public consciousness of the population (on the example of the Khanty-Mansiysk autonomous district — Ugra)	85
Kozlova, I.S. Potential Use of Social Networks in Protest Actions in Russia	99

ИДЕОЛОГИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА: СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Алексей Николаевич Ильин¹

¹*Кафедра практической психологии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Российская Федерация*

Аннотация. В статье подвергаются критическому анализу теория и практика неолиберализма. Государство призвано осуществлять большое число социально значимых функций — от обеспечения общественной безопасности до ограничения бедности и социально-экономического расслоения. Эти функции нейтрализуются неолиберальным проектом, который стремится отстранить государство от управления обществом и экономикой. Анализируются такие неолиберальные концепции, как социальное благо от приватизации и личная ответственность. Доказывается их мифологичность, функционирующая для легитимации неолиберального проекта в глазах общественности. Раскрывается сущность, сокрытая за эвфемизмом «гибкий рынок труда» и за другими эвфемизмами, которые используют сторонники неолиберализма для успешной пропаганды своих инициатив. Доказываются социальная дисфункциональность неолиберальных реформ, их антинародный характер. Рост неравенства, утрата государствами суверенитета, расширение бедности, развитие корпоративного сектора (в том числе социально безответственного спекулятивного капитала) — закономерный итог функционирования неолиберального проекта. Этот проект является методологией в руках транснационального бизнеса для открытия экономик суверенных государств и закабаления обществ.

Ключевые слова: неолиберализм, государство, функции государства, свободный рынок, «гибкий рынок труда», эвфемизм.

The Ideology of Neo-Liberalism: The Nature and Social Consequences

Alexey N. Il'in¹

¹*Department of Practical Psychology, Faculty of Psychology and Pedagogy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation*

Abstract. The article critically analyzes the theory and practice of neoliberalism. The state is called upon to perform a large number of socially important functions – from ensuring public security to limiting poverty and socio-economic stratification. These functions are neutralized by the neoliberal project, which seeks to remove the state from the management of society and the economy. Neoliberal concepts such as the social benefit of privatization and personal responsibility are analyzed. They are proved to be mythological, functioning to legitimize the neoliberal project in the eyes of the public. The article reveals the essence hidden behind the euphemism “flexible labor market” and other euphemisms used by neoliberalists to successfully promote their initiatives. The author proves the social dysfunctionality of neoliberal reforms and their anti-national character. The growth of inequality, the loss of sovereignty by States, the expansion of poverty, and the development of the corporate sector (including socially irresponsible speculative capital) is a natural result of the functioning of the neoliberal project. This project is a methodology in the hands of transnational business for opening up the economies of sovereign States and enslaving societies.

Keywords: neoliberalism, state, functions of the state, free market, “flexible labor market”, euphemism.

Введение

Современный либерализм целесообразней называть неолиберализмом, поскольку у него существуют принципиальные отличия от классического либерализма. И даже если для простоты изложения далеко не всегда используется приставка «нео», слово «либерализм» по умолчанию следует понимать как «неолиберализм» (далее — «НЛ» и термины вроде «неолиберальные реформы» — как «НЛ-реформы»). Классический либерализм имеет заслуги борьбы против рабства, клерикализма, бюрократизма, сословного неравенства, политической

цензуры и абсолютизма. В свое время либеральная буржуазная философия стала прогрессивным явлением против привилегированной феодальной аристократии (которая ставила себя выше других людей) и ее порядков, сковывающих свободу человека. В целом буржуазные революции вызвали создание мощных средств производства, инфраструктуры, промышленности.

НЛ имеет мало общего со своим предшественником. В отличие от либерализма, он превозносит расширение прежде всего экономической свободы, не оглядываясь на общественную безопасность и социальную справедливость. Однако данная идеология по-прежнему обладает серьезным символическим капиталом, продолжает притягивать симпатии и ассоциироваться с защитой прав и свобод в самом позитивном смысле слова. Термин «либерал» в массовом сознании настолько закрепился, что оставил за собой положительно воспринимаемое значение, превратился в бренд, в точку притяжения позитивного отношения. Данный термин имеет на практике совершенно иное наполнение, чем представления о нем. В этом заключается проблема терминологии, когда термин в общественном сознании теряет свое истинное значение, отрывается от реальной практики тех акторов, к которым он отсылает.

Грамотно подобранная терминология, имеющая позитивный имидж, выступает эффективным средством воздействия на массовое сознание. Само использование определенных терминов располагает реципиентов, вызывает у них положительные эмоции, расширяет аудиторное поле — и это происходит несмотря на отсутствие связи с реальным смыслом термина. Невзирая на бесповоротную дискредитацию НЛ, осуществленную на эмпирическом уровне (разрушительный результат НЛ-реформ в России и в ряде других стран), таковая дискредитация не произошла на всеобщем ментальном уровне. В России по-прежнему масса ученых, писателей, политиков, бизнесменов продолжают проповедовать НЛ-идеи приватизации госсобственности, всеобщей маркетизации, минимизации функций государства и так далее. И они находят в обществе определенный сегмент сочувствующих. Кроме того, НЛ притягателен, поскольку его превозносят в основном успешные люди и массы, которые хотят на них равняться, стараются заимствовать образ жизни и образ мысли своих кумиров.

Нередко люди, когда им рассказывают о действительной сути НЛ, сильно удивляются, не желая верить «клевете», направленной в сторону этой «благой» идеологии. Закрепившееся в массовом сознании положительное отношение к либерализму, исходящее из его теперь уже неверного значения, играет на руку апологетам НЛ. Идеологи, пропагандисты и защитники НЛ по-прежнему апеллируют к ценностям, которые проповедовал классический либерализм. Только эта апелляция происходит исключительно на словах. Ведь для продвижения в общественное сознание любой идеологии необходимо делать отсылки к неким ценностям, которые находят положительный эмоциональный отклик у широких слоев населения. Для этого приходится о многом недоговаривать, подменять понятия, использовать идеологические фальсификации или просто лгать. В ином случае смертоносная для общества идеология не будет «адекватно» восприниматься. Поэтому адепты НЛ утверждают, что их система идей защищает человеческое достоинство, инициативу, самостоятельность, предприимчивость, свободу. Согласно их словам, она является единственным средством защиты демократии, свободы выбора, обеспечения прав человека и борьбы против тоталитаризма. Под последним понимаются как фашизм, так и коммунизм. Конечно, никто не будет защищать тоталитаризм. Любой здравомыслящий индивид выступает за личную свободу против несвободы, за выбор против его отсутствия, за права против бесправия. На этих, вполне укорененных в общественном сознании ценностях, НЛ обеспечил себе идейную гегемонию, используя термин А. Грамши. Однако, совершая манипулятивную идеологизацию, защитники НЛ продвигают под видом всеобщего блага абсолютно другой «продукт». Решительно защищая интересы меньшинства, они ссылаются на благо для большинства от своего проекта. И нередко делают это вполне успешно.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили работы российских и зарубежных исследователей, в которых раскрываются основные последствия реализации неолиберальных идей, содержание рыночной идеологии, методы ее пропаганды. База источников является междисциплинарной и включает в себя работы философов, экономистов, социологов и политологов.

Для осмысления сущности неолиберального проекта нашли применение следующие методы и подходы:

- диалектический метод применялся для раскрытия противоречий между сущностью неолиберальных реформ и риторическими приемами их социальной легитимации;
- неомарксистский подход позволил критически оценить социально-экономические тенденции, проявляющиеся в условиях неолиберального общества;
- метод теоретической реконструкции был применен для выделения основного содержания неолиберального проекта и последствий его реализации;
- системный подход позволил интегрировать различные исследовательские идеи для создания критической концепции неолиберализма, его характера влияния на разные сферы жизни человека и общества: экономическую, идеологическую, сферу общественной безопасности.

Результаты и обсуждение

НЛ и государственные функции

НЛ — идеология, проповедующая приватизацию государства, то есть минимизацию роли государственных учреждений во всех сторонах жизни общества, и открытия пути для свободы капитала. Последний активно оберегается НЛ-идеологией и практикой, которая защищает его наступление на труд. НЛ предполагает свободу торговли, открытие экономики для внешнего влияния, снижение налогов, сокращение расходов на социальную сферу. Приватизация вызывает сокращение бюджета и урезание социальной сферы, которую, по мнению неолибералов, и следует урезать. Объектом приватизации становится даже армия, на что указывает формирование частных военных структур. НЛ стремится уничтожить общественную собственность: пенсии, льготы для малообеспеченных слоев населения, бесплатные медицину и образование и так далее. Здравоохранение и образование переводятся в частную сферу. Гарантии занятости, обеспеченное достойным прожиточным минимумом право на жизнь, социально-экономическая защищенность нивелируются, поскольку представляются недопустимыми издержками для капитала. Трудовые права замещаются так называемым гибким рынком труда, социальная защита — личной ответственностью. Опорой может быть только личное богатство, и если его нет, то пропадает и опора/защита. В трудах различных авторов представлены основные особенности неолиберального проекта [1–6].

НЛ-идеология утверждает практически абсолютный монетаризм, то есть превращение в объект купли-продажи различных общественных ресурсов, в том числе природных. Всячески раздвигаются рыночные рамки, когда уже не остается практически ничего, что не трансформировалось бы в объект контрактных отношений. Все обретает цену, монетизируется — даже то, что в принципе не соответствует рыночным критериям и не создается для продажи; искусство продается и приватизируется, высокая духовность брачных отношений заменяется выгодным контрактом. НЛ призывает к отходу от культурно-нравственного цензурирования СМИ государством и к коммерциализации культурных сфер. Монетаризация, эффективность, рентабельность, гибкость, конкуренция (доходящая до ожесточенной борьбы всех против всех) — основные ценности НЛ, которые противостоят социально значимым ценностям защищенности, стабильности в труде, росте народного (а не корпоративного) благосостояния.

НЛ-проект сводит на нет множество социально необходимых функций, которые должно реализовывать государство. В их числе такие как поддержка здоровой нравственности в обществе, защита прав трудящихся, борьба с бедностью и ростом социально-экономической поляризации, регулирование рынка труда в целях снижения безработицы. Государство призвано развивать страну, чего невозможно сделать без национализированной собственности, то есть без консолидации ресурсов и использования их в интересах всего общества. Государство обязано помогать людям с физическими и психическими заболеваниями, тем более число последних растет из-за неблагоприятной экологической ситуации и стрессогенной жизни в целом; а в условиях неолиберального сокращения доступной медицины обостряется проблема здоровья народа. Государство должно обеспечивать людей доступом к качественному здравоохранению и образованию; только здоровый и хорошо образованный народ может быть фактором дальнейшего развития страны. Также к функциям государства относится обеспечение социальной безопасности — обороноспособности, экологической приемлемости условий жизни и труда и прочего. Государство призвано заботиться о контроле над нормативами качества на продукты и товары; в таком случае бизнес обязуется проявлять минимальную социальную ответственность и не может создавать и реализовывать отраву вместо продуктов питания или проектировать товары, которые быстро ломаются, чтобы покупатель постоянно приходил приобретать аналоги. Систематическое улучшение технологической и в целом инфраструктурной среды, определение минимальных заработных плат и прожиточного минимума, регулирование цен и правил ценообразования — все это тоже функции государства. От него также требуется реализация стратегического планирования и обеспечения долгосрочного развития, предвидения угроз и создания инструментов для их нейтрализации или минимизации. Государство вместе с тем обязано реализовывать национально значимые проекты, от которых бизнес отказывается в силу большого объема инвестиций, долгой окупаемости или вообще неопределенности по части прибыльности; проекты типа освоения космоса бизнесу мало интересны, так как не сулят быстрой окупаемости.

Эти и многие другие функции в своей совокупности, при условии их реализации государством, позволяют последнее назвать государством всеобщего благосостояния, институтом, несущим максимальную социальную пользу. Именно для максимизации социальной пользы, а не для защиты алчного корпоративного сектора от народа, должно существовать государство. И если оно какие-либо из своих функций выполняет недостаточно эффективно, это не повод постулировать бесполезность государства, требовать почти полного его упразднения. Именно государство и только оно способно реализовывать вышеперечисленные формы заботы об обществе и стране. Поддержание необходимых для нравственного, экономического, промышленного, научного, когнитивного и так далее развития общества, условий, факторов социальной жизни, не может быть реализовано рынком как совокупностью различных частных действий. НЛ стремится минимизировать деятельность государства, отодвинуть его от исполнения собственно государственных обязанностей по поддержке и защите социально и экономически незащищенных слоев общества, по борьбе с безработицей, по обеспечению технологического прогресса, по реализации других из вышеперечисленных функций. Для либералов государство — это просто ночной сторож, который следит за выполнением законов, которые, в свою очередь, твердо стоят на почве защиты капитала от труда (*laissez faire* — политика невмешательства). Фактически при НЛ-режиме государство выступает институтом, защищающим присвоивших общественные ресурсы олигархов от общества. Также оно становится административным придатком транснационального бизнеса, в том числе спекулятивного. В этом состоит основная функция НЛ-государства. На международном уровне НЛ — это средство глобального открытия рынков, разрушения национальных государств, ускорения имущественной поляризации на мировом уровне, перетекания капиталов, а вместе с ними и властных ресурсов

в руки транснациональных элит и укрепления их власти в мире. Капитал стал глобальным, детерриториализованным, свободно перетекающим из места в место, из региона в регион. Для транснациональной корпоратократии НЛ-проекты выступают средством открытия государств и их экономик. Открытость страны глобальному рынку и деятельности мобильного транснационального капитала ограничивает возможности государства регулировать распределение дохода, модернизировать инфраструктуру, противостоять вывозу национальных богатств, осуществлять защиту социальных прав граждан и выполнять другие вышеперечисленные функции. И нецелесообразно призывать к отказу от государства, сокращать его функционал не на основе факта минимального выполнения этим институтом своих обязанностей, а на основе идеи, что в принципе эти функции не следует реализовывать государству. Такая радикально рыночная идея равнозначна призыву к социальному самоубийству. Кроме как государству, эти функции выполнять некому. Если же оно становится «слабым», его место занимают структуры, работающие в своих интересах, а не в интересах общества: транснациональные корпорации (ТНК), олигархат, криминалитет. Причем они, равно как и приватизированные службы, обычно защищаются законами о конфиденциальности деловой информации, что придает им непрозрачность и обеспечивает антидемократические тенденции. Именно ТНК и транснациональные спекулянты стремятся «открыть» национальные экономики, уничтожить государственный суверенитет, ликвидировать социальное государство как значимое достижение человечества, в результате чего наступают дестабилизация хозяйства, бедность, поляризация, незащищенность перед «конъюнктурой мирового рынка». Недаром США как «место регистрации» глобального бизнеса и как флагман неолиберализации мира оказывают давление на разные страны, чтобы сделать их периферией в выстраиваемой мир-системе свободного рынка. Ради этого Вашингтон вероломно вмешивается во внутренние дела суверенных государств, устраивает госперевороты, осуществляет бомбардировки в обход международному праву, использует экономическое влияние путем кредитов от Международного валютного фонда и Всемирного банка.

По точному замечанию М. Делягина, НЛ требует отхода государства из экономики, чтобы освобожденный от налогов бизнес брал с людей плату за услуги, которые государство бесплатно дает обществу за счет налогов с бизнеса [7]. Правда, бизнес не способен выполнять все эти функции. На более масштабном уровне речь идет уже не о государстве, обществе и национальном бизнесе, а о государствах, обществах и транснациональном бизнесе, подминающем их под себя. Минимизация роли государства и его подчинение глобальному бизнесу (что проповедует НЛ-идеология) лишат государство возможности выполнять общественные функции. Бизнес (в том числе транснациональный) не способен взять на себя государственные функции по многим причинам, в том числе потому, что ему свойственно концентрировать свое внимание на прибыли за счет обществ, а вовсе не на их защите. «То обстоятельство, что основной мотивацией транснациональных компаний (ТНК) является прибыль, а государство создается для жизнеобеспечения и защиты его граждан, объективно порождает обострение противоречий между интересами социальной экономики и интересами ТНК» [8]. Транспортная инфраструктура должна строиться не ради бизнес-прибыли, а ради комфорта всех членов общества. Новым лекарственным препаратам надлежит создаваться не для обогащения корпораций, а для сохранения здоровья каждого гражданина. И так далее... НЛ-государство и государство рабочих, если брать каждое из них в максимально чистом виде, выступают по отношению друг к другу антагонистами.

Иллюзорные представления о благе приватизации

В качестве средства почти от всех проблем либералы видят приватизацию госсобственности и сокращение госрасходов на нужды общества. Предполагается, что любое предприятие, находясь в частном управлении, функционирует эффективней, чем при нахождении под государственным бюрократическим контролем. Якобы госчиновник управляет чужим

предприятием, поэтому он неэффективен, а частник управляет своей фирмой, поэтому он эффективен. Но эта точка зрения — всего лишь догма, ничем не подкреплённая. Истории известна масса примеров совершенно неэффективного и ошибочного управления частными фирмами. Особенно это касается деятельности новых собственников 1990-х годов в России, многие из которых приводили свои компании к банкротству. К тому же стратегически важные предприятия априори не могут находиться в частном владении.

Трудно себе представить, чтобы все отвечающие за оборону предприятия находились в частных руках, и государство — даже в случае угрозы войны — не могло на них оказывать влияния. Возможно, частное предприятие действует эффективней для потребностей частника, а не для социальных интересов и целей, не для трудящихся на этом предприятии. В контексте общественной пользы и защиты прав трудящихся оно может быть абсолютно безответственным. В ряде случаев ошибку совершают крупнейшие бизнесмены, а расплачиваются за нее государство и общество; прибыли приватизируются, а убытки социализируются. Например, в кризисе 2008 года была виновна алчность крупнейшего бизнеса, который продолжал до последнего заниматься спекулятивной деятельностью. Создавшийся спекулятивный пузырь привел к финансово-экономическому краху. Виновные в происшедшем банки не просто избежали ответственности, их убытки стали оплачиваться государством. Иными словами, государство за счет налогоплательщиков принялось финансировать структуры, ответственные за кризис. Огромные средства многих государств вместо социальной сферы направились на спасение общественно безответственного бизнеса. За неэффективные и социально безответственные решения корпоратократов платит общество, не имеющее к этим решениям никакого отношения. Безответственность крупнейших капиталистов оплачивается государством, которое, по сути, становится для капитала благодетелем, отдающим общественные деньги. Тем более крупнейший бизнес устроен так, что работой корпораций руководят вовсе не собственники, а нанятые менеджеры. Управляемый объект не находится в их собственности. Управляемые распоряжаются финансами собственников как банки — деньгами клиентов. Нанятые менеджеры внутри корпораций создают свою бюрократию, в чем-то аналогичную государственной, но только менее прозрачную и менее социально ответственную. Получается, НЛ собственной практикой побивает свою теорию.

В условиях ликвидации перераспределительных механизмов социального государства на Западе «происходила необратимая бюрократизация частного сектора, который, присвоив себе в ходе формальной и неформальной приватизации целый ряд функций государства, воспроизвел внутри себя те же болезни, от которых страдают правительственные структуры, с той только разницей, что в перераспределительной политике частного сектора не могло быть ни планомерности, ни систематичности (все компании действовали самостоятельно, пусть и в схожем направлении), а внутри корпораций прозрачности было еще меньше, чем в правительстве. Если коррупция, неэффективность и бюрократическая волокита в государственном аппарате быстро становятся предметом публичного обсуждения и вызывают потребность что-то сделать, чтобы справиться с этими проблемами, то, как выяснилось, в частно-корпоративном секторе те же тенденции, прикрытые завесой коммерческой тайны, могут развиваться десятилетиями, не привлекая внимания публики и даже акционеров. Презумпция частной эффективности, ставшая основной догмой не только либеральной экономической науки, но также правительства и прессы, делала немыслимой даже попытку обсуждения подобных проблем вплоть до Большого Краха 2008 года» [9].

НЛ-идеология предполагает, что приватизация госсобственности даст бюджету дополнительные налоги от переданных в частные руки предприятий. Однако бюджет значительно богаче, когда с предприятия идут не налоги (частные компании нередко пытаются избегать налогообложения), а вся прибыль от его функционирования. Целое предпочтительнее части. И невозможно приватизировать до бесконечности, поскольку объем госсобственности

ограничен. Сначала распродали одно и наполнили бюджет, но деньги вскоре закончатся. Затем приватизировали другое и так далее. При усугублении проблем с бюджетом в будущем продавать будет уже нечего. К тому же после успешно проведенной приватизации, как это было в ельцинской России, большая часть предприятий уходит под иностранный контроль, и никакой прибыли госбюджет не получает, что в принципе недопустимо. Такой поворот событий — настоящее, крайне преступное предательство национальных интересов. НЛ призывает к демонтажу государства всеобщего благосостояния с его системой социальной поддержки, с его компромиссом между рыночной стихией и планом, трудом и капиталом, частным и государственным сектором. В конце концов побеждает капитал, а труд остается в статусе поверженного. Вместе с трудом, который охватывает почти все общество, поверженным остается социум. Прислушаемся к словам М. Лаззарато: «Современная неолиберальная политика производит человеческий капитал или “индивидуальных предпринимателей”, которые в большей или меньшей степени задолжали, в той или иной мере обеднели, но в любом случае подвержены рискам. Для большинства людей становление “индивидуальным предпринимателем” сводится к поиску работы, уплате долгов, понижению зарплаты и других выплат, а также сокращению социального обеспечения согласно нормам конкуренции и ведения бизнеса» [10].

Культ личной ответственности и «гибкий рынок труда»

НЛ-идеология абсолютизирует свободу действий и личную ответственность за эти действия, то есть государство уходит от защиты граждан. Такая свобода ведет к усилению тех, кто имеет множество ресурсов, и ослаблению тех, у кого этих ресурсов минимум. Интересы людей, за счет которых свободное предпринимательство достигает развития, игнорируются, точнее, мастерски заменяются этой самой свободой предпринимательства и личной ответственностью за неудачу. Восхваляется общество тотальной конкуренции, отсутствия социального обеспечения и гарантий на труд. Каждый сам за себя. В таком случае каждый оказывается не свободным, а брошенным. Состояние брошенности всех и каждого пришло в нашу страну с развалом СССР и воздвижением НЛ-реформаторов, которые — в целях успешности пропаганды — вместо брошенности обещали свободу. Если человек не добился успеха, система тут ни при чем. Предполагается, что успех находится исключительно в руках индивида. И ничего не говорится о том, что он против своей воли брошен в капиталистическое бытие. Бедные воспринимаются как ленивые и не желающие трудиться, и потому они недостойны поддержки со стороны государства. Они не жертвы, а эксплуататоры общества. И для ликвидации такой эксплуатации предлагается лишить бедных всяческих социальных гарантий.

НЛ руководствуется протестантской идеологической доктриной о том, что бедность — признак отверженности от бога (в отличие от православной доктрины, где бедность — признак приближенности к богу). Поэтому проблема бедности представляется как личная, а не социальная, связанная с неконкурентоспособностью человека, с неумением бороться за существование. Чем не социал-дарвинизм в его самой антигуманной форме? Такая идеологема позволяет элитам снять с себя ответственность за незавидную участь безработных, низко оплачиваемых, пенсионеров и других социально незащищенных групп — ведь они сами виновны в своей судьбе, а значит, помощь со стороны государства неуместна. Стремление к общему благу представляется не просто бесполезным, но и вредным, так как оно противоречит священному для либерала функционированию рынка и конкуренции.

Не политико-экономическая система и ее пороки, не капиталистическая эксплуатация, не главенство рынка, а сугубо личная несостоятельность (отсутствие предприимчивости и трудолюбия) представляется фактором, обрекающим людей на бедность. Так, внешние обстоятельства трансформируются во внутреннюю вину. Особенно лицемерно это звучит, когда в стране выстроена такая политико-экономическая система, где не предоставляется

достаточного количества рабочих мест, наибольшие блага вместо честно трудящихся получают бесчестно спекулирующие, а честный труд и высокое образование утрачивают статус гарантии достойного заработка и социально-экономической мобильности.

В условиях НЛ-глобализации многие национальные предприятия разоряются, так как не могут конкурировать с транснациональными гигантами. Следствием этого (и не только этого) является рост безработицы. НЛ-проекты на глобальном уровне разрушают рабочие места и формируют постоянно растущую армию «избыточного» населения. Заодно ради минимизации издержек капитал, который ничем не контролируется, ухудшает условия труда: ликвидирует бессрочную занятость, снижает зарплаты, способствует росту продолжительности рабочей недели, привлекает дешевую рабочую силу из-за рубежа, которая еще больше дестабилизирует национальный рынок труда. В принципе НЛ-глобализация приводит как к снижению зарплаток и трудовых гарантий, так и к сокращению общественных расходов, а вместе с тем — к репрессивной политике по изъятию трудовых и социальных прав. Но разрушая социальные условия жизни, НЛ своей пропагандой также разрушает сознание людей, внося в него иллюзии.

Сфабрикованными идеологемами инвертируется социальная справедливость. Идеология свободы превратилась в парадоксальную риторику. Так, врывающиеся в общественную жизнь вместе с постепенным демонтажем «государства всеобщего благоденствия», ненадежность, безработица, отсутствие социальных гарантий, вынужденность часто менять работу и заключать краткосрочные контракты стали интерпретироваться как проявления свободы от надоедающего постоянства, от однообразного труда, как возможность саморазвития. НЛ-теория, отвергая идею межклассового противостояния, парадоксальным образом утверждает, будто ослабление профсоюзов, ликвидация государственных функций по социальному обеспечению и утверждение «гибкого рынка труда» необходимы для защиты свободы выбора трудящихся. На практике мы видим обратную ситуацию. С таким же успехом бедность можно трактовать как свободу от власти денег, а значит, как величайшее достижение человечества. Аналогично свободная торговля и дерегулирование предлагаются в качестве блага, нейтрализующего ограничения для индивидуального выбора и предпринимательской инициативы; и ничего не говорится про результаты такого «освобождения»: расширение бедности, рост эксплуатации трудящихся, упрочение неравенства распределения благосостояния и власти и так далее. Также НЛ сопряжен с рассказами о том, будто государство выступает нейтральным актором, действующим в интересах каждого. Так говорится про государство, которое принимает законы в интересах высшего класса, в целом поддерживает и упрочивает неравенство и классовую социальную структуру, сохраняет неравные властные отношения между классами.

Распространенный неолиберальный эвфемизм — «гибкий рынок труда». Либералы наперебой восклицают о своем стремлении защищать права человека и вообще о правозащитности как имманентном свойстве их идеологии. Однако именно ряд социальных прав она решительно отменяет. Одно из них — право на труд и, соответственно, на достойный заработок. На общепринятом языке «гибкий рынок труда» означает максимизацию прав работодателя и минимизацию прав работника, ослабление позиции работника перед работодателем, рост рискованности для трудящегося, отмену гарантий по трудоустройству, перевод трудовых договоров в состояние краткосрочности, лишение рабочих стабильности, уверенности в завтрашнем дне, снижение зарплат и социальной защиты. «Гибкий рынок труда» предполагает облегчение найма и увольнения рабочих, перераспределение прибыли в пользу руководства и усиление контроля над трудящимися. Защита работодателя становится приоритетней защиты работника. Профсоюзы сталкиваются с серьезным давлением и теряют свою силу. Перед работодателями расширяются возможности для увольнения работников. Перед работниками сужается спектр возможностей для оказания влияния на работодателя, у которого нет никаких морально-юридических обязанностей помогать трудящимся в сложные

периоды. Так множится прекариат — совокупность трудящихся, переведенных с постоянной на временную работу и лишенных всяких трудовых гарантий и уверенности в завтрашнем дне — в том, что он вообще будет трудовым.

Тот же перевод труда на краткосрочную контрактную основу является дисциплинарной технологией, поскольку повышает в работниках лояльность — ведь после окончания непродолжительного срока найма руководитель может вполне законным образом отказаться от продления контракта с работником. Появляется феномен одноразового работника. В ряде кризисных случаев под сокращение попадают простые служащие, тогда как представители администрации сохраняют за собой рабочие места — даже если их деятельность бесполезна или вредна для функционирования предприятия или экономики в целом. Даже замеченные в прямом мошенничестве топ-менеджеры, деятельность которых приводит компанию к краху, выписывают себе огромные бонусы и оставляют за бортом не то что премий, а рабочего места огромное количество подчиненных, переводя их в статус бывших подчиненных. С одной стороны, наблюдается такая безответственность с позиции топ-менеджмента. С другой стороны, сохраняется система потогонного производства, где царят нечеловеческие условия труда, угроза для здоровья и жизни, унижение работников, сверхэксплуатация (в том числе детского труда), крайне низкие зарплаты, полное отсутствие даже малейшей защищенности труда. Соответственно, «гибкий рынок труда» — это социально-трудовые условия, закрепляющие и усиливающие неравенство и несправедливость. Чем больше «гибкости», то есть отхода от постоянной занятости, тем выше безработица и бедность.

Политики, пропагандирующие «гибкий рынок труда», предлагают просто отказаться от поддержки рабочих и их прав и перейти к перераспределению доходов в пользу капиталистов. Все это реализуется, сопровождаясь красивыми фразами об эффективности, модернизации, росте ВВП и так далее. Только экономический рост вовсе необязательно сопрягается с усилением социально-экономического равенства, повышением зарплат или расширением системы социального обеспечения. Весьма нелепо выглядит риторика соответствующих лobbyистов о том, что их политическая программа предоставит людям дополнительные возможности взять на себя ответственность за свою жизнь. Иными словами, это означает следующее: мы лишим вас всяческих гарантий существования и социальной поддержки, но предлагаем в этом видеть новые возможности и свободу выбора. Получается, постоянное чувство неуверенности в завтрашнем дне, трудовая неустойчивость, зависимость от краткосрочных контрактов, отсутствие трудовых прав и гарантий — это перманентная возможность делать выбор, развивать свой профессионализм, освободиться от трудового изнуряющего постоянства. Слово «возможность» здесь явно неуместно, но выступает красивым рекламным оборотом. Тех, кто противостоит гибкому рынку труда и другим «сюрпризам», легко обвинить в инфантильности, ригидности, неприятии новых возможностей, «бегстве от свободы». Таким же образом тех, кто выступает против разрушающих семью ювенальных законов, совершенно необоснованно называют архаичными патерналистами, сторонниками насилия в семье, защитниками женского неравноправия и апологетами жестоких наказаний.

В качестве примера создания гибкого рынка труда приведем решение, принятое правительством Франции в 2006 году. Не интересуясь ничьим мнением, оно ввело *Contrat Première Embauche* (Договор первого найма), который позволял работодателям нанятых ими молодых людей в возрасте до 26 лет увольнять в течение первых двух лет работы без обязанности объяснять причины. Этим решением правительство частично отменило *droit du travail* (право на труд), которое является одним из главных завоеваний французских рабочих в послевоенные годы [11]. Также во Франции был принят трудовой контракт, который касается фирм, нанимающих менее 20 служащих; такие фирмы составляли 66 % французского бизнеса. Контракт ввел право увольнять с работы любого человека в любое время и по всякой причине, причем соблюдение формальной процедуры и право на апелляцию отменяются [12]. Понятие

«гибкий рынок труда» стоит в целом ряду эвфемизмов, которые устроители неолиберального мирового порядка используют в своих пропагандистских целях. Приведем некоторые из них. Под красивым термином «свободный рынок» (и «свободная торговля») понимается такое экономическое мироустройство, которое будет приносить пользу и так наиболее сильным акторам мировой политики, то есть архитекторам этого рынка — и за счет наиболее слабых. Это понятие означает открытие экономик независимых стран для транснационального капитала. Наиболее частый результат этого — экономический спад, упадок неконкурентоспособных секторов, разрывывание экономики транснациональным бизнесом, катастрофизация социально-экономического положения населения. Те, кто декларирует необходимость встраиваться в систему свободной торговли, по сути, рекламируют путь, ведущий к описанным результатам. Еще один эвфемизм — «гуманитарная интервенция». Так, американский истеблишмент и подвластная ему мировая пресса квалифицируют вероломные захватнические военные операции США и их союзников. Еще их называют: «военный пацифизм», «гуманитарный милитаризм», «стабилизация региона», «мирная агрессия» или «гуманистическая интервенция». В свое время Вашингтон активно поддерживал создание в Латинской Америке террористических организаций (эскадронов смерти), которые пытали, похищали и убивали людей только за то, что они проявляли малейшее несогласие с неолиберальной политикой, проводимой откровенно фашистскими диктатурами. Эти организации именовались антитеррористическими.

Все подобные эвфемистичные наименования отсылают к оруэлловским оксюморонам типа «мир — это война», «свобода — это рабство», в которых воплощена абсурдизация высшей формы. Также и понятие «противоракетная оборона» — очередной эвфемизм, поскольку применительно к США слово «оборона» означает «вероломная агрессия»; на это указывают не антиамериканские догмы, а живые страницы американской истории. Истребление деревень во времена вьетнамской войны называлось принудительной урбанизацией и модернизацией, а сама война звалась освобождением вьетнамцев от коммунизма. Термин «политическая глобализация» означает политическую гегемонию меньшинства на мировом уровне против интересов большинства. «Мировое сообщество» — это совокупность глобальных акторов, которые всеобщими усилиями разворачивают неокOLONIAЛЬНОЕ закабаление мира под флагом НЛ. «Мировым (или общечеловеческим) достоянием» именуют ресурсы, которые должны находиться в руках вовсе не мира и общего человечества, а наиболее влиятельных сил этого мира. Насаждаемый глобальными монополиями рынок именуют дерегулируемым. Американский империализм скрывают словосочетаниями типа «благородное лидерство» и «развитие демократии в мире». Термин «глобальная стабильность» означает эксплуатацию международным капиталом огромного количества стран и народов. Защитой прав ребенка (ювенальная юстиция) именуют проект по разрушению семьи. Аналогичным образом власти современной Украины и подпевающий им Запад называют террористические действия в отношении народа Донбасса антитеррористической операцией.

Такие подмены понятий осуществляются целенаправленно, в пропагандистских целях, которым следуют вершители НЛ-глобализации. Хорошие наименования служат прикрытию плохой сущности. Нередко диктаторы называли свой режим демократическим. Пришедшие к власти в России после развала СССР неолибералы (за которыми стояли чикагские советники) олигархическое разграбление народной собственности называли рынком и придавали этому слову респектабельный вид, а тотальную манипуляцию народным сознанием подменяли терминами типа «свобода слова» и «демократия». По аналогии, обратившись к марксизму, можно найти много примеров других превращенных форм. Так, категория «заработная плата» создает видимость оплаты за труд, хотя на самом деле это оплата, стоимость которой меньше, чем труд наемного работника, который посредством своей рабочей силы создает прибавочную стоимость для капиталиста. Так, слова и порождаемые ими образы все более расходятся с

обозначаемыми ими вещами. Сам факт обозначения теряется, оно становится не просто ускользающим, а совершенно ложным. Скрываемый за подменой понятия миф искажает сущность предлагаемого проекта, наделяет его положительными смыслами, а потому трансформирует восприятие происходящих тенденций и влияет на выбор будущего для общества. Ведь когда происходит социальная легитимация проекта, манипулируемое общество его принимает и тем самым обрекает себя на последствия, к которым реализация данного проекта приводит.

Выводы

Мы приходим к следующим выводам. Неолиберальная идеология, отстраняя государство от реализации социально значимых функций, приводит общество к серьезной дестабилизации, которая проявляется в целом ряде областей общественной жизни. При неолиберальном режиме растет социально-экономическое расслоение, ширится бедность, создается риск потери государственного суверенитета. Такие концепции, как социальное благо от приватизации и личная ответственность, являются в корне ошибочными, тиражируемыми лишь для легитимации неолиберализма в глазах общественности. Аналогичную функцию реализует эвфемизм «гибкий рынок труда», за которым скрывается упразднение прав трудящихся, которое реализуется в интересах капитала. В последние годы российское правительство развернуло масштабную критику НЛ-проектов в целом и американского экспансионизма, который продвигает в мире именно эти проекты. Также Кремль стал пусть недостаточно активно, но все же противостоять империалистическим стремлениям мирового гегемона в Сирии и на Донбассе. Однако власти РФ на уровне экономической политики остаются в тисках НЛ-парадигмы. Не наблюдается отхода от господствующих на протяжении тридцати постсоветских лет монетаризма, почти полного бесправия трудящихся, слабой социальной защиты, коммерциализации социальных благ (медицина, образование). Наоборот, продолжается наступление на социальные права общественного большинства; наиболее яркий пример — пенсионная реформа. В этом заключается двойственность российского государства.

Ожидать от властей полного отхода от НЛ в сторону социального государства не приходится при отсутствии давления, которое общественные группы могли бы снизу оказывать на власть имущих. Этого давления нет в условиях почти всеобщей политической пассивности населения. Кроме того, идеологическая гегемония в оппозиционных рядах принадлежит либералам, которые считают, что государство в недостаточной степени проводит рыночные реформы. Социалистической идейной гегемонии в рядах оппозиции и в общественном сознании не наблюдается. Этот факт — серьезное завоевание НЛ-идеологизации. В целом, НЛ-идеологемы в силу их социальной деструктивности заслуживают своего полного изживания. Но пока рано делать оптимистические прогнозы, учитывая продолжение прежнего социально-экономического курса в Кремле и недостатки массового политического сознания.

Библиографический список

- [1] Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. — Москва: Издательство «Европа», 2007. — 168 с.
- [2] Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? / Пер. с англ. Н. Эдельмана. — Москва: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 112 с.
- [3] Кляйн Н. Доктрина шока; пер. с англ. — Москва: Изд-во «Добрая книга», 2009. — 656 с.
- [4] Симонян Р.Х. Кризис либерально-рыночной модели глобализации // Вопросы философии. — 2018. — № 8. — С. 16–25.
- [5] Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. — Москва: Поколение, 2007. — 288 с.

- [6] Хомский Н. Избранное / Ноам Хомский; пер. с англ. С. Александровский, В. Глушаков. – Москва: Энциклопедия-ру, 2016. – 720 с.
- [7] Делягин М. Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. – Москва: Институт проблем глобализации, Книжный мир, 2016. – 800 с.
- [8] Пальцев А.И. Государственная безопасность России в условиях смены геополитических доминант, определяющих современное положение в мире // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2017. – № 2(11). – С. 47–53.
- [9] Кагарлицкий Б. Неолиберализм и революция. – Санкт-Петербург: ООО «Полиграф», 2013. – 256 с.
- [10] Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. – Москва: Европа, 2014. – 280 с.
- [11] Валлерстайн И. Иммиграция: протест на протест? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_630.html (дата обращения 08.11.2019).
- [12] Рамоне И. Закат Европы отменяется [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_665.html#_ftnref2 (дата обращения 20.01.2020).

References

- [1] Amin, S. (2007). *The Virus of liberalism: permanent war and the Americanization of the world*. Moscow: Publishing House “Evropa”.
- [2] Bauman, Z. (2015). *Does the wealth of the few benefit everyone else?* Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute.
- [3] Klein, N. (2009). *The doctrine of shock*. Moscow: publishing house “Dobraya kniga”.
- [4] Simonyan, R.H. (2018). Crisis of liberal-market model of globalization. *Voprosy Filosofii*, 8, 16–25.
- [5] Harvey, D. (2007). *A brief history of neoliberalism. Current reading*. Moscow: Pokolenie.
- [6] Chomsky, N. (2016). *Selected works / Noam Chomsky*. Moscow: Enchiplopedia-ru.
- [7] Delyagin, M. (2016). *The lights of darkness. Physiology of the liberal clan: from Gaidar and Berезovsky to Sobchak and Navalny*. Moscow: Institute of problems of globalization, Knizhnyj mir.
- [8] Paltsev, A.I. (2017). State security of Russia in the changing geopolitical dominant, determining the current position in the world. *Gumanitarnye Problemy Voennogo Dela*, 2(11), 47–53.
- [9] Kagarlitsky, B. (2013). *Neoliberalism and revolution*. St. Petersburg: Poligraf.
- [10] Zizek, S. (2014). *On the Eve of the Master: shaking the framework*. Moscow: Evropa.
- [11] Wallerstein, I. Immigration: a protest against the protest? Retrieved from http://scepsis.net/library/id_630.html.
- [12] Ramone, I. Sunset of Europe is canceled. Retrieved from http://scepsis.net/library/id_665.html#_ftnref2.

Получена / Submitted: 21/03/2020

Доработана / Revised: 09/04/2020

Принята к публикации / Accepted: 20/05/2020

УДК 316.472.4

УПРАВЛЕНИЕ ПРИВАТНОСТЬЮ В ПРОФИЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: АНАЛИЗ ТЕОРИИ САНДРЫ ПЕТРОНИО

Ирина Валерьевна Сапон¹, Дмитрий Евгеньевич Леденев²

¹*Кафедра социологии, политологии и психологии, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Российская Федерация*

²*Кафедра вычислительных систем, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обсуждается возможность применения теории управления приватностью в коммуникации (Communication privacy management) Сандры Петронио для исследования самораскрытия пользователей в профиле социальной сети. В связи с возросшей популярностью социальных сетей и приложений, использующих открытые данные пользователей, конфиденциальность личных данных стала одной из важных областей исследований. Однако принятие решения относительно раскрытия личных данных и степени их приватности в онлайн-пространстве представляет собой более сложный процесс по сравнению с традиционными видами коммуникации. Он не может быть объяснен с точки зрения классических моделей самораскрытия, созданных в эпоху до Интернета. Цель данной статьи — рассмотреть процесс управления приватностью в профиле социальной сети (в коммуникации «один-ко-многим») и проверить, возможно ли объяснить данный процесс с помощью теории Сандры Петронио. Проведенный в статье анализ литературы позволил выделить характерные особенности управления приватностью в профиле: пользователь не может видеть реакцию других на раскрытие своих данных, при этом он сталкивается с такими явлениями, как воображаемая аудитория и коллапс контекстов. Все это затрудняет осознание состава реальной аудитории и проведение наиболее верных границ приватности. Критический анализ основных положений теории Сандры Петронио показал, что теория позволяет описать социальные отношения, возникающие при управлении приватностью в профиле, и определить права и обязанности участников процесса коммуникации. В то же время авторами отмечается, что теория не учитывает некоторые особенности онлайн-контекста. Например, администрация социальной сети всегда является совладельцем информации, которую раскрыл пользователь. При этом у него нет возможности договориться с другими пользователями о правилах приватности, поэтому ответственность за приватность личных данных лежит на самом пользователе. В дополнение к уже описанным в данной теории факторам, оказывающим влияние на процесс принятия решения о приватности информации, авторы приводят факторы, имеющие значение в онлайн-среде.

Ключевые слова: самораскрытие, личные данные, социальные сети, профиль, теория управления приватностью.

Privacy Management on SNS Profile: Analysis of Sandra Petronio's Theory

Irina V. Sapon¹, Dmitry E. Ledenev²

¹*Department of Sociology, Political Science and Psychology, Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Novosibirsk, Russian Federation*

²*Department of Computer Systems, Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the possibility of Communication Privacy Management theory applying to research the self-disclosure in a social network site (SNS) profile. In response to increased popularity of SNS and applications that use open user data, the privacy of personal information has become an important area of research. However, making the decision about self-disclosure and privacy in the online space is a more complex process compared to traditional forms of communication. It cannot be explained in terms of the self-disclosure classical models created in the pre-Internet era. The purpose of this article is to test the possibility of explaining the privacy management process in the SNS profile (in one-to-many communication) using

Sandra Petronio's theory. Analyzing the results of research, we highlighted the features of privacy management in the profile: the user cannot see the others reaction to his self-disclosure and he also face such phenomena as an imaginary audience and the context collapse. It makes difficult to understand the real audience composition and draw the most correct privacy boundaries. A critical analysis of the main suppositions of the Sandra Petronio's theory has been conducted. The results showed that the theory allows to describe social relations and determine the rights and participants obligations in the privacy management process in SNS profile. At the same time, the theory does not take into account certain features of the online context. For example, SNS administration is always the co-owner of the user's disclosed information. Meanwhile, only user is fully responsible for privacy his personal data because he does not have the ability to discuss privacy rules with other users. The authors present their own factors that influence the decision-making process on the information privacy online in addition to the factors already described in the theory.

Keywords: self-disclosure, personal data, social network sites, profile, communication privacy management.

Введение

Одной из причин невероятной популярности социальных сетей является то, что они просты в использовании и позволяют «буквально в один клик» обмениваться информацией (новостями, мыслями, опытом) с близкими и знакомыми независимо от расстояния [1]. Как отмечают исследователи, публикуя информацию на своей личной странице, пользователь получает определенные социальные выгоды: упрощение процесса построения отношений с другими, увеличение доверия с ними [2], возможность добиться определенной популярности и создать положительное впечатление о себе [3]. Одним из способов рассказать о себе в социальной сети является заполнение профиля. Профиль представляет собой личное пространство пользователя, в котором тот может указать, например, свои интересы, мировоззрение, образование, место работы, номер телефона, а также ссылки на аккаунты в других социальных сетях. Данное пространство является не только личным, но и публичным: вся информация, размещенная в нем, доступна и другим пользователям, которым был предоставлен доступ.

Заполнение профиля можно считать некой социальной нормой: пользователь рассказывает о себе какую-либо информацию, другие, в свою очередь, также раскрывают личные данные. Обычно участникам социальной сети интересно, что публикуют другие пользователи, и они часто наблюдают друг за другом: просматривают фотографии, списки друзей, записи и комментарии на стене [4]. Заполненный профиль создает ощущение открытости и готовности к коммуникации, позволяет пользователю создать положительный образ себя [5]. Раскрытие интересов в профиле может облегчить знакомство и узнавание других людей, помочь в поиске единомышленников. Схожие интересы создают предпосылки к успешной коммуникации и развитию отношений [6].

Однако самораскрытие в социальных сетях связано с определенными рисками: персональные данные в профиле могут использоваться злоумышленниками в преступных целях. Также маркетинговые компании без ведома и согласия самих пользователей собирают и анализируют их личную информацию для предложения микротаргетинговой рекламы. Нередко пользователи знают о возможных рисках, но продолжают публиковать личную информацию в социальной сети. Из-за кажущейся нелогичности такого поведения данное явление получило название «парадокс приватности» [7]. В связи с этим становится необходимым более подробно рассмотреть, как пользователь принимает решение о самораскрытии в профиле социальной сети и управляет приватностью личных данных в этом онлайн-пространстве. Однако социальная сеть и, в частности, профиль являются относительно новым и малоизученным пространством коммуникации со своими характерными особенностями. В связи с этим возникает вопрос: применимы ли существующие теоретические концепции для описания процессов самораскрытия и управления приватностью в профиле социальной сети. В 2018 году нами был проведен теоретический обзор, который включил 76 зарубежных эмпирических исследований, опубликованных с 1999 по

2017 года [8]. Он показал, что при изучении процессов самораскрытия и приватности в социальных сетях применяются следующие теории:

- теория социального обмена Джорджа Хоманса (Social exchange theory, SET);
- теория социального проникновения Ирвинга Альтмана (Social penetration theory, SPT);
- теория управления приватностью в коммуникации Сандры Петронио (Communication privacy management, CPM или ТУП).

Теория управления приватностью в коммуникации Сандры Петронио (ТУП) была оценена нами как наиболее разработанная и перспективная теория, с помощью которой можно описать поведение пользователей, связанное с самораскрытием и приватностью в профиле социальной сети (в коммуникации по типу «один-ко-многим»). К тому же, в отличие от других, она дает наиболее широкое представление о факторах, влияющих на решение пользователя о приватности. По мнению некоторых исследователей, несмотря на то что данная теория привлекла много внимания, она все еще не нашла достаточного подтверждения эмпирическими данными в онлайн-контексте [9]. Многие исследования остаются фрагментарными и рассматривают лишь некоторые положения теории. Проблема, по-видимому, заключается в том, что такие центральные аспекты теории, как границы приватности и процесс управления границами приватности (подробнее о данных терминах будет рассказано ниже) трудно операционализировать в эмпирических исследованиях. К примеру, в одной из работ была предпринята попытка разработать меру, которая бы отражала степень управления границами приватности. Однако предложенная мера скорее показывала ожидания людей по поводу степени открытости их границ приватности, а не уровень фактического контроля над приватностью информации [10].

В данной работе мы рассмотрим управление приватностью в профиле социальной сети и попытаемся оценить, насколько применимы основные принципы ТУП для описания данного процесса. Сформулируем исследовательские вопросы статьи:

- какие особенности характерны для процесса управления приватностью в профиле социальной сети?
- возможно ли описать данный процесс используя положения и термины ТУП?

В ходе нашего исследования мы выделим сильные стороны данной теории, которые в дальнейшем могут быть использованы при создании теоретической концепции, способной наиболее полно охватить все аспекты приватности в таком уникальном пространстве, как профиль социальной сети. Данная работа может быть интересна исследователям, занимающимся вопросами самораскрытия и приватности, а также администрациям социальных сетей, которые задумываются об удобстве и безопасности пользователей.

Литературный обзор

Исследователи утверждают, что решение о раскрытии личных данных зависит от среды, в которой происходит общение [11]. В зависимости от ситуации и контекста человек выбирает подходящую стратегию управления приватностью [9], которая обеспечивала бы желаемый уровень приватности в конкретный момент времени [12]. Профиль социальной сети — это уникальная среда, являющаяся одновременно и личной, и публичной. Соединение приватного и публичного пространств усложняет процесс управления приватностью в данной среде. Для профиля также характерны и другие особенности, которые так или иначе оказывают влияние на решение пользователя о приватности. Приведем их ниже.

В профиле социальной сети коммуникация строится по типу «один-ко-многим»: информация раскрывается для определенной аудитории и не предполагает интерактивного взаимодействия. Преимуществом социальной сети является возможность продвижения личного профиля как бренда. Чтобы добиться популярности, пользователи нередко увеличивают количество друзей и подписчиков, добавляя незнакомцев. Однако у данного поведения есть и минусы: пользователь перестает осознавать реальный состав своей

аудитории. Это объясняется тем, что ее размер начинает превышать «число Данбара» — максимальное количество людей (150–200), с которыми в силу когнитивных и временных причин возможно поддерживать связь и считать их близкими [13]. В этом случае пользователь начинает распространять свойства знакомого ему круга лиц на всех потенциальных получателей информации. Данный феномен получил название «воображаемая аудитория» [14]. Он объясняет, почему пользователь начинает чрезмерно доверять своим сетевым «друзьям» и раскрывать в профиле намного больше личной информации, чем если бы он точно знал реальный состав аудитории.

Если для пользователя личная информация является способом рассказать о себе, то для социальной сети она является неким «товаром», который можно использовать для предложения персонализированной рекламы. Поэтому социальные сети заинтересованы в том, чтобы пользователи раскрывали личную информацию в профиле. Они обычно устроены таким образом, чтобы подталкивать пользователя к самораскрытию. Например, на странице пользователя обычно располагается баннер «Что у вас нового?» или упоминание о том, какая информация в профиле осталась не указана.

Раскрываемая в профиле информация (как и любые цифровые данные), обладает свойством масштабируемости: она может распространяться дальше, чем это изначально задумывалось пользователем, раскрывшим ее [7]. Данные становятся доступными для поиска и копирования, что усложняет или даже делает невозможным их полное удаление из социальной сети. Поэтому в контексте профиля социальной сети пользователь должен быть особенно осторожным, когда решает опубликовать ту или иную информацию о себе.

В социальной сети размывается понятие «друг» — его можно применить к различным категориям людей: родственникам, одноклассникам, коллегам по работе или просто знакомым. В связи с этим пользователю становится сложнее определить, какую информацию он может раскрывать, не нарушая при этом ожиданий каждого. Данное явление получило название «коллапс контекста» — ситуация, в которой пользователь вынужден соответствовать одновременно ожиданиям различных аудиторий, которые ранее разделялись временными, пространственными и социальными границами [15]. Таким образом, если в традиционной коммуникации человек с разными людьми может вести себя по-разному, то в публичном пространстве социальной сети у него такой возможности нет.

Процесс управления приватностью в профиле социальной сети осложняется тем, что в отличие от традиционной коммуникации он представляет собой двухэтапный процесс. Решения о том, что раскрывать и кому, оторваны друг от друга и реализуются с помощью разных функций [3]. Так, чтобы раскрыть информацию в профиле, необходимо заполнить определенные поля. Однако если информация предназначена только для определенной аудитории, необходимо также выбрать соответствующее положение настроек приватности.

Таким образом, профиль социальной сети — уникальное пространство, для которого характерны не только простота использования, но и ряд трудностей, возникающих в процессе управления приватностью. Нормы, сложившиеся в контексте данного онлайн-пространства, а также администрация социальной сети подталкивают пользователя заполнять информацию в профиле. Также пользователь сталкивается с явлениями «воображаемой аудитории» и «коллапса контекстов», масштабируемости и неудаляемости данных.

Материалы и методы

В данной работе под управлением приватностью мы понимаем управление потоком личной информации [11]. Соответственно, неотъемлемой частью данного процесса является решение человека о раскрытии. Самораскрытие определяется современными исследователями как намеренная передача информации о себе другому [9].

Материалами для исследования стали зарубежные эмпирические работы, в которых были изучены вопросы приватности личных данных пользователей социальных сетей и проверены

положения ТУП. Анализируя положения теории, мы также опирались на монографию и статьи автора теории — Сандры Петронио: «Boundaries of Privacy: Dialectics of Disclosure» [12], «Brief status report on communication privacy management theory» [16], «Communication privacy management theory» [17].

Для выявления характерных особенностей процесса управления приватностью в профиле социальной сети авторами использовался метод синтеза, который позволил соединить результаты анализа зарубежной литературы с выводами, основанными на личном опыте пребывания в социальных сетях.

Результаты и обсуждение

Учитывая перечисленные выше особенности, рассмотрим, можно ли применить ТУП для описания процесса управления приватностью в профиле социальной сети. Теория управления приватностью в коммуникации разрабатывалась Сандрой Петронио для объяснения того, как люди управляют приватностью на индивидуальном и коллективном уровнях. Согласно ТУП, на индивидуальном уровне люди принимают решение о раскрытии и сокрытии личной информации, а также выбирают степень ее секретности и аудиторию, для которой она будет доступна [12; 16]. Они считают, что владеют своей личной информацией и имеют право контролировать доступ к ней [18]. На коллективном уровне происходит раскрытие информации другим людям, с которыми оговариваются правила ее хранения и передачи третьим лицам. В случае, если информация, вопреки желанию людей, теряет свою секретность, они предпринимают меры по защите ее от дальнейшего распространения. Рассмотрим основные принципы ТУП подробнее.

Принцип 1. Люди считают, что они владеют своей частной информацией и управляют степенью ее приватности. Фундаментальным положением ТУП является утверждение о том, что люди могут считать определенные данные своей собственностью. В терминах теории такая информация называется *частной* (private information) и подразумевает любую информацию о себе или о других, в отношении которой человек может решать, что будет происходить с ней в дальнейшем. Так, например, он вправе определять степень ее публичности, то есть выбирать аудиторию, для которой она будет доступна.

Применяя это положение к интернет-среде, следует учесть следующее. При регистрации в социальной сети пользователь вынужден принять «Политику конфиденциальности» и согласиться с тем, что в любой момент времени администрация платформы имеет доступ к его личным данным. То есть любая информация, которую пользователь размещает в своем профиле, также является собственностью администрации социальной сети. Таким образом, можно говорить о том, что человек в этом онлайн-пространстве теряет право единоличного владения частной информацией, даже если сам так не считает.

Согласно ТУП, информация, которая принадлежит человеку, находится в пределах его *личной границы приватности*. Она представляют собой условную черту, выходя за которую частная информация становится известна другим [12]. Границы могут быть *проницаемыми* (открытыми) и *непроницаемыми* (закрытыми). Если человек не раскрыл личную информацию, она остается в пределах его личной границы, которую в данном случае можно считать закрытой и непроницаемой. В случае же, если он сообщает кому-либо данные, он делает границу приватности вокруг них проницаемой.

Учитывая вышеописанные свойства социальной сети, нетрудно догадаться, что единственной возможностью пользователя сохранить приватность данных в онлайн-пространстве является отказ от их раскрытия. Лишь в этом случае информация остается в пределах его личной границы приватности и доступна только ему. Таким образом, применяя первый принцип теории, можно отметить, что в социальной сети у пользователя нет возможности единоличного владения частной информацией. Администрация социальной сети является совладельцем всех данных пользователя. Следовательно, единственным способом

сохранить приватность является отказ от самораскрытия, что в терминах ТУП означает проведение непроницаемой личной границы приватности.

Принцип 2. Люди управляют конфиденциальностью своей частной информации с помощью личных правил приватности. Этот принцип теории гласит, что границы приватности зависят от *правил приватности*, которые отражают личные установки, убеждения и ожидания людей относительно того, кто, когда и при каких обстоятельствах может узнать данную информацию [17]. На правила приватности оказывают влияние культурные, гендерные, мотивационные и контекстуальные критерии, а также соотношение воспринимаемых рисков и выгод от раскрытия [12]. К примеру, на решение пользователя о публикации фотографии в купальнике на странице социальной сети могут повлиять мотивы, а также уместность такого раскрытия в культуре пользователя. Однако, как показал анализ литературы, в онлайн-пространстве существует ряд дополнительных факторов, влияющих на формирование правил приватности пользователей. Было замечено, что ценность информации влияет на то, будет ли она раскрыта: пользователи чаще публикуют те данные, которые представляют для них наименьшую ценность [19]. При этом одна и та же информация для разных людей может иметь неодинаковую ценность [20]. К тому же чем больше пользователь заботится о приватности своей информации, тем меньше объем его самораскрытия в социальных сетях [21].

На процесс управления приватностью также оказывает влияние уровень цифровой грамотности: наиболее «подкованные» пользователи, как правило, знают о существовании настроек приватности и чаще их применяют [22]. Использование настроек создает у пользователя ощущение контроля и позволяет ему чувствовать себя в безопасности [20]. И чем более подробные настройки приватности доступны в социальной сети, тем сильнее это чувство [4]. Таким образом, при раскрытии информации в профиле социальной сети пользователь руководствуется личными правилами приватности. На них, как мы показали, влияют не только факторы, обозначенные Сандрой Петронио (культура, гендер, мотивы, контекст, соотношение рисков и выгод), но и критерии, обусловленные особенностями данной среды. Например, ценность информации, беспокойство о приватности, уровень цифровой грамотности. Так, если информация не обладает большой ценностью для пользователя, и он не обеспокоен ее приватностью, вероятнее всего, он раскроет ее для других. С большей вероятностью пользователь заполнит профиль, если социальная сеть позволяет установить подробные настройки приватности. Однако если уровень цифровой грамотности пользователя высок, он скорее откажется от раскрытия.

Принцип 3. При предоставлении доступа к частной информации другому человеку тот становится совладельцем этой информации. Как только человек решает поделиться частной информацией, она покидает личную границу приватности и становится коллективной собственностью. Тот, кто раскрывает свою информацию, согласно теории, является *первоначальным владельцем*, а те, кому информация раскрывается, становятся *уполномоченными совладельцами*. Они вместе начинают нести ответственность за то, как используется и распространяется общая информация [12], которая теперь находится в *коллективной границе приватности*.

Как было рассмотрено в первом принципе, в случае, если пользователь заполнил профиль социальной сети, первым совладельцем данной информации становится администрация платформы. Чтобы включить в коллективную границу не только администрацию социальной сети, но и других пользователей, первоначальный владелец использует настройки приватности. С помощью них он выбирает, какая информация будет доступна той или иной группе пользователей. Как правило, между пользователем и его сетевыми друзьями создается наиболее проницаемая граница приватности, так как для «друзей» пользователь делает доступным наибольшее количество личной информации в профиле. Это подтвердилось и в проведенном нами ранее исследовании [23]. С помощью контент-анализа 2 122 личных

страниц пользователей социальной сети «ВКонтакте» мы сравнили количество доступной информации в профиле для трех групп людей:

- «друг пользователя»;
- «друзья друзей пользователя»;
- «незнакомый пользователь».

Как и предполагалось, наибольшее количество информации пользователь сделал доступной для своих «друзей», чуть меньше — для «друзей друзей» и наименьшее — для всех остальных участников социальной сети. Так, по нашему мнению, происходит процесс установления коллективных границ приватности относительно размещенной в профиле личной информации. Пользователь больше доверяет тем, кого он добавил в свой список друзей. Однако, как мы отмечали ранее, в категорию «друзья» в социальной сети могут попадать различные группы пользователей. В том числе и незнакомые. Следовательно, в коллективной границе приватности не всегда оказываются люди, которые готовы нести ответственность за совместное хранение личной информации.

Таким образом, в социальной сети можно увидеть различных совладельцев информации. Так, с момента регистрации пользователя вся размещенная им информация в профиле становится доступна и для администрации сети, то есть последняя наделяется правами владения этих данных. А коллективная граница приватности с другими пользователями формируется в результате предоставления им доступа с помощью настроек приватности. Однако размытие понятия «друг» и наличие явления «воображаемая аудитория» затрудняют пользователю проведение наиболее верных границ приватности в социальной сети. Так, в социальной сети человек не всегда знает, кто является совладельцем его данных.

Принцип 4. Совладельцы частной информации должны договориться о взаимоприемлемых правилах приватности. Согласно ТУП, когда люди раскрывают личную информацию, они теряют часть контроля над ее дальнейшим распространением, что может вызвать чувство уязвимости. Чтобы сохранить ощущение контроля над информацией, совладельцы участвуют в процессе *согласования правил приватности*, то есть договариваются о том, как совместно владеть и распоряжаться частной информацией. Эти правила регламентируют, каким количеством прав обладает каждый из совладельцев, а также кому и в каком количестве разрешено раскрывать совместную информацию. ТУП определяет три типа таких правил [20]:

- правила совместного владения частной информацией (private information authorized co-ownership rules);
- правила объединения границ (privacy boundary interlinkage rules);
- правила проницаемости границ (privacy boundary permeability rules).

Рассмотрим их подробнее на примере профиля социальной сети.

- Правила совместного владения определяют, какие права и обязанности есть у совладельцев относительно общей информации. В социальных сетях предметом договора является личная информация пользователя. А совладельцем данной информации является администрация платформы. Их права и обязанности оговорены в «Политике конфиденциальности» социальной сети. При этом участник соцсети не имеет возможность обсудить с ней правила совместного владения. В любой момент администрация сети может внести изменения в этот документ, и, соответственно, пользователь либо соглашается с ними и продолжает использование социальной сети, либо отказывается и прекращает участие в ней.

- Правила объединения границ приватности определяют, для кого разрешается раскрывать совместно хранимую информацию. То есть, кто еще может быть включен в круг совладельцев. Например: «Не говорите маме об этом». В социальной сети с помощью настроек приватности мы сообщаем администрации платформы свои ожидания по поводу того, каких пользователей мы бы хотели видеть в качестве совладельцев. Возможен выбор варианта настройки «только мне», при котором совладельцем остается только администрация сети.

- Правила проницаемости границ определяют, какое количество совместной информации можно раскрывать третьим лицам — людям, не входящим в круг совладельцев. Например, может быть установлено следующее правило: «Вы можете сказать маме, но не говорите ей слишком много деталей». В социальной сети с помощью настроек приватности пользователь определяет, какую информацию в профиле он бы хотел сделать доступной для различных категорий пользователей. К примеру, он может сделать открытыми для всех пользователей данные о городе проживания, так как не считает их секретными. В то же время он может ограничить круг лиц, для которого будет доступен номер его телефона, так как не хочет, чтобы эту информацию знали многие.

Таким образом, согласно ТУП, раскрывая информацию другим и включая их в коллективную границу приватности, люди должны договориться о правилах приватности. Однако в профиле социальной сети, в отличие от офлайн-коммуникации, невозможно договориться о правилах приватности ни с кем, кроме администрации сети. При этом договор является односторонним: пользователь может лишь соглашаться с установленными правилами, но не может вносить в них изменения. В то же время пользователь имеет право сообщать администрации свои ожидания по поводу третьих лиц с помощью предоставляемых социальной сетью инструментов (например, добавляя кого-либо в «друзья» и применяя настройки приватности). Так он показывает, в каком объеме и кому он бы хотел сделать доступной свою частную информацию.

Принцип 5. Когда совладельцы частной информации не договариваются о совместных правилах приватности и не придерживаются их, может возникнуть турбулентность границ. В большинстве случаев согласование правил приватности является достаточно эффективным методом управления приватностью коллективной информации. Но бывают случаи, когда частная информация выходит за установленные границы и становится доступной лицам, которые не были выбраны в качестве уполномоченных совладельцев. Такие случаи незапланированного распространения частной информации называются *турбулентностью границ приватности* [12].

Частой причиной турбулентности в социальной сети является игнорирование пользователями «Политики конфиденциальности». Как правило, они редко читают данный документ, а ведь именно в нем содержатся правила приватности, определяющие, как и кем будет использована раскрываемая в профиле информация. Таким образом, участники социальной сети могут даже не догадываться, что дали согласие на использование своих данных в коммерческих и иных целях. В таком случае, с точки зрения пользователя, возникает ситуация турбулентности границ приватности: его информация используется не так, как он ожидал. Хотя на самом деле, формально он согласился со всеми условиями пребывания в социальной сети. Поэтому нельзя говорить о намеренном нарушении правил и границ приватности администрацией платформы, скорее речь идет о том, что не все участники процесса полностью понимают условия договора, их границы приватности проходят по-разному, а правила приватности не согласованы. Другой пример турбулентности в социальных сетях — это утечка данных. Доверив свою информацию социальной сети, пользователь надеется, что администрация несет определенную ответственность за приватность раскрываемых данных. Особенно если речь идет об информации, скрытой от других настройкой приватности «только мне». В случае утечки можно говорить о том, что администрация сети не предприняла необходимые меры по защите приватности данных, которые гарантировала предпринять в рамках «Политики конфиденциальности». В результате чего информация стала доступна для аудитории, которой не предназначалась.

Согласно ТУП, турбулентность границ обычно является стимулом к изменению правил приватности — так владелец пытается вернуть контроль над информацией. Турбулентность может помочь людям увидеть, где им нужно скорректировать правила управления приватностью: часто они не могут определить, что нужно изменить, пока их приватность

каким-либо образом не будет нарушена. Исследования подтвердили, что пользователи после столкновения с турбулентностью выбирали более эффективные меры по защите приватности своих данных [24]. Например, изменяли настройки приватности [25], уменьшали количество чувствительной информации в профиле [3] или полностью удаляли ее (что считается наиболее радикальным способом вернуть контроль над личной информацией) [4].

Таким образом, в контексте профиля социальной сети существуют две основные причины возникновения турбулентности. К первой относится то, что пользователь часто не читает «Политику конфиденциальности» при регистрации и в результате не осознает, как может быть использована раскрываемая им информация. Вторым случаем можно считать утечку данных в результате недостаточных действий администрации соцсети по защите приватности пользователя. Как и предсказывает теория, опыт столкновения с турбулентностью нередко вынуждает пользователей применять дополнительные меры по защите приватности своих данных, вплоть до их удаления.

Выводы

В рамках данной статьи было рассмотрено, как пользователи управляют приватностью частной информации в таком относительно новом пространстве, как профиль социальной сети. Было показано, что, принимая решение о раскрытии или сокрытии личных данных, человек сталкивается с рядом сложностей, которые обусловлены как спецификой профиля, так и особенностями интернет-среды. Часть трудностей связана со свойствами коммуникации «один-ко-многим»: пользователь не может увидеть реакцию на самораскрытие и не всегда понимает реальный состав своей аудитории, что может привести к тому, что он раскрывает информации больше, чем планировал. К этому подталкивают и принятые в социальной сети нормы открытости, а также уведомления от администрации («Укажите Ваши контакты»). При этом никто не информирует пользователя о минусах чрезмерного раскрытия: цифровые данные невозможно полностью удалить (даже по требованию владельца), так как они легко копируются и распространяются. Дополнительной сложностью является и то, что управление приватностью в профиле представляет собой двухэтапный процесс, который реализован с помощью разных технических функций. Сначала пользователь принимает решение о том, какую информацию раскрывать, а затем с помощью настроек приватности выбирает аудиторию, для которой она будет доступна. Таким образом, управление приватностью в профиле социальной сети, по сравнению с традиционными видами коммуникации, представляет собой более сложный процесс.

В данной статье мы также попытались проверить, возможно ли объяснить процесс управления приватностью в профиле социальной сети, используя теорию Сандры Петронио. В целом, применяя положения и термины ТУП, мы пришли к выводу, что управление приватностью в данном пространстве включает в себя как *индивидуальный уровень* (решение пользователя о приватности), так и *коллективный* (соглашение между ним и администрацией). В соответствии с теорией пользователь, принимая решение о самораскрытии, руководствуется личными правилами приватности, на которые оказывают влияние 5 критериев (культура, гендер, мотивы, контекст, соотношение рисков и выгод). Мы показали, что помимо этих факторов в социальной сети имеют значение и другие. Например: ценность информации, беспокойство о приватности, уровень цифровой грамотности и количество настроек, предлагаемых социальной сетью. Таким образом, можно увидеть, что ТУП хорошо описывает процесс управления приватностью в профиле на индивидуальном уровне.

Однако при описании коллективного уровня приватности следует учитывать следующее. В профиле не существует возможности договориться с другими пользователями о правилах приватности: договор происходит с администрацией социальной сети. Пользователь принимает «Политику конфиденциальности» при регистрации и соглашается с тем, что администрация становится «совладельцем» (наделяется правами собственности на его

информацию). Администрация платформы, в свою очередь, предоставляет пользователю инструменты для контроля за приватностью личных данных: настройки приватности и список «друзей». Они позволяют выбирать, какие участники социальной сети могут стать совладельцами публикуемой частной информации.

Однако стоит учитывать, что из-за специфики социальной сети изменяется понятие «дружбы», и в коллективной границе не всегда оказываются люди, которые готовы нести ответственность за совместное хранение частной информации. Поэтому ответственность за приватность данных лежит в основном на самом пользователе. В случае турбулентности границ приватности он обычно предпринимает меры по защите информации от дальнейшего распространения: изменяет настройки приватности или уменьшает количество чувствительной информации в профиле. Самым эффективным же способом сохранения приватности является абсолютное нераскрытие данных. Таким образом, теория хорошо описывает управление приватностью в профиле социальной сети на индивидуальном уровне, однако при объяснении коллективного уровня возникает множество сложностей, связанных с отсутствием возможности обсуждения правил приватности с другими пользователями. При этом вся ответственность за приватность частной информации лежит на самом пользователе: поэтому весь процесс управления приватностью в профиле можно описать как решение пользователя о раскрытии с дальнейшим принятием мер по защите приватности в случае возникновения турбулентности. Роль администрации и других пользователей при этом сводится к минимуму.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-411-543002 «Исследование самораскрытия в профиле на примере социальной сети “ВКонтакте”».

Библиографический список

- [1] Evans C., Hackney R., Rauniar R., Rawski G., Yang J., Johnson B. Technology acceptance model (TAM) and social media usage: an empirical study on Facebook // *Journal of Enterprise Information Management*. – 2014. – Vol. 27, No 1. – P. 6–30.
- [2] Stein C.H., Aguirre R., Hunt M.G. Social networks and personal loss among young adults with mental illness and their parents: A family perspective // *Psychiatric Rehabilitation Journal*. – 2013. – Vol. 36, No 1. – P. 15–21.
- [3] Osatuyi B., Passerini K., Ravarini A., Grandhi S.A. «Fool me once, shame on you... then, I learn». An examination of information disclosure in social networking sites // *Computers in Human Behavior*. – 2018. – Vol. 83. – P. 73–86.
- [4] Child J.T., Starcher S.C. Fuzzy Facebook privacy boundaries: Exploring mediated lurking, vague-booking, and Facebook privacy management // *Computers in Human Behavior*. – 2016. – Vol. 54. – P. 483–490.
- [5] Bazarova N.N., Choi Y.H. Self-disclosure in social media: Extending the functional approach to disclosure motivations and characteristics on social network sites // *Journal of Communication*. – 2014. – Vol. 64, No 4. – P. 635–657.
- [6] Yang S.H., Long B., Smola A., Sadagopan N., Zheng Z., Zha H. Like like alike: joint friendship and interest propagation in social networks // *Proceedings of the 20th international conference on World wide web* (28 March –1 April 2011). – New York: Association for Computing Machinery, 2011. – P. 537–546.
- [7] Marwick A.E., Boyd D. I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience // *New Media & Society*. – 2011. – Vol. 13, No 1. – P. 114–133.
- [8] Сапон И.В., Леденев Д.Е. Самораскрытие пользователей в социальных сетях: теоретический обзор // *Вестник НГУЭУ*. – 2018. – № 3. – С. 261–288.

- [9] Masur P.K. The Theory of Situational Privacy and Self-Disclosure // *Situational Privacy and Self-Disclosure*. – Cham: Springer, 2019. – P. 131–182.
- [10] Child J.T., Pearson J.C., Petronio S. Blogging, communication, and privacy management: Development of the blogging privacy management measure // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. – 2009. – Vol. 60, No 10. – P. 2079–2094.
- [11] Smith H.J., Dinev T., Xu H. Information privacy research: an interdisciplinary review // *MIS Quarterly*. – 2011. – Vol. 35, No 4. – P. 989–1016.
- [12] Petronio S. *Boundaries of Privacy: Dialectics of Disclosure*. – New-York: State University of New York Press, 2002. – P. 1–268.
- [13] Roberts S.G., Dunbar R.I., Pollet T.V., Kuppens T. Exploring variation in active network size: Constraints and ego characteristics // *Social Networks*. – 2009. – Vol. 31, No 2. – P. 138–146.
- [14] Litt E. Knock, knock. Who's there? The imagined audience // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. – 2012. – Vol. 56, No 3. – P. 330–345.
- [15] Davis J.L., Jurgenson N. Context collapse: Theorizing context collusions and collisions // *Information, Communication & Society*. – 2014. – Vol. 17, No 4. – P. 476–485.
- [16] Petronio S. Brief status report on communication privacy management theory // *Journal of Family Communication*. – 2013. – Vol. 13, No 1. – P. 6–14.
- [17] Petronio S. Communication privacy management theory // *The International Encyclopedia of Interpersonal Communication*. – 2015. – Vol. 1. – P. 1–9.
- [18] Smith S.A., Brunner S.R. To reveal or conceal: Using communication privacy management theory to understand disclosures in the workplace // *Management Communication Quarterly*. – 2017. – Vol. 31, No 3. – P. 429–446.
- [19] Millham M.H., Atkin D. Managing the virtual boundaries: Online social networks, disclosure, and privacy behaviors // *New Media & Society*. – 2018. – Vol. 20, No 1. – P. 50–67.
- [20] Petronio S., Child J.T. Conceptualization and Operationalization: Utility of Communication Privacy Management Theory // *Current Opinion in Psychology*. – 2019. – Vol. 31, No 1. – P. 76–82.
- [21] Stutzman F., Capra R., Thompson J. Factors mediating disclosure in social network sites // *Computers in Human Behavior*. – 2011. – Vol. 27, No 1. – P. 590–598.
- [22] Liu Q., Yao M.Z., Yang M., Tu C. Predicting users' privacy boundary management strategies on Facebook // *Chinese Journal of Communication*. – 2017. – Vol. 10, No 3. – P. 295–311.
- [23] Сапон И.В., Леденев Д.Е. Границы приватности пользователей социальной сети «ВКонтакте» // *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки*. – 2018. – № 6. – С. 93–105.
- [24] Ellison N.B., Vitak J., Steinfield C., Gray R., Lampe C. Negotiating privacy concerns and social capital needs in a social media environment // *Privacy Online*. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2011. – P. 19–32.
- [25] Litt E. Understanding social network site users' privacy tool use // *Computers in Human Behavior*. – 2013. – Vol. 29, No 4. – P. 1649–1656.

References

- [1] Evans, C., Hackney, R., Rauniar, R., Rawski, G., Yang, J., & Johnson, B. (2014). Technology acceptance model (TAM) and social media usage: an empirical study on Facebook. *Journal of Enterprise Information Management*, 27(1), 6–30.
- [2] Stein, C.H., Aguirre, R., & Hunt, M.G. (2013). Social networks and personal loss among young adults with mental illness and their parents: A family perspective. *Psychiatric Rehabilitation Journal*, 36(1), 15–21.
- [3] Osatuyi, B., Passerini, K., Ravarini, A., & Grandhi, S.A. (2018). “Fool me once, shame on you... then, I learn”. An examination of information disclosure in social networking sites. *Computers in Human Behavior*, 83, 73–86.

- [4] Child, J.T., & Starcher, S.C. (2016). Fuzzy Facebook privacy boundaries: Exploring mediated lurking, vague-bookings, and Facebook privacy management. *Computers in Human Behavior*, 54, 483–490.
- [5] Bazarova, N.N., & Choi, Y.H. (2014). Self-disclosure in social media: Extending the functional approach to disclosure motivations and characteristics on social network sites. *Journal of Communication*, 64(4), 635–657.
- [6] Yang, S.H., Long, B., Smola, A., Sadagopan, N., Zheng, Z., & Zha, H. (2011). Like like alike: joint friendship and interest propagation in social networks. In *Proceedings of the 20th International Conference on World Wide Web* (pp. 537–546). New York: Association for Computing Machinery.
- [7] Marwick, A.E., & Boyd, D. (2011). I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience. *New Media & Society*, 13(1), 114–133.
- [8] Sapon, I.V., & Ledenev, D.E. (2018). Self-Disclosure on Social Network Sites: a Theoretical Review. *Vestnik NSUEM*, 3, 261–288.
- [9] Masur, P.K. (2019). The Theory of Situational Privacy and Self-Disclosure. In *Situational Privacy and Self-Disclosure* (pp. 131–182). Cham: Springer.
- [10] Child, J.T., Pearson, J.C., & Petronio, S. (2009). Blogging, communication, and privacy management: Development of the blogging privacy management measure. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 60 (10), 2079–2094.
- [11] Smith, H.J., Dinev, T., & Xu, H. (2011). Information privacy research: an interdisciplinary review. *MIS Quarterly*, 35(4), 989–1016.
- [12] Petronio, S. (2002). *Boundaries of privacy: Dialectics of disclosure*. New-York: State University of New York Press.
- [13] Roberts, S.G., Dunbar, R.I., Pollet, T.V., & Kuppens, T. (2009). Exploring variation in active network size: Constraints and ego characteristics. *Social Networks*, 31(2), 138–146.
- [14] Litt, E. (2012). Knock, knock. Who's there? The imagined audience. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 56(3), 330–345.
- [15] Davis, J.L., & Jurgenson, N. (2014). Context collapse: Theorizing context collusions and collisions. *Information, Communication & Society*, 17(4), 476–485.
- [16] Petronio, S. (2013). Brief status report on communication privacy management theory. *Journal of Family Communication*, 13(1), 6–14.
- [17] Petronio, S. (2015). Communication privacy management theory. *The International Encyclopedia of Interpersonal Communication*, 1, 1–9.
- [18] Smith, S.A., & Brunner, S.R. (2017). To reveal or conceal: Using communication privacy management theory to understand disclosures in the workplace. *Management Communication Quarterly*, 31(3), 429–446.
- [19] Millham, M.H., & Atkin, D. (2018). Managing the virtual boundaries: Online social networks, disclosure, and privacy behaviors. *New Media & Society*, 20(1), 50–67.
- [20] Petronio, S., & Child, J.T. (2019). Conceptualization and Operationalization: Utility of Communication Privacy Management Theory. *Current Opinion in Psychology*, 31(1), 76–82.
- [21] Stutzman, F., Capra, R., & Thompson, J. (2011). Factors mediating disclosure in social network sites. *Computers in Human Behavior*, 27(1), 590–598.
- [22] Liu, Q., Yao, M.Z., Yang, M., & Tu, C. (2017). Predicting users' privacy boundary management strategies on Facebook. *Chinese Journal of Communication*, 10(3), 295–311.
- [23] Sapon, I.V., & Ledenev, D.E. (2018). The privacy boundaries of users of social network site VKontakte. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*, 6, 93–105.
- [24] Ellison, N.B., Vitak, J., Steinfield, C., Gray, R., & Lampe, C. (2011). Negotiating privacy concerns and social capital needs in a social media environment. In *Privacy Online* (pp. 19–32). Berlin, Heidelberg: Springer.

- [25] Litt, E. (2013). Understanding social network site users' privacy tool use. *Computers in Human Behavior*, 29(4), 1649–1656.

Получена / Submitted: 19/03/2020

Доработана / Revised: 11/04/2020

Принята к публикации / Accepted: 22/05/2020

УДК 37.014

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО РАЗВИТИЮ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1960–1980-Е ГОДЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Надежда Юрьевна Гаврилова¹, Владимир Яковлевич Субботин²

¹*Кафедра гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный институт, Тюмень, Российская Федерация*

²*Кафедра физического воспитания, Тюменский индустриальный институт, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления политики советского государства в 1960–1980-е годы, ориентированные на введение всеобщего среднего образования и политехнизацию общеобразовательной школы. Авторы анализируют реализацию курса, связанного с переходом к средней общеобразовательной школе в Тюменской области. В данный период в регионе происходило создание нефтегазового комплекса. Процессы сопровождались промышленным и социальным освоением северных территорий. Эти явления стали дополнительными факторами, повлиявшими на развитие региональной системы школьного образования. Особое внимание уделяется изучению количественных и качественных изменений в развитии общеобразовательных школ и их возможностей в обеспечении потребностей населения региона. Акцентируется внимание на региональной специфике в проведении политики, направленной на «укрупнение» школ. Обращено внимание на одно из ведущих направлений в организации учебно-воспитательного процесса в рамках курса политехнизации общеобразовательной школы — трудовое обучение.

Ключевые слова: государственная политика, система образования, общеобразовательная школа, Тюменская область, северные районы.

Policy of the Soviet State for the Development of School Education in the 1960s and 1980s: The Regional Aspect (on the Example of the Tyumen Region)

Nadezhda Yu. Gavrilova¹, Vladimir Ya. Subbotin²

¹*Department of Humanities and Technology, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Department of Physical Education, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the main policy directions of the Soviet state in the 1960s and 1980s, focused on the introduction of universal secondary education and the Polytechnic of secondary schools. The authors analyze the implementation of the course related to the transition to secondary school in the Tyumen region. During this period, the region was creating an oil and gas complex. The processes were accompanied by industrial and social development of the Northern territories. These phenomena have become additional factors that have influenced the development of the regional school system. Special attention is paid to the study of quantitative and qualitative changes in the development of secondary schools and their ability to meet the needs of the population of the region. Attention is focused on regional specifics in the implementation of policies aimed at “consolidation” of schools. Attention is drawn to one of the leading directions in the organization of the educational process in the framework of the Polytechnic course of secondary schools — labor training.

Keywords: state policy, education system, secondary school, Tyumen region, Northern regions.

Введение

Трансформация системы образования в постсоветской России, начало которой положили постперестроечные процессы 90-х годов прошлого столетия, актуализирует необходимость обращения к недавнему историческому этапу в развитии советского государства, а именно к 1960–1980-м годам, тем более что этот период характеризовался значительными изменениями в системе школьного образования. Со второй половины 1960-х годов начинается новый этап

в развитии системы народного образования [1]: в начале 1960-х годов в стране было введено обязательное восьмилетнее образование, а с 1966 года начался переход к всеобщему среднему образованию. Эти процессы можно рассматривать как целенаправленную политику государства, которая была во многом обусловлена не только внутренними, но и внешними факторами, «вызовом времени», связанным с развертыванием научно-технической революции. Государству требовалось новое поколение, обладающее всесторонними знаниями, интеллектуальный потенциал, способный не только создавать и разрабатывать новые технологии, но и осваивать их.

Изучение изменений в школьном образовании на региональном уровне позволяет выявить специфику реализации этих направлений в общеобразовательной политике с точки зрения должного и реального, с позиций позитивного и негативного исторического опыта, что позволяет дать объективную оценку уровня развития школьного образования в Тюменской области, независимо от идеологических догм и штампов, столь присущих некоторым современным исследователям, рассматривающим данный период истории советского государства как «застойный». Кроме того, недавний опыт трансформаций в системе образования важен с учетом извлечения из него «уроков» и использования в современных условиях. В качестве объекта исследования авторы рассматривают школьную систему образования, поскольку именно в системе школьного образования в 1960–1980-е годы на государственном и региональном уровне происходили значительные изменения. Предметом данного изучения является характеристика основных направлений по реализации политики советского государства в системе образования на примере динамично развивающегося региона страны — Тюменской области.

Одной из первых работ, где рассмотрены ведущие принципы государственной политики в системе советского образования, была монография А.Д. Калинина «Народное образование в СССР» [2]. Тенденции в развитии школьного образования в 1950–1970-е годы в контексте социально-экономических процессов, происходящих в данный период в стране, анализируются в публикациях академика М.П. Кима. В качестве одной из ведущих тенденций автор выделяет стремительный рост образования населения страны, рассматривая его как один из важнейших показателей последовательной и продуманной государственной политики в сфере народного образования [3].

Публикации более позднего периода отличает критический подход к анализу состояния школьного образования в стране в 1960–1980-е годы [4]. Так, анализируя развитие школьного образования в СССР в исторической ретроспективе (с 1917 до конца 1980-х годов) и отмечая достаточно высокий его уровень, достигнутый к концу 1950-х годов, И.И. Валеев характеризует 1960-е годы как период «различных модернизаций» и «новаторских идей», результатом которых стали «разбухание» школьных программ и неуклонное снижение качества знаний. В итоге, по его мнению, «школа лишилась той стабильности и разумного постоянства, без которых немыслима успешная работа» [5].

Региональные аспекты реализации государственной политики в системе школьного образования исследуемого периода находят отражение в работах В.В. Гаврилюк, С.М. Молокова, Д.В. Кирилюка [6–8]. Акцентируя внимание на основных тенденциях современной региональной системы образования, В.В. Гаврилюк обращается к историческому аспекту его становления в Тобольской губернии и последующему развитию в Тюменской области. Прослеживая динамику развития системы образования региона в исторической ретроспективе до конца 1990-х годов, автор выделяет социальные факторы, детерминирующие этот процесс. В качестве одного из ведущих факторов В.В. Гаврилюк называет образовательную политику, анализируя характер ее влияния в различные периоды становления региональной системы образования [6]. Анализу развития школьного образования северных районов Тюменской области посвящены исследования С.М. Молокова, Д.В. Кирилюка. Рассматривая развитие культуры малочисленных народов Севера в условиях

промышленного освоения, С.М. Молоков обращает внимание на бедственное положение национальных школ Югры, проявлением которого был недостаток учительских кадров, владеющих знаниями языка народов Севера, слабое материально-техническое обеспечение школ [7]. Солидное монографическое исследование, посвященное развитию школьного образования Югры в 1945–1991 годов, принадлежит сургутскому историку Д.В. Кирилюку [8]. Использование широкого круга источников, в том числе воспоминаний современников, позволило взглянуть на процесс развития общеобразовательной школы не только с учетом ее количественных показателей, отраженных в статистических данных, но и воссоздать психологическую атмосферу, в которой осуществлялась деятельность школ и их педагогических коллективов. При этом реализация государственной политики в системе школьного образования в 1960–1980-е года в целом в Тюменской области, включая ее северные территории, не отражена в полной мере в исследовательской литературе.

Материалы и методы

Методологической основой изучения государственной политики по развитию системы школьного образования в 1960–1980-е года стали научные принципы познания: объективность, историзм, системность. Наряду с общенаучными методами были использованы историко-сравнительный, а также статистический методы.

Использование принципа историзма и историко-сравнительного метода позволили в динамике рассмотреть развитие общеобразовательной школы с учетом принятых на высшем государственном уровне решений, а также проследить их реализацию на примере Тюменской области — одного из наиболее динамично развивающихся регионов страны. Развитие школьного образования в исследуемый период проанализировано во взаимосвязи и взаимообусловленности с социально-экономическими процессами в северных районах области, становлением крупнейшей в стране топливно-энергетической базы — Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Эмпирической основой явились как опубликованные материалы, в частности данные статистики, так и впервые введенные в научный оборот архивные источники, представленные фондами двух государственных архивов Тюменской области. Данные статистики позволили проанализировать количественные параметры развития школьного образования в Тюменской области с учетом его финансирования, изменений материально-технической базы, численности учащихся, а также структуры общеобразовательных школ.

Результаты и обсуждение

В советском государстве образование рассматривалось как основа духовного развития личности. Конституция СССР 1977 года закрепляла за каждым гражданином право на получение бесплатного образования. При этом данная социальная гарантия рассматривалась не только как благо или право, но и как обязанность. Главным направлением социальной политики в сфере образования являлось совершенствование ее системы, которая была призвана «обеспечить общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служить коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, готовить ее к труду и общественно-полезной деятельности» [9].

В 1960–1980-е года советское государство последовательно осуществляло курс на увеличение продолжительности общеобразовательного и профессионального обучения: в начале 1960-х годов в стране было введено всеобщее восьмилетнее образование; в 1970-е года осуществлялся переход ко всеобщему среднему (10-летнему) образованию. В 1984 году началось проведение реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Реформа в качестве основной цели декларировала необходимость «получения самого современного образования, высокого интеллектуального и физического развития, глубокого знания научно-технических основ производства, сознательного, творческого отношения к труду» [10].

Проведение новой общеобразовательной политики на государственном уровне хронологически совпало с формированием на территории Тюменской области крупнейшего в стране топливно-энергетического комплекса на базе открытых нефтегазовых ресурсов. Разработка нефтегазовых месторождений происходила преимущественно на необустроенных территориях, которые получили в научной литературе термин «районы нового промышленного освоения» (РНПО). Фактически в РНПО с «нуля» создавалась вся социальная инфраструктура как основа жизнеобеспечения вновь прибывающего населения в районы новостроек. Интенсивное промышленное освоение северных территорий Западной Сибири оказало значительное влияние на социальные процессы в регионе, включая систему образования. Государственные решения, принятые на высшем уровне, диктовали необходимость разработки и принятия партийными и советскими органами Тюменской области мероприятий по развитию всеобщего среднего образования. Обсуждению этих вопросов, как свидетельствуют архивные документы тех лет, были посвящены многочисленные конференции, совещания, семинары [11]. Наряду с вопросами, которые касались организации учебного процесса, в том числе обеспечения учителей новыми программами, а учащихся — новыми учебниками, на первый план выдвигались проблемы, связанные с развитием материально-технической базы общеобразовательных школ.

В Тюменской области на начало 1965/66 учебного года, по данным статистики, насчитывалось 1 880 общеобразовательных школ, 94,9 % из них относились к дневным, 5,1 % — к вечерним и заочным. 66,7 % дневных школ были начальными, 23,5 % — неполными средними и лишь 9,8 % — средними [12]. Кроме того, по данным областных властей, из имеющихся на начало 1970-х годов 258 тысяч мест в школах 32 тысяч (то есть каждое восьмое) размещались в аварийных зданиях, 40 тысяч — в нетиповых помещениях, не соответствующих санитарно-гигиеническим нормам [13]. Аналогичная картина была и в автономных округах. Так, на территории ХМАО, которая становится в середине 1960-х годов центром нефтедобывающей промышленности, большая часть имеющихся школ (87 % от всего фонда), по утверждению сургутского исследователя Д.В. Кирилюка, относились к начальным и восьмилетним, немалая часть которых располагалась в аварийных или приспособленных помещениях [8]. Кроме того, ситуация осложнялась новыми процессами в регионе, связанными с формированием ЗСНГК и значительным миграционным притоком населения в РНПО. Существующая система школьного образования не могла обеспечить возрастающие потребности в ней населения новых поселений. По данным Тюменского облисполкома, потребность в школах в нефтегазодобывающих районах в середине 1960-х годов в 3 раза превышала существующую обеспеченность ими; следствием чего становится чрезмерная перегруженность школ. Так, в Сургуте учащиеся учились в три смены только потому, что за один год дополнительно прибыло около тысячи учеников [14].

Приведенные данные свидетельствуют не только о сложной ситуации в состоянии материальной базы школ Тюменской области, но и о слабой готовности их к проведению курса на средний всеобуч. Не было однозначным и отношение самих педагогов к введению «среднего всеобуча» в короткие сроки: высказывались возражения по поводу поголовного вовлечения учащихся в среднюю школу. За их доводами стояла своя логика, опирающаяся на факты. К примеру, в ХМАО в середине 1960-х годов только 2 % учащихся после окончания семилетки продолжали учиться дальше [15].

В этих условиях все усилия партийно-советских органов власти, работников образования и просвещения были сосредоточены на проведение государственного курса «на введение всеобщего среднего образования». С этой целью в округах, городах, районах области создавались депутатские комиссии «по всеобучу». На промышленных предприятиях организовывались советы содействия семье и школе. Разрабатывались перспективные планы обучения рабочей молодежи [16]. Результаты не замедлили сказаться. Уже в начале 1970-х годов, по данным окружного комитета партии, в Ханты-Мансийском округе 85 %

учащихся после окончания восьмого класса продолжили обучение в средней школе. Значительно хуже обстояла ситуация в сельских населенных пунктах округа, где в основном проживало коренное население Севера. Здесь свыше 1/3 учащихся не завершали восьмилетнее образование, и лишь 15 % оканчивали среднюю школу [8]. По данным ЦСУ РСФСР, 87,7 % выпускников Тюменской области в середине 1970-х годов получили среднее образование. Область несколько отставала от среднереспубликанского показателя, который достигал 91,9 % [11]. Необходимость реализации решений, принятых на высшем государственном уровне о переходе к средней общеобразовательной школе, потребовала значительного увеличения ассигнований на ее развитие. В 1966–1970-х годах на сооружение школ Тюменской области было выделено 48,5 миллионов рублей, в 1971–1975 годах ассигнования составили 77,3 миллиона, во второй половине десятилетия они превысили 99 миллионов рублей [17; 18]. Цифры выглядят впечатляюще. Кроме того, на строительство школ, расположенных в РНПО, привлекались средства нефтегазодобывающих предприятий. Но при этом удельный вес государственного финансирования, направленного на развитие народного образования, в общем объеме капиталовложений, выделенных на жилищно-гражданское строительство в Тюменской области, неуклонно сокращался. Если в 1966–1970 годах они составили 5,8 %, в последующее пятилетие — 5,2 %, то в 1976–1980 годах — 3,95 % [17; 18].

Вместе с тем количественные показатели прироста общеобразовательных школ, несмотря на значительное увеличение финансовых средств на их сооружение, были не столь впечатляющими. В целом по Тюменской области общее число их за 20-летний период, по данным статистики, даже сократилось с 1 783 в 1965/66 учебном году до 1 361 в 1985/86 учебном году. В ХМАО эти показатели составили, соответственно, 239 и 262. И лишь в ЯНАО количество школ за этот период увеличилось с 59 до 92. Численность учащихся общеобразовательных школ по Тюменской области за этот же период выросла с 263,2 тысяч человек до 395,5 (в 1,5 раза); численность учащихся школ в ХМАО — с 39,7 до 161,8 тысяч человек (в 4 раза); в ЯНАО — с 13,7 до 60,35 тысяч человек (в 4,4 раза) [19; 20]. В основе этой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации, проявлением которой было снижение общего показателя прироста школ по области, лежали качественные изменения, происходившие в развитии школьной системы, а именно сокращение начальных и восьмилетних школ при общем увеличении количества средних школ. Только за период с 1966 по 1970 года число начальных школ по области уменьшилось на 266 единиц, неполных средних — на 45 [12]. Во многом это объяснялось общей политикой в системе народного образования, проводимой в тот период. В руководстве Облоно (Областного отдела народного образования) преобладало мнение о необходимости строительства крупных школ. В качестве основного аргумента звучал тезис о том, что «карликовые школы отрицательно влияют на нормальное воспитание учащихся» [21]. Понять логику подобных утверждений, связывающих процесс воспитания (а не обучения!) с размерами школы, достаточно сложно. Возможно, эта аргументация, послужившая основанием сокращения числа начальных школ, могла быть обоснованной для городов и крупных поселенческих центров. Но вряд ли ее можно признать убедительной по отношению к системе школьного образования, сложившейся в сельской местности юга Тюменской области и ее северных территорий. Таким образом, столь активна проводимая и на федеральном и на региональном уровне (без учета специфики последнего) политика, направленная на «укрупнение школ» и «оптимизацию» финансовых расходов на их содержание, начиналась не в 2010-е года, а значительно раньше, во второй половине 1960-х годов.

Ситуация осложнялась значительным приростом учащихся, прежде всего в РНПО, во многом опережавшим темпы строительства школ. По данным социологических паспортов городов и поселков Тюменской области, обеспеченность школами на начало 1980-х годов в центре нефтегазодобывающей промышленности (Нижневартовске) составляла 75 % от нормативной; районах газодобычи (Надыме и Новом Уренгое) — 66 и 50 %; в новых поселениях Лангепасе — 18 %, Радужном — 17,4 % [22]. При этом наблюдалась своеобразная

закономерность: чем моложе город, тем ниже была обеспеченность в нем школами. Тенденция опережающего роста численности учащихся по сравнению с ростом числа школ в северных городах сохранялась и в 1980-е годы. Нестабильность прироста школ и ученических мест в них была во многом обусловлена не только объективными причинами, в основе которых лежала высокая миграционная подвижность населения, следствием чего становится высокий прирост населения, но и политикой ведомств, ведущих промышленное и социальное освоение районов Севера. Прежде всего, недооценкой значимости социальных факторов развития территории. Проявлением этой политики были «остаточный» принцип финансирования и сооружения объектов социального назначения, а также систематическое невыполнение планов строительства школ.

Так, за 1971–1981 года в Тюменской области не было введено школ на 17,5 тысяч мест. Допускалось распыление капиталовложений, выделяемых на строительство школ. Многие из них сооружались по 3–4 года. Именно поэтому неудовлетворительная ситуация с ходом строительства объектов образования и просвещения в северных городах-новостройках Тюменской области стала предметом специального обсуждения на заседании Президиума Совета Министерства РСФСР в августе 1982 года [23]. Переход ко всеобщему среднему образованию был завершён в целом по области к середине 1980-х годов. Удельный вес средних школ за двадцатилетний период вырос с 9,8 до 41,8 %. Доля начальных школ от общего числа дневных общеобразовательных школ составляла 40,9 % [19; 21], что являлось оправданным для сельских районов как юга, так и севера области. Но на всем протяжении исследуемого периода сохранялось противоречие между темпами прироста школ, ученическими местами в них и темпами прироста самих учащихся.

Наряду с переходом ко всеобщему среднему образованию перед школой в 1970–1980-е годы стояла другая, не менее важная задача — обеспечение трудового обучения учащихся и усиление профориентационной работы. На реализацию этих задач были нацелены решения, принимаемые на высшем партийно-государственном уровне. В области создавались межшкольные учебно-производственные комбинаты, учебно-методические кабинеты в школах, основным направлением деятельности которых являлась профориентационная работа среди школьников старших классов. Все эти мероприятия были рассчитаны не только на овладение элементарными навыками той или иной рабочей профессии, но и в идеале — на выбор самой профессии. Значительных положительных результатов в организации трудового и профессионального обучения учащихся во второй половине 1970-х годов, по мнению Д.В. Кириллюка, удалось добиться органам народного образования ХМАО. При поддержке окружных партийно-советских органов и нефтегазодобывающих предприятий в городах Сургуте и Нефтеюганске были открыты учебно-производственные комбинаты. В 1979–1980 годах решался вопрос об их открытии в Нижневартовске и Ханты-Мансийске. В общеобразовательных школах и учебно-производственных комбинатах округа велась подготовка по 26 специальностям с охватом учащихся 3 046 человек, что составляло 26,8 % от общего числа учащихся 9–10 классов [8]. По мнению авторов, акцентирование внимания государства на трудовом обучении и предоставлении возможности профориентационного выбора, в том числе рабочей профессии, безусловно, следует оценивать позитивно. Вместе с тем отсутствие обратной связи между проводимыми мероприятиями и выбором самими учащимися тех или иных специальностей не позволяют объективно оценить результативность этого направления политики в школьном образовании.

Выводы

Ведущим направлением политики советского государства в 1960–1980-е годы явился переход от обязательного восьмилетнего образования к среднему, что позволяло достигнуть высокого образовательного уровня населения страны. Переход ко всеобщему среднему образованию был во многом продиктован процессами, связанными с развертыванием научно-технической революции. Вместе с тем реализация курса на достижение «среднего всеобщего» на региональном

уровне сталкивалась с недостаточным материально-техническим обеспечением подобного перехода. Тюменская область не являлась исключением. Вместе с тем 1960–1980-е годы как в целом для области, так и для ее северных территорий становятся самыми динамичными в социально-экономическом развитии, что было обусловлено интенсивным освоением нефтегазовых ресурсов. Это послужило дополнительным импульсом в развитии школьной системы образования региона. Однако, несмотря на значительное увеличение финансовых ресурсов, направленных на развитие системы школьного образования, на всем протяжении исследуемого периода сохранялась проблема обеспечения ученическими местами в школах, поскольку темпы прироста учащихся (в основном за счет высоких показателей миграции) подчас опережали темпы прироста школ и ученических мест в них. Подобная ситуация была характерна прежде всего для районов нового промышленного освоения.

В целом переход ко всеобщему среднему образованию по Тюменской области был осуществлен к середине 1980-х годов. Эффективность другого направления, проводимого региональными властями в рамках курса политехнизации и направленного на усиление профориентационной работы, сложно оценить однозначно, поскольку отсутствуют данные между проводимыми мероприятиями и их результативностью.

Библиографический список

- [1] Мясников В.А. Народное образование в СССР. – Москва: Педагогика, 1985. – 448 с.
- [2] Калинин А.Д. Народное образование в СССР. – Москва: Педагогика, 1972. – 143 с.
- [3] Ким М.П. Проблемы теории и истории реального социализма. – Москва: Политиздат, 1983. – 375 с.
- [4] Хроменков Н.А. Образование. Человеческий фактор. Общественный прогресс. – Москва: Педагогика, 1989. – 192 с.
- [5] Валеев И.И. Зигзаги советской школы. – Уфа: РИО Госкомиздата БССР, 1992. – 19 с.
- [6] Гаврилюк В.В. Становление системы образования региона. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. – 240 с.
- [7] Молоков С.М. Культура малочисленных народов Севера Сибири в условиях промышленного освоения территории. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2010. – 179 с.
- [8] Кирилюк Д.В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 гг.) – Курган: ООО «Курганский дом печати», 2019. – 400 с.
- [9] Конституция СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1977.htm> (дата обращения: 12.12.2019).
- [10] Постановление Пленума ЦК КПСС, 10 апреля 1984 г. «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12023.htm (дата обращения: 16.12.2019).
- [11] Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.) – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – 283 с.
- [12] Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат. сб. – Тюмень: Статистическое управление Тюменской области, 1987. – 138 с.
- [13] ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области). Ф. 124. Оп. 198. Д. 87. Л. 91.
- [14] ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4288. Л. 115.
- [15] Очерки истории Тюменской области / Отв. ред. В.М. Кружинов. – Тюмень: Издательство ИПП «Тюмень», 1994. – 272 с.
- [16] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 202. Д. 45. Л. 1-2.
- [17] Тюменская область в цифрах. 1971–1975 гг.: Стат. сб. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1976. – 136 с.

- [18] Тюменская область в цифрах. 1976–1980 гг.: Стат. сб. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1981. – 160 с.
- [19] Некоторые показатели демографических процессов и социального развития Тюменской области: Стат. сб. – Тюмень: Статистическое управление Тюменской области, 1983. – С. 85, 180–181; 184–185.
- [20] Народное хозяйство Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов за 50 лет Советской власти: Стат. сб. – Тюмень: Статистическое управление Тюменской области, 1967. – С. 61–62; 107–108.
- [21] ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 711. Л. 83.
- [22] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 229. Д. 198. Л. 4, 24, 40, 43, 46.
- [23] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 229. Д. 106. Л. 112.

References

- [1] Myasnikov, V.A. (1985). *Public education in the USSR*. Moscow: Pedagogika.
- [2] Kalinin, A.D. (1972). *Public education in the USSR*. Moscow: Pedagogika.
- [3] Kim, M.P. (1983). *Problems of the theory and history of real socialism*. Moscow: Politizdat.
- [4] Khromenkov, N.A. (1989). *Education. Human factor. Social progress*. Moscow: Pedagogika.
- [5] Valeev, I.I. (1992). *Zigzags of the Soviet school*. Ufa: RIO Goskomizdat BSSR.
- [6] Gavrilyuk, V.V. (1998). *Formation of the regional education system*. Tyumen: Publishing house of TSU.
- [7] Molokov, S.M. (2010). *Culture of small peoples of the North of Siberia in the conditions of industrial development of the territory*. Tyumen: Tyumen law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.
- [8] Kirilyuk, D.V. (2019). *Development of school education in Ugra (1945–1991 ss.)*. Kurgan: Kurgan house of printing, LLC.
- [9] The Constitution of the USSR (1977, October). Retrieved from <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>.
- [10] Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU “On the main directions of reform of secondary and professional schools” (1984, April). Retrieved from http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12023.htm.
- [11] Gavrilova, N.Yu. (2002). *Social development of oil and gas producing regions of Western Siberia (1964–1985 ss.)*. Tyumen: TSOGU.
- [12] National economy of the Tyumen region for 70 years. (1987). Tyumen: Statistical Office of the Tyumen Region.
- [13] GASPITO (State archive of socio-political history of the Tyumen region). F. 124. Op. 198. D. 87. L. 91.
- [14] GATO (State archive of the Tyumen region). F. 814 OC. Op. 1. D. 4288. L. 115.
- [15] Kruzhinov, V.M. (1994). *Essays on the history of the Tyumen region*. Tyumen: Publishing House of IPP “Tyumen”.
- [16] GOSPITA. F. 124. Op. 202. D. 45.L. 1–2.
- [17] Tyumen region in numbers. 1971–1975. (1976). Sverdlovsk: Middle Ural Book Publishing House.
- [18] Tyumen region in numbers. 1976–1980. (1981). Sverdlovsk: Middle Ural Book Publishing House.
- [19] Some indicators of demographic processes and social development of the Tyumen region. (1983). Tyumen: Statistical Office of the Tyumen Region.
- [20] The National economy of the Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets districts for 50 years of Soviet power. (1967). Tyumen: Statistical Office of the Tyumen Region.
- [21] The National economy of the Tyumen region for 70 years. (1987). Tyumen: Statistical Office of the Tyumen Region.

[22] GATO. F. 1823. Op. 1. D. 711. L. 83.

[23] GOSPITA. F. 124. Op. 229. D. 198. L. 4, 24, 40,43,46.

[24] GOSPITA. F. 124. Op. 229. D. 106. L. 112.

Получена / Submitted: 18/03/2020

Доработана / Revised: 13/04/2020

Принята к публикации / Accepted: 25/05/2020

УДК 376.1

ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ВОЗМОЖНОСТИ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Антон Львович Абрамовский¹, Лидия Васильевна Ребышева¹

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В настоящее время пандемия коронавируса COVID-19 оказывает значительное воздействие на многие сферы человеческой деятельности, что приводит к стремительным изменениям в функционировании целых социальных институтов. Общество наблюдает за тем, как правительства, предприятия, школы, города и сообщества адаптируются к сложившейся ситуации и вносят фундаментальные изменения в существующие способы работы. Система высшего образования, традиционно медленно реагирующая на изменения, вынуждена существенно трансформироваться для адекватного реагирования на сложившуюся ситуацию путем масштабного использования дистанционных образовательных технологий, реализующих принципы открытого образования. В настоящей статье показана роль дистанционного обучения в период трансформации системы высшего образования в условиях пандемии, проанализированы основные инструменты и технологии для работы с удаленными студентами, обозначены преимущества дистанционных образовательных технологий и проблемы при их реализации в сложившихся условиях.

Ключевые слова: дистанционное образование, технологии дистанционного обучения, трансформация высшего образования.

Distance Learning Technologies and the Transformation of Higher Education in the Context of the COVID-19 Pandemic: Opportunities, Challenges, Prospects

Anton L. Abramovsky¹, Lidia V. Rebysheva¹

¹*Department of Marketing and Public Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. Currently, the COVID-19 coronavirus pandemic has a significant impact on many areas of human activity, which leads to a gradual change in the functioning of entire social institutions. Society observes how governments, enterprises, schools, cities and communities adapt to the situation and make fundamental changes to existing ways of working. The higher education system, traditionally slowly responding to changes, is forced to rapidly transform to adequately respond to the current situation through the large-scale use of distance learning technologies that implement the principles of open education. This article shows the role of distance learning during the transformation of the higher education system in a pandemic, analyzes the main tools and technologies for working with remote students, shows the advantages of distance learning technologies and the problems in their implementation in the current conditions.

Keywords: distance education, distance learning technologies, the transformation of higher education.

Введение

Пандемия коронавируса в 2019–2020 годов затронула систему образования во всем мире, что привело к повсеместному приостановлению деятельности школ, университетов и колледжей. По состоянию на апрель 2020 года около 1,725 миллиардов учащихся пострадали из-за закрытия образовательных учреждений в ответ на пандемию. Согласно мониторингу ЮНЕСКО, 192 страны приостановили деятельность университетов, пытаясь сдержать распространение эпидемии COVID-19 [1]. Закрытие образовательных учреждений негативно влияет не только на обучающихся, преподавателей и их семьи, но и имеет далеко идущие

экономические и социальные последствия, в корне меняющие традиционную систему образования. Серьезность сложившейся ситуации отмечает генеральный директор ЮНЕСКО Одрэ Азуле, полагающий, что «временное закрытие школ из-за проблем со здоровьем и других кризисов, к сожалению, не является чем-то новым, однако глобальные масштабы и скорость нынешних нарушений образовательных процессов не имеют аналогов и, в случае их продолжения, могут поставить под угрозу право на образование» [2].

По мнению главы Минобрнауки Российской Федерации Валерия Фалькова, пандемия уже стала «серьезным триггером к изменениям», она меняет требования к преподавателям и студентам вузов, а также к программам профессиональной переквалификации. Министр считает, что мировые и российские университеты станут более цифровыми, со значительной долей онлайн-сервисов и курсов, а образование в целом станет максимально индивидуализированным благодаря широкому использованию дистанционных образовательных технологий [3]. Специалисты ЮНЕСКО придерживаются схожей точки зрения, рекомендуя преподавателям и обучающимся школ и вузов применять программы дистанционного обучения и открытые образовательные приложения и платформы, которые могут быть использованы для дистанционного обучения [2].

Исходя из вышеизложенного, целью статьи является анализ роли дистанционного обучения в целом и дистанционных образовательных технологий в частности в трансформационных изменениях системы высшего образования, вызванных пандемией коронавируса.

Материалы и методы

Материалами к исследованию выступили экспертные доклады ЮНЕСКО по проблеме функционирования высшего образования в условиях пандемии коронавируса, отчеты мониторингов деятельности российских вузов при реализации ими дистанционных образовательных технологий, отечественные и зарубежные отчетные материалы по проблемам развития дистанционного обучения и образования.

Влияние глобальной сети Интернет на дистанционное обучение было изучено в научных трудах В.П. Тихомирова, В.И. Солдаткина, С.Л. Лобачева, О.Г. Ковальчука, в которых показана тесная взаимосвязь между дистанционным обучением и уровнем существующих информационно-коммуникационных технологий. При подготовке данной статьи использовалось социологическое исследование влияния пандемии COVID-19 на зарубежное высшее образование, проведенное глобальным рейтинговым агентством QS (Quacquarelli Symonds), по результатам которого были сделаны выводы о существенном негативном влиянии коронавирусной инфекции на национальные системы образования. Экономический анализ влияния пандемии на зарубежные университеты, результаты которого были представлены в статье Маргариты Деннис «How will higher education have changed after COVID-19?» также был использован при подготовке данной статьи.

Для достижения цели исследования были использованы методы системного анализа, контент-анализа интернет-сайтов российских и зарубежных университетов, а также анализ запросов пользователей в поисковых системах Яндекс и Google, объективно показавший рост интереса российских интернет-пользователей к дистанционному обучению и дистанционным образовательным технологиям.

Результаты и обсуждение

В апреле 2020 года глобальное рейтинговое агентство QS провело широкомасштабное социологическое исследование (было опрошено более 11 000 студентов и 400 специалистов в области образования) «Влияние коронавируса на глобальное высшее образование», по результатам которого стало очевидно существенное негативное влияние пандемии на системы высшего образования во всем мире [4]. Согласно исследованию, большинство опрошенных

студентов в конце марта (57 % от общего числа) на вопрос «Как коронавирус повлиял на ваши планы?» ответили, что он оказал на них сильное влияние и, скорее всего, их планы в области обучения изменятся; 14 % студентов отметили, что их планы не изменятся; 29 % опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. Характерно, что с увеличением количества зараженных людей по всему миру и ростом общей информированности студентов относительно COVID-19 все большее количество из них отмечало существенное влияние пандемии на планы в области высшего образования (рисунок 1).

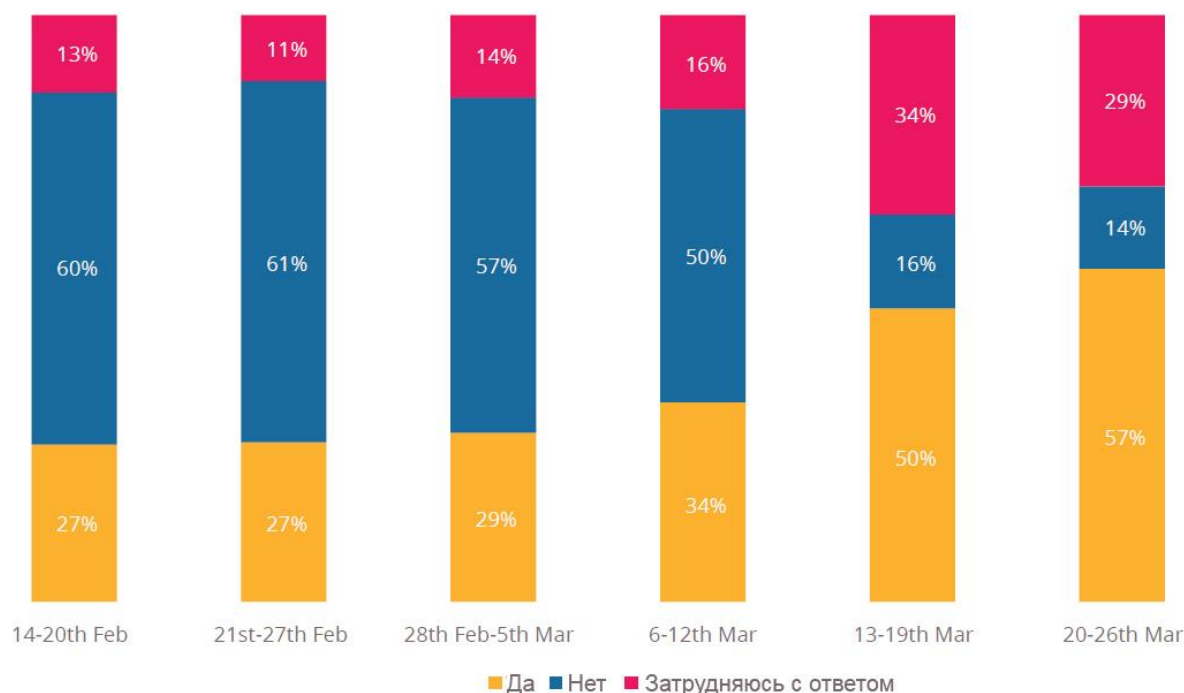

Рисунок 1. Трансформация мнения студентов относительно образовательных планов за период февраль–март 2020 года

Пандемия коронавируса оказала негативное влияние и на студенческую мобильность. Многие из обучающихся связывают это с ограничением на поездки, приостановлением деятельности университетов, трудностями с получением стипендии, переносом сроков экзаменов и так далее. Снижение студенческой мобильности в целом является восходящим трендом. Так, по мнению Спенсера Хоукса, директора специальных проектов в международной рекрутинговой компании BMI, специализирующейся на подборе кадров для высшего образования и помощи иностранным студентам в выборе образовательного учреждения, «...есть четкая тенденция, что все больше азиатских студентов будут стремиться учиться в Азии. В настоящее время Малайзия является ведущим учебным центром в Азии» [5]. Пандемия коронавируса оказала значительное влияние и на деятельность вузов по всему миру. Так, университеты Австралии, Канады, Новой Зеландии и США, традиционно обучающие значительное количество студентов из Китая, больше не могут рассчитывать на существенный приток обучающихся из этой страны. Для американской системы высшего образования, насчитывающей 370 000 (33,7 % от общего числа иностранных студентов) студентов из Китая, это может стать серьезным экономическим испытанием. Выделенный американским правительством пакет чрезвычайной помощи на сумму 2 триллиона долларов, принятый в марте этого года, включает 14 миллиардов долларов США, предназначенных для высшего образования. Однако американский совет по образованию (ACE) объявил о «крайне неадекватной» сумме и призывает Конгресс выделить еще 47 миллиардов долларов на

чрезвычайную помощь, которая «будет поровну поделена между учащимися и учебными заведениями» и может «хотя бы частично смягчить ущерб, нанесенный этой пандемией» [6]. Согласно оценке влияния пандемии COVID-19 на высшее образование в Великобритании, финансовые последствия для вузов этой страны уже достигли 790 миллионов фунтов стерлингов, включая потери в виде «доходов от проживания, питания и конференций, а также дополнительные расходы на поддержку обучения студентов в Интернете» [6].

Пандемия COVID-19 существенно трансформирует и способы поступления студентов в вузы. Например, по всей Азии вступительные экзамены в университеты уже отложены на неопределенный срок, что в конечном итоге повлияет на осенний прием студентов первого курса в 2020 году. В то же время отмена Китаем экзаменов SAT, TOEFL, GRE и GMAT повлияет на поступление студентов и выпускников школ в США на осенний семестр. Почти все университеты лишились возможности проведения таких традиционных мероприятий по привлечению абитуриентов, как дни открытых дверей, а планы по набору контингента обучающихся уже находятся под существенной угрозой из-за общей ситуации неопределенности [6]. Таким образом, пандемия коронавируса оказала беспрецедентное влияние на деятельность вузов по всему миру, которые были вынуждены закрыть кампусы на длительный срок и перевести студенческий контингент на дистанционное обучение. Следовательно, эффективность деятельности университетов сейчас во многом зависит от качества и умелого использования цифровых инструментов, предназначенных для дистанционного обучения студентов.

Идея дистанционного обучения студентов не нова и впервые была реализована в 1840 году Исааком Питманом, который обучал студентов приемам стенографии, отправляя задания и получая ответы на них при помощи почтовых карточек. Так появилась первая, корреспондентская модель дистанционного обучения. Ее успешно использовал Открытый университет в Великобритании, разработавший огромное количество методических пособий и обучающих материалов для работы с дистанционными студентами. Становление второй (трансляционной) модели дистанционного обучения связано с появлением телефона и телевидения. Данная модель получила широкое распространение в середине XX века в США, благодаря внедрению системы публичного телевидения (PBS TV), объединившей более 1 500 колледжей и несколько телекомпаний.

Однако поистине широкое распространение дистанционное обучение получило благодаря появлению компьютеров и глобальной компьютерной сети Интернет. Роль глобальной сети Интернет в развитии дистанционного образования в мировом масштабе подчеркивается и в работах В.П. Тихомирова, В.И. Солдаткина, С.Л. Лобачева, О.Г. Ковальчука: «широкое внедрение глобальной компьютерной сети Интернет в образование не позволяет рассматривать перспективные образовательные проекты в отрыве от технологий этой уникальной информационной и транспортной среды. Эта среда предопределила появление сетевых технологий обучения через Интернет. Сетевое дистанционное обучение, в свою очередь, активно стимулирует развитие систем информационного обеспечения учебного процесса — сетевых электронных библиотек. Существенным преимуществом сетевых технологий в отличие от других является возможность обучаться в удобном для себя месте, по индивидуальному расписанию, используя информационные ресурсы удаленного на значительное расстояние учебного заведения, имея постоянный контакт с преподавателем, студентами и администрацией учебного заведения» [7].

В настоящее время существует значительное количество терминов, так или иначе связанных с дистанционным обучением. В зарубежной литературе можно встретить следующие определения: дистанционное обучение, e-learning (электронное обучение), hybrid learning (гибридное обучение), blended learning (смешанное обучение), TEL (technology enhanced learning — обучение с использованием технических средств), WSCL (web-supported collaborative learning — обучение с сетевой поддержкой), CBT (computer-based training —

обучение на базе компьютера), WBT (web-based training — обучение, в основе которого лежит глобальная сеть Интернет), виртуальное обучение и так далее. Упомянутые выше термины, связанные с дистанционным обучением, показаны во взаимосвязи на рисунке 2.

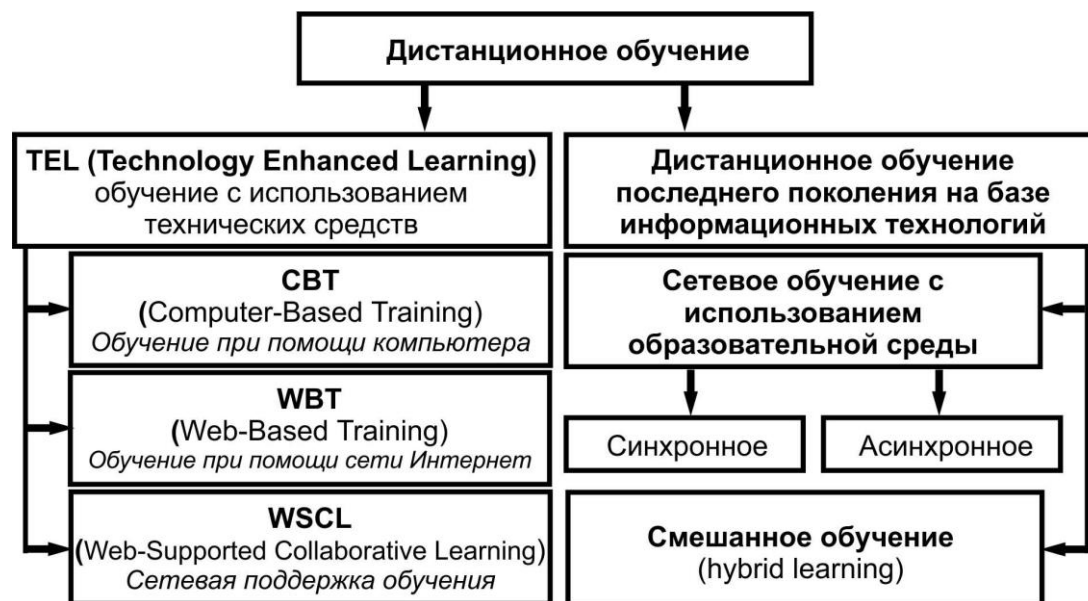

Рисунок 2. Взаимосвязь терминологии дистанционного обучения с уровнем его использования образовательным учреждением

Пандемия коронавируса COVID-19 стимулирует развитие и внедрение систем дистанционного образования как в России, так и во всем мире. Так, в начале апреля 2020 года Министерство просвещения РФ запустило платформу для дистанционного обучения школьников «Моя школа в online». В ней собраны учебные материалы, соответствующие федеральному перечню учебников. Ресурс рассчитан и на регионы со слабым доступом к сети Интернет, в таком случае для обучения школьников будут использоваться телевизионные каналы [8]. В марте 2020 года Министерство науки и высшего образования России подготовило перечень бесплатных онлайн-курсов от основных российских вузов, большинство из которых территориально расположены в Москве и Санкт-Петербурге. Согласно сообщению ведомства, это сделано с целью эффективной организации образовательного процесса с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий [9]. Согласно проведенному QS исследованию, изменилось отношение студентов и к дистанционному образованию. По состоянию на 26 марта 2020 года, 58 % опрошенных иностранных студентов выразили заинтересованность в дистанционном обучении из-за ограничений, вызванных коронавирусом, в то время как только 42 % заявили, что они не заинтересованы в обучении онлайн. Кроме того, 51 % опрошенных студентов заявили, что они ожидают, что университеты перенесут их занятия в онлайн-среду в качестве вынужденной меры на период борьбы с коронавирусной инфекцией [4]. Рост интереса к дистанционному обучению наблюдается и у российских студентов, о чем свидетельствует увеличение количества запросов по данной тематике в поисковых системах. Если в марте 2019 года количество обращений пользователей по запросу «дистанционное обучение» в поисковой системе Яндекс не превышало 300 тысяч, то в марте 2020 года количество обращений превысило 1,8 миллион (рисунок 3). Подобный шестикратный рост интереса к технологиям дистанционного образования, безусловно, вызван пандемией коронавируса [10]. Однако, по мнению авторов статьи, с улучшением эпидемиологической обстановки в стране и мире будет наблюдаться постепенное снижение интереса пользователей к данной тематике.

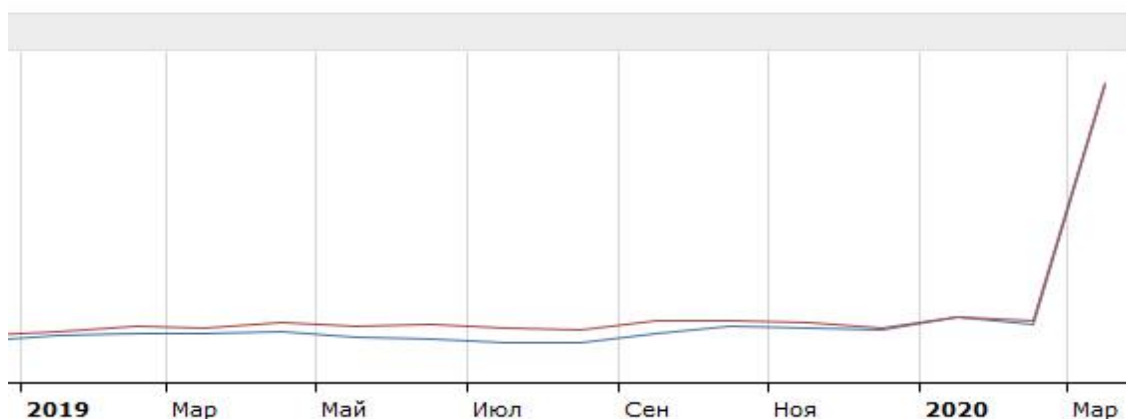

Рисунок 3. Рост количества обращений пользователей по запросу «дистанционное обучение» в поисковой системе Яндекс

Аналогичная ситуация, связанная с ростом интереса общественности к технологиям дистанционного обучения, прослеживается и среди пользователей поисковой системы Google, что показано на рисунке 4. Если еще в апреле 2019 года индекс пользовательского интереса к данным технологиям не превышал значения в 11 единиц, то в конце марта 2020 года данный показатель становится равным 100 единицам, показывая почти десятикратный рост [11].

Рисунок 4. Рост количества обращений пользователей по запросу «дистанционное обучение» в поисковой системе Google

Инструмент Google Trends, при помощи которого были получены упомянутые выше данные, позволил выявить те города России, в которых пользователи заинтересованы в дистанционных образовательных технологиях больше всего. Так, в конце марта — начале апреля 2020 года пользователи из Краснодара (индекс интереса 100), Новосибирска (индекс интереса 84), Санкт-Петербурга (83), Казани (76), Екатеринбурга (65), Москвы (47) были максимально заинтересованы в технологиях дистанционного обучения.

Проведенный контент-анализ 35 интернет-сайтов российских университетов позволил выделить основные технологии и формы дистанционного обучения (таблица 1), применяемые вузами в настоящее время, и проанализировать их достоинства и недостатки. Большинство рассмотренных университетов активно используют информационные среды для дистанционного обучения студентов (LMS, Learning management Systems), функционирующих на базе Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment). Данное программное обеспечение представляет собой интернет-сайт, в котором

преподаватели и студенты могут общаться, проводить лекции и вебинары, организовывать практические задания и так далее. Согласно статистике на официальном сайте данного программного продукта, Moodle используется на 156 000 сайтов по всему миру, количество курсов, функционирующих в данной образовательной среде, превышает 24 миллиона, а количество учащихся стремительно приближается к 1 триллиону студентов [12].

Таблица 1. Основные технологии, применяемые российскими университетами, при реализации дистанционного образования

Технология	Достоинства	Недостатки
Обучение с использованием аудиоконференций, видео-конференций	• неограниченное количество студентов; • низкая стоимость разработки учебного материала; • возможность организации обучения при помощи нескольких специалистов, находящихся в разных местах	• отсутствие обратной связи между преподавателем и студентом; • требуется дорогостоящее оборудование для работы; • низкий уровень вовлеченности студентов образовательный процесс
Обучение с использованием вебинаров (webinars)	• высокий уровень интерактивности; • неограниченное количество студентов; • низкая стоимость разработки учебного материала; • наличие обратной связи между преподавателем и студентом	• требуется дорогостоящее оборудование для работы; • необходима высокая скорость интернет-соединения; • необходимы навыки работы с компьютером
Обучение с использованием электронной почты (e-mail)	• высокая скорость доставки учебного материала; • наличие обратной связи между преподавателем и студентом; • удобство использования	• требуется дорогостоящее оборудование для работы; • необходима высокая скорость интернет-соединения; • необходимы навыки работы с компьютером
Обучение с использованием чат-технологий (chat)	• взаимодействие в реальном времени; • быстрая обратная связь между преподавателем и студентом; • возможность одновременного общения с несколькими преподавателями	• требуется дорогостоящее оборудование для работы; • необходимы навыки работы с компьютером; • студент зависит от расписания занятий
Обучение в электронной образовательной среде (LMS) на базе сети Интернет	• высокий уровень интерактивности; • возможность обучаться в любое время и в любом месте; • высокая эффективность обучения	• высокая стоимость разработки образовательной среды; • высокая стоимость разработки электронных курсов; • необходимость в специалистах, поддерживающих работу системы
Виртуальные лабораторные работы	• высокий уровень вовлеченности студентов образовательный процесс; • возможность проводить уникальные эксперименты	• не формируется представление о реальных приборах и технологиях; • высокая стоимость разработки лабораторных практикумов; • требуется дорогостоящее оборудование для работы, а также навык работы с компьютером

Незначительная доля университетов используют платные программные среды для дистанционного обучения студентов. Преимущества данных разработок по сравнению с бесплатным пакетом Moodle заключается в их большей защищенности, наличии поддержки пользователей, что в целом делает среду более надежной и защищенной [13].

Выводы

Мы живем в мире, где существующие нормы постоянно трансформируются, зачастую меняясь до неузнаваемости. Пандемия COVID-19 стремительно меняет систему высшего образования, ориентируя ее на дистанционные образовательные технологии. В ближайшем будущем иметь успех на рынке будут те университеты, которые сумеют в короткий срок и с максимальным качеством перевести свои программы в онлайн-среду, комфортную для обучения студенческого контингента. Пандемия коронавируса является испытанием не только для национальных систем образования, но и для самих студентов, а также профессорско-преподавательского состава университетов. Многие из них никогда не учились и не преподавали онлайн, не имеют необходимых навыков для работы в электронных образовательных средах. В то же время, несмотря на глобальные вызовы, стоящие перед системами образования стран мира, сложившаяся ситуация заставляет сотрудников вузов и самих студентов искать новые методы и пути для продолжения образовательной деятельности. Например, некоторые преподаватели используют не только классические инструменты для совместной работы, такие как Slack или Zoom, но и нестандартные в данной отрасли программы, такие как Twitch или Discord, изначально предназначенные для геймеров.

Эксперты высказывают мнение о том, что после 2020 года понятие так называемого элитного высшего образования будет существенно размыто и трансформировано, что связано со значительным влиянием и повсеместным распространением дистанционного обучения. Постепенно будет стираться граница между вузами, многие университеты и колледжи будут закрыты вследствие своей нерентабельности и невостребованности на рынке.

Некоторые высокопоставленные российские чиновники, осознавая влияние COVID-19 на общество, предлагают оформить правовой статус дистанционного образования. Валентина Матвиенко, спикер Совета Федерации, отмечает в своем блоге: «Пандемия коронавируса дала импульс движению к формированию системы школьного и вузовского образования, органично сочетающего как традиционные, так и дистанционные, цифровые технологии обучения. Будущее именно за такой системой. А она требует более точного правового, законодательного оформления уже в ближайшее время».

Таким образом, существующая реальность существенно трансформировала системы высшего образования, обозначив перед ними новые вызовы и возможности. У ведущих мировых экспертов нет сомнения в том, что в ближайшие годы дистанционные образовательные технологии получат повсеместное распространение в национальных системах образования всех уровней.

Библиографический список

- [1] COVID-19 Educational Disruption and Response [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (дата обращения: 12.03.2020).
- [2] 290 миллионов учащихся не посещают школу в связи с эпидемией COVID-19: ЮНЕСКО публикует первые глобальные данные и мобилизует ресурсы для осуществления ответных мер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.unesco.org/news/290-millionov-uchashchihsya-ne-poseshchayut-shkolu-v-svyazi-s-epidemiey-covid-19-yunesko> (дата обращения: 12.03.2020).
- [3] Фальков анонсировал появление из-за вируса «другого высшего образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/09/04/2020/5e8edde797> (дата обращения: 09.04.2020).
- [4] The Impact of the Coronavirus on Global Higher Education [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.qs.com/portfolio-items/the-impact-of-the-coronavirus-on-global-higher-education/> (дата обращения: 10.04.2020).

- [5] How will higher education have changed after COVID-19? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200324065639773> (дата обращения: 10.04.2020).
- [6] Measuring COVID-19's impact on higher education [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://monitor.icef.com/2020/04/measuring-covid-19s-impact-on-higher-education/> (дата обращения: 15.04.2020).
- [7] Тихомиров В.П., Солдаткин В.И., Лобачев С.Л., Ковальчук О.Г. Дистанционное обучение: к виртуальным средам знаний (часть 1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-joe.ru/sod/99/2_99/st158.html (дата обращения: 09.02.2020).
- [8] Сергей Кравцов сообщил о запуске онлайн-платформы для дистанционного обучения школьников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/press/2309/sergey-kravcov-soobschil-o-zapuske-onlayn-platformy-dlya-distancionnogo-obucheniya-shkolnikov/> (дата обращения: 08.04.2020).
- [9] Современная цифровая образовательная среда в РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.edu.ru/public/courses> (дата обращения: 09.04.2020).
- [10] Сервис «Подбор слов» поисковой системы «Яндекс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 11.04.2020).
- [11] Сервис «Google Trends» поисковой системы «Google» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.google.com/trends/> (дата обращения: 09.04.2020).
- [12] Moodle Statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stats.moodle.org/> (дата обращения: 09.04.2020).
- [13] Матвиенко призвала оформить правовой статус дистанционного образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200410/1569865141.html> (дата обращения: 15.04.2020).

References

- [1] UNESCO. (2020). COVID-19 Educational Disruption and Response. Retrieved from <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>.
- [2] 290 million students do not attend school due to the COVID-19 epidemic: UNESCO publishes first global data and mobilizes resources to respond. (2020, March). Retrieved from <https://ru.unesco.org/news/290-millionov-uchashchihsya-ne-poseshchayut-shkolu-v-svyazi-s-epidemiey-covid-19-yunesko>.
- [3] Falkov announced the emergence of the “other higher education” virus. (2020, April). Retrieved from <https://www.rbc.ru/society/09/04/2020/5e8edde79a79470aa3b361f7>.
- [4] The Impact of the Coronavirus on Global Higher Education. (2020). Retrieved from <https://www.qs.com/portfolio-items/the-impact-of-the-coronavirus-on-global-higher-education>.
- [5] How will higher education have changed after COVID-19? (2020, March). Retrieved from <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200324065639773>.
- [6] Measuring COVID-19's impact on higher education. (2020, April). Retrieved from <https://monitor.icef.com/2020/04/measuring-covid-19s-impact-on-higher-education>.
- [7] Tikhomirov V.P., Soldatkin V.I., Lobachev S.L., Kovalchuk O.G. (2020). Distance Learning: to Virtual Knowledge Environments (Part 1). Retrieved from http://www.e-joe.ru/sod/99/2_99/st158.html.
- [8] Sergey Kravtsov announced the launch of an online platform for distance learning for schoolchildren. (2020, April). Retrieved from <https://edu.gov.ru/press/2309/sergey-kravcov-soobschil-o-zapuske-onlayn-platformy-dlya-distancionnogo-obucheniya-shkolnikov>.
- [9] Modern digital educational environment in the Russian Federation. (2020). Retrieved from <https://online.edu.ru/public/courses>.
- [10] The Word Search service of the Yandex search engine. (2020). Retrieved from <https://wordstat.yandex.ru/>.

- [11] Google Trends service of the Google search engine. (2020). Retrieved from <https://trends.google.com/trends/>.
- [12] Moodle Statistics. (2020). Retrieved from <https://stats.moodle.org/>.
- [13] Matvienko called for formalizing the legal status of distance education. (2020, April). Retrieved from <https://ria.ru/20200410/1569865141.html>.

Получена / Submitted: 02/04/2020

Доработана / Revised: 16/04/2020

Принята к публикации / Accepted: 22/05/2020

УДК 316.4

СОСТОЯНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ДОВЕРИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анастасия Сергеевна Спирина¹, Светлана Геннадьевна Максимова¹

¹*Кафедра психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация*

Аннотация. В условиях современности все чаще говорится об увеличении разнообразия угроз, стоящих перед всем миром. В связи с этим понятие «безопасность» проникает в различные дисциплины, и концепция безопасности приобретает различные аспекты. Доверие, в свою очередь, обладает различными характеристиками, которые способствуют выстраиванию конструктивной коммуникации между людьми, а также при взаимодействии индивидов с социальными институтами, что оказывает благоприятное влияние на достижение согласия и компромиссов в современном обществе. Возможность доверять рассматривается как один из основных индикаторов ощущения личной безопасности. Функции осуществления и поддержания социальной безопасности индивида и общества на достойном уровне реализуют различные социальные институты. Полноценное функционирование социальных институтов возможно за счет наличия в обществе системы отношений, основанных на доверии, которые способствуют установлению и поддержанию качественных социальных связей внутри организаций, при взаимодействии между собой, а также при взаимодействии с индивидами. Вопрос доверия и функционирования социальных институтов особо актуален для приграничных регионов. Данные территории являются специфичными за счет наличия границ с другими государствами или национально-территориальными образованиями, что накладывает отпечаток на процессы взаимодействия и функционирования. В статье сделан акцент на рассмотрение взаимосвязи социальной безопасности и доверия. Представлен анализ общего и личного ощущения безопасности в оценках населения приграничных регионов России. Даны характеристика межличностного доверия населения приграничных регионов и оценка доверия по отношению к социальным институтам, деятельность которых связана с осуществлением безопасности. Эмпирической базой послужили результаты социологического исследования в шести приграничных регионах Российской Федерации (2018–2019 годах): были проведены личные стандартизированные интервью среди жителей в возрасте 18–70 лет ($n = 2\,140$).

Ключевые слова: социальная безопасность, межличностное доверие, доверие институтам, приграничные регионы.

The State of Security and Trust in the Border Regions of Russia: According to the Results of a Sociological Research

Anastasiya S. Spirina¹, Svetlana G. Maksimova¹

¹*Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Institute of Social Sciences, Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

Abstract. In modern conditions, it is increasingly being said that the diversity of threats facing the whole world is increasing. In this regard, the term “security” penetrates into various disciplines, and the concept of security takes on various aspects. Trust has various characteristics, which contribute to building constructive communication between people and in the interaction of individuals with social institutions, that helps to achieve agreement and compromise in modern society. The ability to trust is seen as one of the main indicators of a sense of personal security. The functions of implementing and maintaining the social security of the individual and society at a decent level are realized through various social institutions. The full functioning of social institutions is possible due to the presence in society of a system of relations based on trust, which contribute to the establishment and maintenance of high-quality social ties within organizations and in the interaction between them. The issues of trust and functioning of social institutions are especially relevant for

the border regions. These territories are specific due to the presence of borders with other states or national-territorial entities, which leaves an imprint on the processes of interaction and functioning. The article focuses on the interconnection between social security and trust. The analysis of the general and personal sense of security in the estimates of the population of the border regions of Russia is presented. The characteristic of interpersonal trust of the population of border regions and estimation of the level of trust toward social institutions, which activities are related to the implementation of security are described. The empirical basis was the results of a sociological study in six border regions of the Russian Federation (2018–2019): personal standardized interviews were conducted among residents aged 18–70 years ($n = 2\ 140$).

Keywords: social security, interpersonal trust, trust in institutions, border regions.

Введение

Потребность в безопасности формировалась исторически, в ее основе лежит предпосылка, согласно которой экзистенциальные тревоги заложены в самом состоянии человеческого существования. Эти тревоги существуют в нас и могут проявляться с одной стороны, как стимул к действию, призыв максимально использовать нашу жизненную энергию, так и с другой стороны могут вызывать чувство отчаяния. Некоторые авторы отмечают, что теоретически онтологическая безопасность может рассматриваться как стабильное состояние, проистекающее из чувства преемственности в отношении событий в жизни. Создание чувства порядка и преемственности в опыте человека зависит от способности людей придавать смысл своей жизни, избегая хаоса и беспокойства. Если произойдет событие, не соответствующее смыслу жизни человека, это будет угрожать его онтологической безопасности [1]. Говоря о безопасности, в первую очередь подразумевается отсутствие внешних и внутренних военизированных конфликтов, угроз, проникновений и опасностей, предотвращение которых чаще всего осуществляется за счет военных и дипломатических средств. Исходя из данного подхода, реализация безопасности представляет собой процесс, направленный на устранение угроз, возникающих перед человеком. Принято считать, что безопасность заключается в том, чтобы чувствовать себя защищенным от вреда, страха, тревоги, угнетения, опасности, нищеты, ощущать защиту. Однако чувство безопасности не ограничивается только отсутствием угроз, но также включает в себя положительный взгляд на себя, мир и будущее.

Безопасность в настоящих условиях представляет собой главное направление в развитии любого общества, государства и народа. Необходимость и важность реализации безопасности проявляются на каждом уровне: начиная с безопасности отдельно взятого человека и заканчивая безопасностью общества и государства. Кроме этого, под воздействием глобализации возникает феномен так называемой неделимой безопасности для всех [2]. Безопасность понимается как доминирующий фактор социальной организации, который служит причиной объединения людей в те или иные организованные сообщества, высокий уровень безопасности предстает как одна из целей, к реализации которых стремится каждое государство [3]. Тема безопасности уже не ограничивается только военными угрозами, осуществляется углубление и расширение определения термина, делается акцент на приоритетность интересов человека.

Современные тенденции развития резко повышают риски и угрозы безопасности человека и расширяют масштабы их возможных последствий, в этой связи безопасность человека рассматривается как важнейший аспект качества жизни [4]. Происходит более пристальное внимание к субъективным аспектам восприятия и действия — кто как воспринимает безопасность. Берутся во внимание такие проблемы, как окружающая среда, политические, экономические и социальные угрозы, которые ставят под угрозу жизнь человека. Обогащение происходит за счет «углубления» и «расширения» концепции — важность интересов государства рассматривается наравне с важностью интересов людей, уделяется внимание большому количеству угроз, и под угрозой понимается уже не только насилие, происходит расширение количества ценностей, говорится уже не только про физическую безопасность.

Проблемы непосредственно человека начинают рассматриваться в рамках социальной безопасности, которая представляет собой интегральное понятие, обозначающее состояние и способность государства и общества к эффективному функционированию социальной сферы, предотвращению деструктивных явлений и процессов, сохранению и развитию условий, средств и способов социализации людей, соблюдению в обществе и государстве их образа жизни, благосостояния, неотъемлемых прав и свобод, духовно-нравственных ценностей [5]. Концепция социальной безопасности рассматривается как гибкий подход, принцип которого заключается в том, что он требует понимания разнообразных угроз, с которыми сталкиваются определенные группы людей, а также государство и общество.

Рассмотрение социальной безопасности невозможно без учета взаимодействий индивидов между собой, с социальными группами и системами, а также без учета интересов самих субъектов взаимодействия. Роль доверия подчеркивают Е.А. Подольская и В.Н. Назаркина. Авторы характеризуют социальную безопасность как самостоятельную категорию и выделяют различные аспекты ее смыслового значения. Одним из таких аспектов безопасности, по их мнению, является рассмотрение социальной безопасности через призму социальных отношений, в основе которых лежат нормы и принципы безопасных взаимоотношений, характеризующихся взаимным доверием [6]. Безопасность и надежность рассматриваются как следствие ответного действия на «оказанное доверие» и проявляются в понижении опасностей и рисков. Доверие реализует «воссоединительную функцию», рассматривается как фактор геокультурного развития, в частности, как особое состояние мировосприятия человека, конструктивной коммуникации между людьми, акторами и институтами, человеком и властью для достижения согласия и компромиссов в глобальном мире [7]. Доверие рассматривается как сложный и многомерный показатель, влияние которого проявляется на разных уровнях. Доверие на институциональном уровне имеет значение в политической и административной сферах, делается акцент на изучении доверия по отношению к различным социальным институтам: суду, полиции, государственным образовательным учреждениям, религиозным группам, организациям здравоохранения и средствам массовой информации. Кроме этого, институты могут группироваться и выделяться в отдельные категории — доверие к административным институтам, доверие к юридическим институтам и доверие к общественным институтам.

Реализация безопасности, в независимости от ее вида, строится и осуществляется организованно, специальными структурами и группами, которые, в свою очередь, подвергаются различному влиянию и зависят от различных характеристик окружения, например, от общественных требований, уровня преступности, а также размера самой организации и других детерминант [8]. Учитывая данный факт, особое внимание в статье будет уделено уровню доверия по отношению к тем социальным институтам, которые вовлечены в процесс поддержания социальной безопасности (армия, полиция). Выбор данных двух социальных институтов обусловлен тем, что основной функцией их деятельности является защита населения. Социально-культурное пространство современного общества стремится к многообразию и плюрализму — растет количество интересов, что привносит проблематичность для формирования устойчивых и упорядоченных социальных отношений, которые являются основой устойчивости общества.

Проблема заключается в том, что при столкновении с культурным разнообразием у отдельных индивидов и групп может формироваться чувство «чужого». Отсюда возможен рост недоверия, ксенофобии и проявлений враждебности к другим индивидам и группам, что оказывает прямое влияние на безопасность индивида, общества и страны. Доверие же представляет собой один из факторов, поддерживающих устойчивость и интегрированность общества, а также упорядочивания и уравнивания социальных и культурных разнообразий [9]. Повышение уровня доверия в обществе способно стимулировать формирование сотрудничества между разными индивидами и группами [10; 11]. Доверие к

людям, группам, объединениям и институтам рассматривается как одна из категорий, используемых для измерения безопасности в обществе, наравне с такими показателями, как восприятие безопасности, индекс человеческого развития, коэффициент убийств и другие. Чем выше доверие в обществе, тем более устойчивой и предсказуемой является социальная реальность. Понятия «социальное доверие» или «социальное недоверие» дают объективную оценку существующей в обществе совокупности социальных отношений. Уровень доверия или, наоборот, недоверия способен рассматриваться как один из показателей общественных настроений, общественного климата, социальной безопасности.

Региональные особенности восприятия ощущения безопасности и доверия присутствуют в различных проведенных ранее исследованиях [12; 13]. Рассматривая социологический аспект состояния безопасности и доверия в приграничных регионах России, необходимо учитывать особенности условий пограничной безопасности. Данный вид безопасности рассматривается не только как состояние реальной защищенности пограничного пространства страны, но и со структурной точки зрения. Важно оценивать комплекс мер, способных охарактеризовать содержание деятельности всех субъектов по защите интересов личности, общества и государства в пограничной сфере, при координирующей роли Федеральной службы безопасности России [14]. В современных условиях под влиянием процессов глобализации актуализируются проблемы обеспечения безопасности в приграничном пространстве, делается акцент на необходимости учета региональных особенностей.

Основная гипотеза статьи — уровень межличностного/институционального доверия населения находится во взаимосвязи с ощущением населения своей личной безопасности.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в результате проведенного социологического исследования в шести приграничных регионах России (Алтайский край, Амурская, Астраханская, Волгоградская области, Республика Тыва и Хабаровский край). В исследовании была использована многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора, которую составили 2 140 респондентов.

Оценка ощущения безопасности респондентов осуществлялась с помощью четырех категорий: «Полностью ощущаю себя в безопасности», «Скорее ощущаю себя в безопасности», «Не очень ощущаю себя в безопасности» и «Совсем не ощущаю себя в безопасности». Данные категории были объединены, получены два показателя: суммарный показатель ощущения безопасности и суммарный показатель отсутствия ощущения безопасности. Оценка уровня доверия осуществлялась с помощью четырех категорий: «Полностью доверяю», «Скорее доверяю», «Не очень доверяю» и «Совсем не доверяю». Данные категории были объединены, получены два показателя: суммарный показатель доверия и суммарный показатель недоверия.

На основании ответов респондентов также были рассчитаны частные индексы доверия/недоверия населения. Все используемые для построения индекса вопросы нацелены на выделение положительных или отрицательных оценок. Оценки включают варианты ответов от «Совсем не доверяю» до «Полностью доверяю» (четыре варианта ответа). Частные индексы были построены по следующей процедуре: для каждого вопроса рассчитывалось относительное значение, равное отношению разности долей положительных и отрицательных ответов к сумме долей положительных и отрицательных ответов. Диапазон значений, которые может принимать индекс, варьирует от –100 до 100.

Положительные значения индекса характеризуют различный уровень доверия населения. Отрицательные значения индекса представляют собой различный уровень недоверия населения. Интегральный индекс рассчитывается как средняя арифметическая из частных индексов. Также был проведен двухэтапный кластерный анализ, основу которого составили пять показателей. Количественные данные обработаны с использованием статистического пакета обработки данных SPSS 23.0.

Результаты и обсуждение

Вызовы и угрозы социальной безопасности обширны, разнообразны и охватывают все сферы жизнедеятельности человека. В рамках проведенного исследования оценка состояния безопасности включала в себя следующие составляющие: определение места проблемы безопасности в ряде региональных и федеральных проблем, ощущение населением уровня собственной безопасности, а также характеристика населением внешних военизированных угроз. Жителям приграничных регионов было предложено отметить наличие/отсутствие различных проблем, характерных для своего региона. Среди предложенных населению социальных проблем проблема безопасности граждан была отмечена почти каждым пятым респондентом (18,4 % населения приграничных регионов). Оценивая уровень развития данной проблемы на местном уровне для своего региона, больше половины населения (59,2 %) отметили, что безопасность граждан представляет небольшую проблему или не представляет ее вообще (38,5 и 20,7 % соответственно). Только 13 % отметили, что безопасность граждан представляет очень большую проблему, и 23,1 % отметили, что довольно большую, при этом 4,7 % затруднились с ответом.

Для характеристики общего ощущения собственной безопасности населению было предложено оценить уровень собственных ощущений относительно своей безопасности. Результаты ответов показали, что больше половины опрошенных респондентов (67,3 %) склонны ощущать себя в безопасности. При этом пятая часть респондентов (20,5 %) отметили, что «полностью ощущают себя в безопасности». Однако доля не ощущающих себя в безопасности составила больше четверти респондентов (29,8 %).

Несмотря на то, что общее чувство безопасности населения можно отметить на высоком уровне, половина респондентов (50,4 %) выразила свой страх перед возможностью осуществления военной угрозы, в частности теракта. При этом четверть ответивших (25,6 %) отметили, что «очень боятся стать жертвой теракта». В равной степени боятся и не боятся стать жертвой теракта 18,4 % ответивших; не боятся стать жертвой теракта чуть больше четверти ответивших (27,1 %). Была также выявлена статистически достоверная взаимосвязь между уровнем боязни стать жертвой теракта и полом респондентов: женщины в большей степени подвержены боязни стать жертвой теракта, чем мужчины (χ^2 , $p < 0,0001$).

Характеристика угроз на федеральном уровне осуществлялась с помощью вопроса «Что, по Вашему мнению, больше всего угрожает безопасности Российского государства?», где респондентам было предложено выбрать до пяти вариантов угроз безопасности Российского государства или отметить свой вариант. Больше половины населения приграничных регионов (58,4 %) посчитало, что значительная угроза для нашего государства исходит от коррупции и организованной преступности. Второй значительной угрозой можно отметить наркоманию и алкоголизм — данный вариант отметили 44,1 % респондентов. На 3-м месте (40,9 %) — терроризм, политический радикализм и экстремизм. На 4-м (33,6 %) — сильное расслоение общества на бедных и богатых. И на 5-м месте (24,7 %) — низкая продолжительность жизни и высокая смертность населения.

Среди шести исследуемых регионов «наиболее безопасными» по суммарным ответам респондентов можно отметить Амурскую и Волгоградскую области — процент респондентов, ощущающих себя в безопасности в данных регионах, составил 75,8 и 70 % соответственно. На уровне 63,8–67,4 % ощущают себя в безопасности жители Республики Тыва, Алтайского и Хабаровского краев. И наименьший процент респондентов среди всех регионов (58,5 %) ощущают себя в безопасности в Астраханской области (таблица 1).

Таблица 1. Оценка респондентами своего ощущения безопасности, суммарный показатель, в разрезе регионов, %

Вариант ответа	Алтайский край	Астраханская область	Амурская область	Волгоградская область	Республика Тыва	Хабаровский край
Ощущают себя в безопасности	66,9	58,5	75,8	70,0	63,8	67,4
Не ощущают себя в безопасности	30,7	37,2	21,9	27,2	29,9	31,1
Затруднились ответить	2,4	4,3	2,3	2,8	6,3	1,5

Оценка изменения ситуации за последние два года в области внешних проблем, стоящих перед нашим обществом, в представлении населения говорит об увеличении количества опасностей и угроз: почти половина ответивших (45,3 %) считают, что таких угроз стало больше. Чуть больше трети ответивших (36,6 %) посчитало, что угроз за последние два года осталось столько же, сколько и раньше. Лишь 9 % респондентов отметили снижение угроз за последние два года; 10,1 % — затруднились с ответом.

Были выявлены статистически достоверные различия в региональных представлениях населения об уровне увеличения внешних опасностей и угроз. Высокий уровень увеличения внешних проблем, опасностей и угроз за последние два года отметили жители Астраханской области и Хабаровского края (50,9 и 55,6 % соответственно). Средний уровень — Амурская область и Алтайский край (42,2 и 45,4 %). И низкий уровень характерен для Республики Тыва и Волгоградской области (30,5 и 36,1 %) (χ^2 , $p < 0,0001$). Кроме этого, присутствует статистически достоверная взаимосвязь между возрастом респондентов и их оценкой изменения ситуации за последние два года (χ^2 , $p < 0,0001$). Респонденты старшего возраста в сравнении с молодежью в большей мере склонны полагать, что количество угроз, стоящих перед нашим обществом, за последние два года увеличилось (таблица 2).

Таблица 2. Соотношение возраста респондентов с оценкой изменения внешних проблем, опасностей и угроз, стоящих перед нашим обществом, за последние два года, %

Вариант ответа	Возраст, лет			
	18–29	30–49	50–59	60 и старше
За последние два года внешних проблем, опасностей и угроз, стоящих перед нашим обществом, стало больше	37,7	46,7	53,5	54,4
За последние два года внешних проблем, опасностей и угроз, стоящих перед нашим обществом, столько же, сколько и раньше	41,3	34,8	30,5	30,3
За последние два года внешних проблем, опасностей и угроз, стоящих перед нашим обществом, стало меньше	9,2	8,9	6,9	6,4
Затрудняюсь ответить	11,8	9,6	9,1	8,9

Достижение должного уровня безопасности, вне зависимости от ее вида, реализуется благодаря специально организованным структурам и группам, отношение к деятельности которых, в свою очередь, включает в себя доверие или недоверие со стороны населения. В рамках исследования была проведена оценка институционального доверия, для которой были отобраны социальные структуры, деятельность которых направлена на поддержание безопасности общества на различных уровнях — полиция и российская армия. Хотелось бы отметить, что в настоящее время общественное мнение является одним из основных признаков официальной оценки деятельности полиции, которая заключается в поддержании общественного правопорядка и безопасности [15]. Также было рассмотрено доверие к региональным властям (губернатор/президент республики) и Президенту РФ. Доверии к власти в свою очередь можно охарактеризовать как готовность быть зависимым от государства в ситуации неопределенности и в ожидании социальной защищенности [16].

Следовательно, если человек склонен доверять данным социальным институтам, то он предполагает, что их деятельность, направленная на его защиту, будет реализована, что способно привести ощущение безопасности.

Среди ответивших респондентов доверие к социальным институтам, поддерживающим безопасность, оказалось неоднозначным: с одной стороны, доверие российской армии выразили 64,4 % респондентов, с другой стороны, 54,5 % респондентов выразили свое недоверие по отношению к полиции. Относительно доверия к губернатору/президенту республики и Президенту РФ ситуация оказалась примерно идентичной: 61 % респондентов отметили свое недоверие к губернатору/президенту республики, в то время как 51,8 % отметили, что доверяют Президенту РФ. Статистически достоверных различий между доверием/недоверием и полом, возрастом респондентов не было выявлено.

Одним из условий преодоления рисков также рассматривается умение вызывать доверие к себе и поддерживать его на протяжении всего времени межличностного взаимодействия [17]. В связи с этим кроме оценки доверия социальным структурам, обеспечивающим безопасность населения, была проведена оценка межличностного доверия, представленного тремя категориями, различными по степени близости и частоте взаимодействия: близкие/родственники, друзья/знакомые, коллеги по работе и соседи. Оценка доверия на межличностном уровне показала, что население склонно в большей степени доверять своим близким, родственникам (92,5 %) и друзьям, знакомым (83,3 %). Доля доверяющих коллегам по работе составила 65,4 %, в то время как свое доверие соседям выразило менее половины респондентов (46,5 %). Статистически достоверных различий между доверием/недоверием и полом, возрастом респондентов не было выявлено.

На основе пяти показателей (пол, возраст, ощущение/неощущение себя в безопасности, индекс доверия/недоверия полиции, индекс доверия/недоверия друзьям и знакомым) был проведен двухэтапный кластерный анализ, получено четыре кластера. Наибольший кластер описывает 34,5 % выборки. Его составили женщины, средний возраст которых 41 год. Эти женщины ощущают себя в безопасности, в первую очередь склонны доверять людям «близкого круга» — высокий индекс доверия своим друзьям и знакомым (100 б.), но при этом крайне низкий индекс доверия к полиции (2,4 б.). Второй по объему кластер (26,4 %) составили мужчины, средний возраст которых примерно на одном уровне, что и у женщин из предыдущего кластера, — 39 лет. Для мужчин характерно ощущение себя в безопасности, у них, как и у женщин из первого кластера, присутствует высокий индекс доверия своим друзьям и знакомым (100 б.). При этом они склонны проявлять большее доверие по отношению к деятельности полиции, чем женщины — индекс доверия полиции у них находится на низком уровне (9,7 б.), но выше, чем данный индекс у женщин из первого кластера. В третий кластер (24,2 %) вошли и мужчины, и женщины, средний возраст которых 42 года. Для них характерен средний индекс недоверия к полиции (–44 б.) и характерно отсутствие ощущения безопасности. Но, несмотря на это, у них остается высоким индекс доверия к своим друзьям и знакомым (100 б.). Четвертый кластер (14,9 %) также представлен и мужчинами, и женщинами, средний возраст которых 42 года. У представителей данного кластера высокий индекс недоверия к своим друзьям, знакомым (–100 б.) и средний индекс недоверия полиции (–48 б.). Несмотря на достаточно высокие показатели индексов недоверия, респонденты данного кластера почти в равной степени склонны как ощущать себя в безопасности (51,4 %), так и не ощущать себя в безопасности (48,6 %).

Таким образом, благодаря проведенному кластерному анализу можно выделить несколько особенностей взаимосвязи ощущения населением своей безопасности и доверия. Было получено два кластера только с «положительными» значениями ощущения безопасности и доверия; один кластер с «отрицательным» ощущением безопасности и «двойственным» ощущением доверия (институциональное недоверие и межличностное доверие); один кластер, наоборот, с «двойственным» ощущением безопасности и «отрицательным» ощущением

доверия (межличностное и институциональное недоверие). Такая группировка кластеров говорит о взаимосвязи безопасности и доверия между собой: в кластерах, где присутствует и институциональное и межличностное доверие, население склонно ощущать себя в безопасности. Противоположная позиция наблюдается в двух других кластерах, где присутствие ощущения недоверия (межличностного или институционального) накладывает отпечаток на ощущение безопасности: в одном из кластеров мнение относительно своей безопасности ставится под сомнение, в другом отмечается полное отсутствие ощущения своей безопасности. Кроме этого, из полученного распределения видно, что в наибольшей степени взаимосвязь уровня доверия и уровня безопасности наблюдается среди населения, относящегося к «среднему» возрасту, среди населения младшего и старшего возраста данная взаимосвязь присутствует, но выражена в меньшей степени.

Выводы

Мнение населения приграничных регионов России относительно безопасности граждан нашей страны можно оценивать как «скорее положительное»: с одной стороны, больше половины населения приграничных регионов чувствуют себя в безопасности и не склонны оценивать безопасность граждан как одну из значимых проблем для своего региона в настоящее время. С другой стороны, половина респондентов выразила свой страх перед возможностью осуществления теракта, и чуть меньше половины ответивших отметили, что за последние два года внешних проблем, опасностей и угроз, стоящих перед нашим обществом, стало больше. Были выделены различные угрозы, стоящие перед нашим обществом. Основные угрозы безопасности можно разделить на две подгруппы: имеющие противоправные основания и социальные. К угрозам, имеющим противоправные основания, относятся коррупция/организованная преступность и терроризм, политический радикализм и экстремизм. К угрозам, имеющим социальные основания, относятся наркомания/алкоголизм, сильное расслоение общества на бедных и богатых, низкая продолжительность жизни и высокая смертность населения. По результатам полученной классификации можно сделать вывод о том, что ощущение безопасности респондентов связано с уровнем их межличностного и институционального доверия/недоверия: чувство собственной безопасности характерно для респондентов, у которых присутствует индекс доверия, и отсутствует чувство безопасности среди респондентов, для которых характерен индекс недоверия. При этом оценка межличностного и институционального доверия показала, что уровень межличностного доверия выше, чем уровень институционального. Также присутствует различие в уровне институционального доверия между федеральными и региональными институтами: социальным институтам, имеющим федеральное назначение, население склонно доверять больше, чем институтам, имеющим региональное или местное назначение.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-311-90040 «Социальное доверие и коррупция: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях регионального социума» (2019–2021).

Библиографический список

- [1] Keeling S. Risk, Security, and Uncertainty: Personal Reflections // *Journal of Gerontological Social Work*. – 2013. – Vol. 56, No. 5. – P. 383–387.
- [2] Губченко А.В. Геополитические концепции глобализации и безопасность современного государства // *Вестник Екатеринбургского института*. – 2013. – № 1. – С. 19–23.
- [3] Писачкин В.А., Пантюшин А.И., Изергина В.П. Топологический подход к проблеме безопасности в социальном познании // *Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Сухаревские чтения*. – Саранск: ГКУ РМ «НЦСЭМ», 2016. – С. 41–50.

- [4] Биктимирова З.З. Безопасность в концепции развития человека // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 6. – С. 135–142.
- [5] Никулина М.А., Колодиев М.Ю. Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2017. – № 4. – С. 153–157.
- [6] Подольская Е.А., Назаркина В.Н. Социальная безопасность: сущность, угрозы и пути обеспечения // *Социологические исследования*. – 2016. – № 11. – С. 133–139.
- [7] Жбанков А.Б. Доверие как фактор безопасности // *Власть*. – 2010. – № 8. – С. 19–21.
- [8] Burruss G.W., Giblin M.J., Schafer J.A. Homeland Security in the Heartland: Risk, Preparedness, and Organizational Capacity // *Criminal Justice Policy Review*. – 2009. – No 20. – P. 274–289.
- [9] Неофитова А.А. Доверие как категория социологического анализа // *Вестник РГГУ. Серия: философия, социология, искусствоведение*. – 2016. – № 4. – С. 69–74.
- [10] Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // *Социологические исследования*. – 2016. – № 1. – С. 26–36.
- [11] Тарасова Л.В. Доверие как индикатор ощущения личной безопасности молодежью // *Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие»*. – Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2017. – С. 109–113.
- [12] Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Максимова С.Г., Авдеева Г.С. Современные вызовы безопасности: оценка риска подверженности экстремистским и террористическим угрозам в условиях региональных социумов // *Национальная безопасность*. – 2012. – № 1. – С. 213–254.
- [13] Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D. and Maximova M. The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia // *MATEC Web of Conferences*. – 2018. – No 212. – 10004.
- [14] Кулаков А.В. О влиянии глобализационных процессов на пограничную безопасность Российской Федерации // *Электронное научное издание Альманах Пространство и Время*. – 2013. – № 1(1). – 46 с.
- [15] Ильченко В.А. Общественное мнение о полиции: к проблеме формирования общественного доверия к полиции в России // *Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2016. – № 2. – С. 133–136.
- [16] Минченкова О.Ю. Доверие к власти как фактор экономической безопасности государства // *Вестник университета*. – 2012. – № 1. – С. 165–169.
- [17] Глушко И.В. Социальное доверие в контексте межличностных отношений // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2014. – № 2. – С. 213–216.

References

- [1] Keeling, S. (2013). Risk, Security, and Uncertainty: Personal Reflections. *Journal of Gerontological Social Work*, 56(5), 383–387.
- [2] Gubchenko, A.V. (2013). Geopolitical concepts of globalization and the security of the modern state. *Bulletin of Catherine the Great National Institute*, 1, 19–23.
- [3] Pisachkin, V.A., Pantyushin, A.I., & Izergina, V.P. (2016). A topological approach to the problem of security in social cognition. In *Transformation of social relations in a regional society. VI Sukharev readings* (pp. 41–50). Saransk: GGU RM “NCSEM”.
- [4] Biktimirova, Z.Z. (2002). Safety in human development concept. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 135–142.
- [5] Nikulina, M.A., & Kolodiev, M.Yu. (2017). Social security in the Russian Federation: criteria, threats, ensuring directions. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 4, 153–157.
- [6] Podolskaya, E.A., & Nazarkina, V.N. (2016). Social security: essence, threats and ways of ensuring. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 11, 133–139.
- [7] Zhbankov, A.B. (2010). Trust as a safety factor. *Vlast'*, 8, 19–21.

- [8] Burruss, G.W., Giblin, M.J., & Schafer, J.A. (2009). Homeland Security in the Heartland: Risk, Preparedness, and Organizational Capacity. *Criminal Justice Policy Review*, 20, 274–289.
- [9] Neofitova, A.A. (2016). Trust as a category of sociological analysis. *Suh/rggu Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, 4, 69–74.
- [10] Kuchenkova, A.V. (2016). Interpersonal trust in Russian society. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 1, 26–36.
- [11] Tarasova, L.V. (2017). Trust as an indicator of youth's perception of personal safety. *Collection of Selected Articles on the Basis of Scientific Conferences of the SRI "National Development"* (pp. 109–113). St. Petersburg: SRI "National Development".
- [12] Noyanzina, O.E., Goncharova, N.P., Maksimova, S.G., & Avdeeva, G.S. (2012). Modern security challenges: assessing the risk of exposure to extremist and terrorist threats in regional societies. *NB: National Security*, 1, 213–254.
- [13] Maximova, S., Noyanzina, O., Omelchenko, D. & Maximova, M. (2018). The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia. *MATEC Web of Conferences*, 212, article number 10004.
- [14] Kulakov, A.V. (2013). On the influence of globalization processes on the border security of Russian Federation. *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time*, 1(1), 1–46.
- [15] Ilchenko, V.A. (2016). Public opinion regarding the police: the problem of developing public confidence in the police in Russia. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2, 133–136.
- [16] Minchenkova, O.Yu. (2012). The credibility of the government as a factor in the economic security of the state. *Vestnik Universiteta*, 1, 165–169.
- [17] Glushko, I.V. (2014). Social trust within the frame of interpersonal relations. *Historical and Social Educational Idea*, 2, 213–216.

Получена / Submitted: 15/03/2020

Доработана / Revised: 10/04/2020

Принята к публикации / Accepted: 22/05/2020

УДК 316.334.4

АДВОКАТЫ: МОБИЛИЗАЦИЯ ПРАВА, ЮРИДИЧЕСКИЕ РИСКИ, ДОВЕРИЕ

Светлана Анатольевна Ильиных¹, Арина Юрьевна Пелых¹

¹*Кафедра социологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация*

Аннотация. Успешность деятельности предпринимателей нередко предопределяется не только их эффективностью в бизнесе, но и в случае форс-мажорных обстоятельств деятельностью адвокатов. Последние мобилизуют право в отношении предпринимателей в силу того, что обладают более высоким профессиональным статусом. Необходимость обращения к адвокатам связана также и с тем, что на протяжении всей своей деятельности предприниматели сталкиваются с юридическими рисками. Преодоление рисков с позиции теории структурного функционализма возможно только с помощью профессионалов, к числу которых относятся и адвокаты. С позиции теории повседневности в процессе преодоления риска привлечение профессионального сообщества базируется на доверии. В рамках представленной статьи адвокатское сообщество было проанализировано как обладающее характеристиками — индикаторами «истинной профессии», которые и выступают основой доверия. Исследование предпринимателей показало, что в целом их доверие строится на профессионализме адвокатов, на их служении обществу, порой даже и альтруистичному. Стоит учитывать и то, что само адвокатское сообщество достаточно строго относится к «чистоте» профессиональной идентичности.

Ключевые слова: адвокаты, адвокатское сообщество, мобилизация права, юридические риски, доверие.

Attorneys: Law Mobilization, Legal Risks, Trust

Svetlana A. Ilynykh¹, Arina Yu. Pelykh¹

¹*Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract. The success of entrepreneurs is often determined not only by their effectiveness in business, but also in the case of force majeure by the activity of attorneys. The latter mobilize the right to entrepreneurs because they have a higher professional status. The need to contact attorneys is also related to the fact that entrepreneurs face legal risks throughout their activities. Overcoming risks from the point of view of structural functionalism theory is possible only with the help of professionals, including attorneys. From the point of view of the theory of everyday life in the process of overcoming risk, the involvement of the professional community is based on trust. In the article, the legal community was analyzed by indicators of “true profession”, which are the basis of trust. The research of entrepreneurs showed that in General, their trust is based on the professionalism of attorneys, on their service to society, sometimes even altruistic. It should be taken into account that the legal community is quite strict about the “purity” of professional identity.

Keywords: attorneys, legal community, law mobilization, legal risks, trust.

Введение

Адвокаты достаточно редко становятся объектом исследования социологов. Причина этого кроется в том, что в определенной степени эта профессиональная группа является труднодоступной для эмпирического исследования. Если теоретические исследования еще можно провести, то экспертный опрос, фокус-группу, а тем более анкетный опрос исследователю «извне», не имеющему отношения к этой деятельности, провести достаточно непросто. Видимо, этим объясняется то, что в научной литературе представленность исследований адвокатского сообщества невелика. Так, к числу наиболее известных работ по

исследованию адвокатского сообщества относится доклад эмпирических данных А. Казуна, Е. Ходжаевой, А. Яковлева «Адвокатское сообщество России», собранных при поддержке Федеральной палаты адвокатов России и Института адвокатуры МГЮА им. О.Е. Кутафина [1]. Что касается защит кандидатских диссертаций, то по рассматриваемой проблематике в социологии их насчитывается всего три. К их числу относятся следующие работы: А.В. Акопян «Управление процессом формирования профессиональной идентичности адвокатов как социально-профессиональной группы: социально-технологические аспекты» [2], А.П. Казун «Социальные и экономические факторы независимой деятельности адвокатов в современной России» [3]. Кроме того, изучению деятельности адвокатов посвящена работа Ю.М. Басова «Социальные функции и статус адвокатуры в российском обществе» [4].

В связи с этим можно отметить, что исследование адвокатского сообщества как социально-профессиональной группы представляет как теоретический, так и практический интерес. Было бы достаточно сложно охватить все аспекты деятельности адвокатского сообщества, представляющие научный интерес, поэтому имеет смысл остановиться лишь на некоторых. Целью данной статьи является представление некоторых имплицитных характеристик представителей адвокатского сообщества, которые часто вообще не затрагиваются исследователями. Для того чтобы отразить эти аспекты деятельности адвокатов в социальной практике, рассмотрим на примере их взаимодействие с предпринимателями.

Материалы и методы

В работе использованы как общенаучные (анализ, синтез), так и специально-научные методы (структурно-функциональный подход, теория повседневности). К примеру, структурно-функциональный подход позволяет обосновать необходимость привлечения адвокатов для преодоления юридических рисков. Использование идей теории повседневности продуктивно для обоснования формирования доверия к адвокатам в процессе взаимодействия с предпринимателями.

Применены также и эмпирические методы для обоснования идеи о необходимости и возможности обращения предпринимателей к адвокатам. Проведено фокусированное интервью с предпринимателями (численность 12 человек) в феврале 2020 года. Проведен также и экспертный опрос 3 адвокатов.

Результаты и обсуждение

Мобилизация права: роль адвокатов

Для устойчивого развития российской экономики важную роль играет малый и средний бизнес, поскольку именно благодаря ему создаются благоприятные условия для стабильности общества, расширения потребительского рынка, внедрения инновационных технологий, оперативного насыщения рынка востребованными товарами и услугами, создания новых рабочих мест, и, наконец, осуществляется поступление доходов в бюджет. Поэтому поддержание предпринимателей в России является стратегической задачей государственной политики. Обратим внимание на то, что развитие предпринимательства предопределяется совокупностью факторов, которые в целом могут быть представлены двумя большими группами: экзогенными и эндогенными. Если рассматривать в самом общем виде, то экзогенные факторы включают поддержку предпринимательства со стороны государства, а также поддержку предпринимателей в правовых аспектах. В качестве ключевых эндогенных факторов можно назвать мотивацию и личностные особенности предпринимателей.

Не затрагивая все представленные факторы, остановимся на правовой поддержке предпринимателей. Стоит указать, что правовая поддержка может быть трактована в широком и узком аспектах. Первый аспект представляет собой создание правовой среды, правовых

условий для функционирования бизнеса, его способности расти и развиваться в условиях рынка. Второй аспект может быть рассмотрен в контексте оказания помощи предпринимателям в защите своих прав, собственности, в соблюдении законности. Именно этот аспект и будет предметом исследования. Адвокаты относятся к той группе специалистов, которые на профессиональной основе могут оказать правовую помощь предпринимателям. С точки зрения социологии права правозащитная деятельность адвокатов в отношении предпринимателей являет собой пример мобилизации права. Впервые термин «мобилизация права» был введен Д. Блэком [5–7]. Социолог К. Титаев, раскрывая особенности термина, указывает, что закон не работает, пока его кто-либо не заставит работать. Тем самым происходит «мобилизация права». Это может быть мобилизация права в отношении себя, другого, на собственное благо, на общее благо. Мобилизация права может быть добровольной, может быть по принуждению [8]. Укажем, что применение термина мобилизации права не является широко распространенным, но вместе с тем позволяет понять, почему именно адвокаты могут быть более успешными правозащитниками предпринимателей, чем они сами в случае возникшей необходимости. Рассмотрим некоторые аргументы возможности мобилизации права предпринимателей со стороны адвокатов.

Во-первых, по Д. Блэку, у индивидов существуют неравные возможности в мобилизации права. Так, чем ниже у индивида образование, социальный статус, тем он в меньшей степени может мобилизовать право, а значит перевести ситуацию в юридически нормированную. Социальный статус адвоката в правозащитной деятельности при мобилизации права всегда выше, чем у предпринимателя. Поэтому мобилизация права адвокатами в отношении предпринимателей, с нашей точки зрения, более реальна и аргументирована. Во-вторых, адвокаты имеют большую осведомленность о правонарушениях. По Д. Блэку, к осведомленности о правонарушениях относится объем сведений о нарушениях закона, который имеется у правовой системы в ее юрисдикции [5]. В-третьих, при мобилизации права имеет значение доступность права (availability of law) [5]. Доступность права представляет собой ожидаемые издержки (например, оплата адвокатских услуг), которые понесет предприниматель в случае необходимости защитить свои права.

Анализ этих аргументов показывает, что мобилизация права предпринимателей со стороны адвокатов достаточно реальна. В этом смысле трудно не согласиться с мнением А.М. Веркеева о том, что правовая система оказывается мобилизованной людьми, поскольку она не может функционировать самостоятельно [9]. Вместе с тем существуют еще и внутренние причины, которые позволяют предпринимателям обращаться к адвокатам. Одной из таких является доверие.

Доверие к адвокатам

Обращение за помощью к адвокатам для предпринимателей связано, прежде всего, с преодолением возникших юридических рисков и разрешением тех или иных вопросов. Разного рода юридические риски неизбежно сопровождают деятельность предпринимателя, даже при условии, что последний будет исключительно рационален в своих действиях. Хотя справедливости ради нужно отметить мнение Н. Лумана о том, что современное поведение вообще нельзя вписать в схему «рациональное или иррациональное» [10]. Итак, говоря об условиях взаимодействия предпринимателей и адвокатов, фактически мы выходим на вопрос преодоления сложившихся в деятельности предпринимателя юридических рисков.

С позиции структурного функционализма это преодоление юридических рисков возможно, в том числе и при привлечении профессионального сообщества. Так, с точки зрения Т. Парсонса, «ядро» адаптационной способности, которое можно наблюдать в отношении социальной структуры общества, образовано именно профессионалами. Т. Парсонс выделял несколько критериев профессиональной роли, в числе которых наличие высшего образования, опыта, мотивация работать на благо всей социальной системы [11]. В аспекте привлечения

профессионалов для преодоления юридических рисков дополняет идеи структурного функционализма теория повседневности. И здесь мы можем видеть, что привлечение профессионального сообщества для преодоления юридических рисков базируется на доверии.

Кратко касаясь понятия доверия, отметим, что именно оно лежит в основе любых социальных отношений. Н. Луман в книге «Доверие и власть» указывал, что нарастание и неуверенность людей в будущем, возникающие из-за усложнения современных обществ, появления их непрозрачности, приводят к тому, что необходимым условием общественного развития становится доверие [12]. В рамках теории повседневности актуально изучение доверия П. Штомпкой. Он полагает, что при неопределенности и неконтролируемости будущего возникает проблема доверия. Иными словами, необходимость доверия возникает при отсутствии уверенности в полном контроле над будущими событиями, которые предопределяются человеческими действиями.

Ожидания в отношении действий других людей, по П. Штомпке, могут различаться и быть трех типов. Первый тип ориентирован на надежду либо разочарование. Второй тип предполагает либо веру, либо сомнение. Оба типа ожиданий в отношении действий других людей ориентированы на пассивность, созерцательность, дистанцированность. Третий тип ожидания в отношении действий других людей — это доверие. Этот тип отличается тем, что человек, осознавая неопределенность и наличие риска, рассчитывает на какие-либо действия. П. Штомпка предлагает достаточно оригинальный подход к доверию, трактуя его в виде ставки, которая делается в отношении будущих непредвиденных действий других людей [13]. Такой подход к доверию позволяет представить доверие как совокупность двух измерений. Первое измерение — это определенные ожидания в отношении неоговоренных действий в некой будущей непредвиденной ситуации. Второе измерение ориентирует нас на то, что это степень убежденности, глубина уверенности в том, что такие действия будут предприняты, что может быть определено как ставка.

Предположив, что эти компоненты ключевые в процессе доверия, определим, на чем базируются особые ожидания предпринимателей от адвокатов и их уверенность в действиях адвокатов. С нашей точки зрения, на «культуре доверия», пользуясь терминологией П. Штомки. «Культура доверия» как достаточно многослойное и многозначное понятие включает в том числе и то, что профессиональное сообщество должно в той или иной мере обладать индикаторами «истинной профессии» (термин Р. Павалко). Рассмотрим, обладает ли адвокатское сообщество индикаторами «истинной профессии». Обратимся к некоторым индикаторам, привлекая работу Р. Павалко [14].

Первый индикатор: *основание практики на теоретическом знании*. С полной уверенностью можно утверждать, что практические умения адвоката, как указывал Т. Парсонс [15], всецело базируются на обязательной, жестко формализованной, узкоспециализированной и высокоинтеллектуальной теоретической подготовке в официальных образовательных институтах. Качество подготовки и профессиональная компетентность подвергаются обязательной официальной сертификации. Вторым индикатор, который можно рассматривать как продолжение первого, состоит в том, что *практика требует длительного специализированного периода подготовки*. В отношении профессии адвоката этот период складывается не только из традиционного для многих профессий длительного периода формализованного теоретического обучения. Вхождение в адвокатское сообщество невозможно без демонстрации соискателем практических профессиональных навыков и умений, подтверждающих готовность к выполнению роли адвоката. А особенность профессии адвоката такова, что требует длительной и скрупулезной интериоризации профессиональной субкультуры сообщества адвокатов, его ценностей и норм, освоения различных вариантов профессиональной роли.

Третий индикатор определяет особое место профессионального сообщества адвокатов в жизни общества: *профессиональная компетентность должна соотноситься с центральными*

ценностями общества. Вставая на защиту прав граждан, всех без исключения членов общества, адвокаты тем самым оказываются ориентированными в своих действиях на сохранение и поддержку центральных ценностей общества. Именно это служит базой для формирования доверия. Четвертый индикатор состоит в том, что *профессионалы должны быть ориентированы на служение обществу*. Деятельность адвокатов соотносится со статьей 48 Конституции РФ, которая гарантирует каждому гражданину (независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств) право на получение квалифицированной юридической помощи. Б. Барбер [16], У. Гуд [17] рассуждают о том, что каждому профессионалу внутренне присущее альтруистическое служение как необходимое качество. Разделяя их точку зрения, можем отметить, что адвокаты сталкиваются напрямую именно с необходимостью выбора ориентации на приоритетное служение обществу по сравнению с личной выгодой. Служение обществу неизменно связано с необходимостью руководства в своей повседневной практике этическим принципам. Хотя реальная практика показывает (исследования А.П. Казуна и А.А. Яковлева), что профессиональное адвокатское сообщество неоднородно и в нем могут быть выделены многочисленные группы и подгруппы по самым различным признакам, например, по профессиональной специализации или по этическим принципам [18]. Но вместе с тем для адвокатов-профессионалов характерен приоритет этических норм. Нельзя не согласиться с высказыванием Р. Павалко о том, что для эффективной профессиональной деятельности адвокатского сообщества имеют решающее значение доверие со стороны общественности к этой группе и восприятие ее как ориентированную на служение общественным идеалам [14].

Пятый индикатор «истинной профессии» — *профессиональное вовлечение в трудовую деятельность является долговременным* — имеет существенное значение для формирования доверия. Продолжительность времени, в течение которого у индивида сохраняется интерес к профессии, связан с чувствами, которые возникают у члена профессионального сообщества в отношении своей профессии. Можно выделить спектр разнообразных чувств, которые располагаются между двумя крайними проявлениями. Одно крайнее проявление свойственно группе из наиболее профессиональных членов адвокатского сообщества, которые воспринимают свою деятельность как призвание, миссию. На другом конце расположена группа индивидов, которых в профессии привлекает и удерживает не призвание, а особый социальный статус, возможность получения материальных и социальных благ. Между этими крайностями существует великое множество профессионалов с набором чувств и интересов, но большинство членов сообщества тяготеет к осознанию своей профессии как миссии.

Шестой индикатор: *профессионалам свойственна высокая степень автономии*. По Р. Павалко, автономия выражается в двух различных, но взаимосвязанных аспектах. С одной стороны, при высокой степени автономии происходит контроль деятельности собственных членов благодаря профессиональной организованности общности. С другой стороны, социальная закрытость группы поддерживается посредством контроля доступа в профессию. Можем видеть, что адвокаты полностью соответствуют требованию этого индикатора. Контроль над адвокатской деятельностью осуществляется как со стороны закона, так и со стороны Адвокатской палаты. При этом вступление в ряды адвокатского сообщества — весьма долгий путь профессионального роста, который начинается с получения образования. Трудно не согласиться с мнением О.В. Лукша о том, что индивиды, которые находятся в профессии, часто отрицательно относятся к необходимости контроля и даже к самой возможности контроля их деятельности со стороны тех, кто находится вне профессии [19]. Седьмой индикатор «истинной профессии»: *профессиональное сообщество — значимый критерий формирования профессиональной идентичности*. Профессиональная группа

объединена чувством идентичности, профессиональной культуры, наличием совокупности ценностей и норм. В ней формируются определенные «общинные» характеристики.

Рассмотренные нами индикаторы «истинной профессии» в преломлении к профессиональной группе адвокатов, безусловно, являют собой некие идеальные характеристики. Но вместе с тем можно наблюдать в большей мере соответствие этим индикаторам, что и позволяет предпринимателям доверять этой профессиональной группе. Проверим эти идеи в эмпирическом исследовании предпринимателей.

Одним из первых был вопрос о том, что является основой доверия при обращении к адвокатам. Респонденты указали: *«Профессионализм и положительный опыт решения аналогичных проблем»* (Ю., 54 года), *«Репутация, отзывы, наличие положительной практики в решении конкретного вопроса»* (В., 32 года), *«Рекомендации, история компании, сколько лет на рынке»* (С., 53 года), *«Наличие статуса адвоката, как такового, и положительные отзывы от других клиентов»* (А., 37 лет), *«Доверителю порой бывает сложно оценить уровень квалификации, поэтому основные критерии: честность, опытность, добросовестность»* (С., 33 года). Как видим, в основе доверия респонденты указывают на индикаторы профессионализма. Здесь же можно отметить, что репутация, история компании косвенно отражают такой индикатор, как профессиональная идентичность.

Первый и второй индикаторы «истинной профессии» сосредоточены на специализированной подготовке. Участники фокусированного интервью отметили, что для них *«важны профессиональные знания адвокатов, а также умение применить эти знания на практике»*. Один из респондентов высказался о том, что *«даже если будет отрицательный результат в решении какого-либо конкретного вопроса, то это все равно не влияет на репутацию. Потому что в целом все равно важны общие профессиональные знания и опыт адвоката. Этих знаний у большинства нет»* (В., 32 года).

Говоря о специализированной подготовке, обратимся к исследованию А.П. Казун и А.А. Яковлева. Они описывают портрет адвоката, указывая, что 28 % респондентов приобрели статус адвоката после окончания вуза, около 20 % пришли в адвокатуру после работы в коммерческих структурах [18]. Среди адвокатов-членов Ассоциации юристов России (АЮР) около 20 % ранее работали в правоохранительных органах и судебной системе, а среди не членов АЮР их доля составляет одну треть. Более половины опрошенных респондентов из числа членов Ассоциации юристов России полагают, что современные адвокаты очень часто имеют профессиональный опыт работы в правоохранительных органах. Таким образом, члены адвокатского сообщества имеют достаточно продолжительную специальную подготовку.

Следуя выделенным выше индикаторам, респондентам был задан вопрос: могут ли адвокаты быть ориентированы на служение обществу и поступать альтруистично. Предприниматели полагают, что *«в целом, конечно, в деятельности адвокатов все рационально, но все же иногда они могут поступить и вполне альтруистично. У меня был опыт обращения с 9 адвокатами. Все оказались очень разными, но в том числе, одна адвокат согласилась вести дела за символические деньги. Все строилось на большом интересе и желании помочь человеку. И выиграли процесс»* (Ю., 54 года). Один из предпринимателей уточнил: *«Так как любой человек может быть альтруистичен, адвокат не исключение. Но адвокат работает за деньги, и, следовательно, чаще будет стремиться к увеличению их количества. Даже выполняя некие альтруистичные действия, он может руководствоваться эгоистичными мотивами»* (А., 37 лет).

Отвечая на аналогичный вопрос, одна из адвокатов в экспертном интервью высказалась, что *«мы можем работать практически бесплатно с клиентом на профессиональном интересе, иногда даже на резонансном деле. Но часто роль адвоката состоит в осуществлении превентивной функции. Клиента необходимо предупредить о вхождении субъекта права в такое состояние, когда для него возникает угроза наступления юридически неблагоприятных последствий»* (А., 31 год). Ее коллега поддержал такую точку зрения: *«Да,*

адвокаты вполне могут выполнять работу на альтруистичных началах. Я разделяю точку зрения, которую ранее встретил в биографии американского юриста: он ушёл из большой юридической корпорации с большим гонораром в простую контору, которая помогала совсем бедным слоям, в основном афроамериканцам. Мотивом к этому было то, что в крупной компании он не чувствовал удовлетворения от работы, просто зарабатывал деньги, а в маленькой ощущал, что делал серьезное дело — добивается справедливости» (С., 33 года).

Исследования Ю.М. Басова показывают, что адвокаты воспринимают свою профессию в контексте «защитников» социальной справедливости. Они ценят в своих коллегах такие качества, как честность, неподкупность, высокую личную культуру, чувство справедливости, принципиальность. Адвокаты воспринимают себя как профессионалов с глубокими знаниями законов и практики их применения. Это проявляется в солидарности с законом, деловитости, любви к своей профессии, объективности, знании новаций законодательства [4]. Бесплатная юридическая помощь может быть рассмотрена как пример альтруизма. Анализируя деятельность адвокатов в контексте представленного индикатора, стоит дополнить этот вопрос данными Федеральной палаты адвокатов, предоставившей отчет за 2017–2019 года на IX Всероссийском съезде адвокатов (таблица 1, 2) [20].

Таблица 1. Государственная система бесплатной юридической помощи на добровольной основе

Год	Численность адвокатов	Численность социально незащищенных граждан
2017	11 711	38 570
2018	11 163	49 272

Как видим, при небольшом сокращении числа адвокатов бесплатная юридическая помощь на добровольной основе оказана большему числу социально незащищенных граждан.

Таблица 2. Негосударственная система бесплатной юридической помощи

Год	Численность адвокатов	Численность социально незащищенных граждан
2017	2 619	14 764
2018	3 759	17 197

Аналогичная картина наблюдается и при оказании бесплатной юридической помощи адвокатами негосударственной системы. Учрежден 61 негосударственный центр бесплатной юридической помощи адвокатскими палатами и адвокатскими образованиями (по состоянию на 2018 год). В 2017 году Совет Федеральной палаты адвокатов принял решение о том, что 2 раза в год российская адвокатура будет проводить безвозмездно организуемые палатой Российской Федерации Всероссийские дни бесплатной юридической помощи. Это мероприятие проходит под названием «Адвокаты — гражданам» в День российской адвокатуры (1 июня) и в День юриста (20 ноября). Таким образом, можно отметить соответствие деятельности адвокатов третьему и четвертому индикаторам «истинной профессии». Шестой индикатор о том, что профессионалам свойственна высокая степень автономии, в фокусированном интервью подтвердился лишь отчасти. Большинство участников высказались о том, что адвокат, как и любой другой юрист, получает профессиональное образование достаточно свободно, поэтому адвокатское сообщество не является закрытым. Но что касается контроля, то он, безусловно, присутствует [21]. Здесь вновь можно привести данные, представленные Федеральной палатой адвокатов (ФПА), которые тоже подтверждают мнения респондентов и по поводу открытости и по поводу контроля над деятельностью. Так, в отчете ФПА указано, что общее число адвокатов за прошедшие два года (2017–2019 года) увеличилось на 2 287 и достигло 80 778 человек. По состоянию на 1 января 2019 года в России учреждено и действует 26 719 адвокатских образований, в том числе 3 077 коллегий адвокатов, 880 адвокатских бюро, 22 675 адвокатских кабинетов, 87 юридических консультаций.

В отчете также указывается, что за 2 года (2017–2019 года) поступило около 25 000 жалоб на действие либо бездействие адвокатов при исполнении профессиональных обязанностей в адвокатские палаты и около 700 жалоб — в территориальные органы Министерства юстиции России. На эти жалобы адвокатские палаты отреагировали, и в результате к 5 475 адвокатам были применены взыскания в виде замечания и предупреждения. Показательно, что 746 адвокатов лишились своего статуса. Таким образом, на основании эмпирических данных можно говорить о том, что доверие адвокатам вполне может быть обосновано тем, что представители адвокатского сообщества обладают характеристиками — индикаторами «истинной профессии».

Выводы

Адвокатское сообщество относится к числу мало исследуемых профессиональных групп. Вместе с тем его важно изучать не только в части юридической специфики, но и социальной. Актуальным является социологический подход к профессии адвоката, который, в частности, позволяет говорить о том, что адвокаты являются той группой, которая успешно мобилизует право в отношении предпринимателей, участвует в процессе снижения или устранения юридических рисков, вызывает доверие как основу сотрудничества. Применение таких методов, как структурно-функциональный подход и теория повседневности позволяет выделить имплицитные характеристики группы. Эмпирическое исследование построено на проверке идеи о том, что адвокатское сообщество обладает признаками «истинной профессии». В статье были представлены лишь отдельные аспекты, приоткрывающие завесу адвокатской деятельности. Предстоит более глубокое исследование этой трудно доступной для исследования профессии, в том числе понимание того, что лежит в основе их удовлетворенности собой. Интересными в рамках социологии могут быть также исследования профессиональной идентичности в совокупности с этическими аспектами.

Библиографический список

- [1] Казун А., Ходжаева Е., Яковлев А. Адвокатское сообщество России. Доклад ИАПР НИУ ВШЭ и ИПП ЕУ СПб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/store/doc/doc/Doklad_advokats_all.pdf (дата обращения: 01.03.2020).
- [2] Акопян А.В. Управление процессом формирования профессиональной идентичности адвокатов как социально-профессиональной группы: социально-технологические аспекты: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Санкт Петербург, 2009. – 24 с.
- [3] Казун А.П. Социальные и экономические факторы независимой деятельности адвокатов в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2018. – 24 с.
- [4] Басов Ю.М. Социальные функции и социальный статус адвокатов и адвокатуры в современном российском обществе: состояние, проблемы, перспективы // Социальная политика и социология. – 2011. – № 2. – С. 89–101.
- [5] Black D. The Mobilization of Law // The Journal of Legal Studies. – 1973. – Vol. 2., No. 1. – P. 125–149.
- [6] Black D. The Behavior of Law. – New York: Academic Press, 1976.
- [7] Black D. Common Sense in the Sociology of Law // American Sociological Review. – 1979. – Vol. 44, No. 1. – P. 18–27.
- [8] Титаев К. FAQ: Мобилизация права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/24950> (дата обращения: 01.03.2020).
- [9] Веркеев А.М. Эмпирические индикаторы мобилизации права // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 91–109.
- [10] Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – № 5. – С. 135–160.
- [11] Parsons T. Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences. – New York: The Macmillan Company & The Free Press, 1968. – P. 536–547.
- [12] Luhmann N. Trust and power. – New York: J. Wiley, 1979.

- [13] Sztompka P. Trust: a sociological theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- [14] Pavalko R. Sociology of Occupations and Professions. – Illinois: F.E. Peacock Publishers, 1971.
- [15] Parsons T. The Social System. – New York: Free Press, 1951.
- [16] Barber B. Some Problems in the Sociology of the Professions // *Daedalus*. – 1963. – No. 92. – P. 4–12.
- [17] Goode W. Community Within a Community: The Professions // *Sociological Perspectives on Occupations*. – Illinois: F.E. Peacock Publishers, 1972.
- [18] Казун А.П., Яковлев А.А. Российские адвокаты: становление профессионального сообщества в несовершенной институциональной среде // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 6. – С. 44–47.
- [19] Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий/ Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В.А. Мансуров. – Москва: Институт социологии РАН, 2003. – С. 61–79.
- [20] Отчет о деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации за период с апреля 2017 года по апрель 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fparf.ru/upload/medialibrary/7ce/Otchet-Soveta-FPA_aprel-2017-g.-_aprel-2019-g.pdf (дата обращения: 01.03.2020).
- [21] Ilinykh S.A., Udaltsova M.V. The meaning of human life and self-satisfaction: sociological discourse // *Indian Journal of Science and Technology*. – 2016. – Vol. 9, No 14. – 91079.

References

- [1] Kazun, A. Khodjaeva, E. & Yakovlev, A. (2015). Law Society of Russia. Report IAPR NRU HSE and IPP EU SPb. Retrieved from https://pravo.ru/store/doc/doc/Doklad_advokats_all.pdf.
- [2] Hakobyan, A.V. (2009). *Managing the process of forming the professional identity of lawyers as a socio-professional group: socio-technological aspects*. (Candidate thesis, St. Petersburg State University of Engineering and Economics, St. Petersburg).
- [3] Kazun, A.P. (2018). *Social and economic factors of the independent activity of lawyers in modern Russia*. (Candidate thesis, National Research University Higher School of Economics, Moscow).
- [4] Basov, Yu.M. (2011). Social functions and social status of advocates and advocates in modern Russian society: state, problems, prospects. *Social Policy and Sociology*, 2, 89–101.
- [5] Black, D. (1973). The Mobilization of Law. *The Journal of Legal Studies*, 2(1), 125–149.
- [6] Black, D. (1976). *The behavior of law*. New York: Academic Press.
- [7] Black, D. (1979). Common Sense in the Sociology of Law. *American Sociological Review*, 44(1), 18–27.
- [8] Titaev, K. (2014, May). *FAQ: Mobilization of law*. Retrieved from <https://postnauka.ru/faq/24950>.
- [9] Verkeev, A.M. (2018). Empirical indicators of the mobilization of law. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 91–109.
- [10] Luman, N. (1994). The concept of risk. *THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*, 5, 135–160.
- [11] Parsons, T. (1968). Professions. In *International Encyclopedia of the Social Sciences* (pp. 536–547). New York: The Macmillan Company & The Free Press.
- [12] Luhmann, N. (1979). *Trust and power*. New York: J. Wiley.
- [13] Sztompka, P. (1999). *Trust: a sociological theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- [14] Pavalko, R. (1971). *Sociology of occupations and professions*. Illinois: F.E. Peacock Publishers.
- [15] Parsons, T. (1951). *The social system*. New York: Free Press.
- [16] Barber, B. (1963). Some Problems in the Sociology of the Professions. *Daedalus*, 92, 4–12.
- [17] Goode, W. (1972). Community Within a Community: The Professions. In *Sociological Perspectives on Occupations*. Illinois: F.E. Peacock Publishers.
- [18] Kazun, A.P., & Yakovlev, A.A. (2014). Russian lawyers: the formation of a professional community in an imperfect institutional environment. *Social Sciences and the Present*, 6, 44–47.

- [19] Luksha, O.V. (2003). Sociology of professional groups: definition of concepts. In V.A. Mansurov (Ed.) *Professional groups of the intelligentsia* (pp. 61–79). Moscow: Institute of Sociology RAS.
- [20] Report on the activities of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation for the period from April 2017 to April 2019 (2019). Retrieved from https://fparf.ru/upload/medialibrary/7ce/Otchet-Soveta-FPA_aprel-2017-g._-aprel-2019-g.pdf.
- [21] Ilinykh, S.A., & Udaltsova, M.V. (2016). The meaning of human life and self-satisfaction: sociological discourse. *Indian Journal of Science and Technology*, 9(14), Article number 91079.

Получена / Submitted: 12/03/2020

Доработана / Revised: 13/04/2020

Принята к публикации / Accepted: 25/05/2020

УДК 316.4.051

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ДЛЯ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Анатолий Николаевич Силин¹, Олег Михайлович Барбаков², Александр Владимирович Яковлев¹,
Дмитрий Андреевич Токар¹

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Кафедра бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов разработки и внедрения интеллектуальной информационно-аналитической системы мониторинга социальной ситуации для неоиндустриального освоения Арктики, формулированию методологических положений, а также разработке научных выводов в сфере использования интеллектуальных систем при анализе информации. По результатам проведенного исследования были раскрыты и обобщены подходы к формированию хранилища данных Арктической зоны. Проведенный анализ литературы помог сформулировать теоретические выводы, разработать практические рекомендации и очертить перспективы и особенности внедрения интеллектуальной информационно-аналитической системы мониторинга социальной ситуации для неоиндустриального освоения Арктики. В статье научно обоснована и предложена разработка интеллектуальной информационно-аналитической системы мониторинга социальной ситуации для неоиндустриального освоения Арктики, которая еще будет включать систему постановки и принятия управленческих решений властными структурами Арктического региона.

Ключевые слова: система постановки и принятия управленческих решений, хранилище данных, большие данные, интеллектуальный анализ данных.

Development of System of Monitoring Social Situation for Neo-Industrial Development of the Arctic

Anatoly N. Silin¹, Oleg M. Barbakov², Alexander V. Yakovlev¹, Dmitriy A. Tokar¹

¹*Department of Marketing and Public Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Department of Business-Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development and implementation of an intellectual information-analytical system for monitoring the social situation for the neo-industrial development of the Arctic, the formulation of methodological provisions, as well as the development of scientific conclusions in the use of intelligent systems in the analysis of information. Based on the results of the study, approaches to the formation of a data warehouse of the Arctic zone were disclosed and generalized. The conducted analysis of the literature helped to formulate theoretical conclusions, develop practical recommendations and outline the prospects and features of the introduction of an intellectual information-analytical system for monitoring the social situation for the neo-industrial development of the Arctic. The article scientifically substantiates and proposes the development of an intellectual information-analytical system for monitoring the social situation for the neo-industrial development of the Arctic, which will also include a system for setting and making managerial decisions by the authorities of the Arctic region.

Keywords: system for setting and making managerial decisions, data warehouse, big data, data mining.

Введение

В современной информационной цивилизации для постановки и решения управленческих задач в органах власти всех уровней и форм, в образовательных структурах для сбора, хранения, накопления, обработки и анализа огромного количества структурированных и

неструктурированных данных по информационным потокам процессов и явлений в жизнедеятельности общества требуются инновационные специализированные компьютерные средства, такие как интеллектуальные информационно-аналитические системы, Big Data и Data Mining, электронные симуляторы и единые хранилища данных разноплановых типов и форм, использование которых может обеспечить решение проблем любого региона и отраслевых предприятий, мониторинг и прогноз развития территорий, формирование базы альтернативных сценариев повышения эффективности управленческой деятельности на базе интеллектуальной аналитической системы с привлечением экспертов в любой области человеческого знания. Использование такого инструментария при организации неоиндустриального развития Арктики обеспечит эффективную реализацию управленческой деятельности властных структур и их эффективное взаимодействие с градообразующими предприятиями. Решение задачи предполагает проведение исследований социально-гуманитарных аспектов развития арктических пространств Западно-Сибирского региона в контексте современных глобальных и локальных вызовов, с учетом действующих и формируемых практик освоения Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), выявление ключевых проблем, разработку и реализацию проектов, направленных на повышение благополучия населения.

Исследовательские задачи решаются на базе комплексного социологического мониторинга неоиндустриального освоения арктических регионов, который предлагается рассматривать как систему средств регулярного и оперативного социологического наблюдения и анализа изменений в жизнедеятельности населения, связанных с реализуемыми неоиндустриальными проектами в этих регионах, позволяющую отслеживать предварительно выбранные показатели и индикаторы, адекватно отражающие сущностные социальные характеристики регионального социума и дающие комплексное представление о его функционировании и динамике в процессе осуществления неоиндустриальных проектов.

Одной из основных целей комплексного социологического мониторинга неоиндустриального освоения арктических регионов, предлагаемого также для организации в странах-участницах Арктического совета, председательствовать в котором в 2022–2023 годах будет Российская Федерация, является получение следующей актуальной достоверной информации:

- о состоянии, изменениях и тенденциях, социальных факторах и компонентах пространственного (территориального) развития арктических регионов;
- о влиянии изменений социально-экономической, социокультурной ситуации в арктических регионах, в том числе среды обитания аборигенных этносов, происходящих в связи с реализуемыми неоиндустриальными проектами, на устойчивое социально-экономическое развитие регионов в целом, на решение социальных проблем отдельных региональных этносов (в первую очередь коренных малочисленных народов Севера) и отдельных социальных групп (например, старожилы, новоселы, вахтовики).

Материалы и методы

Предлагается создать научно-организационный механизм комплексного социологического мониторинга неоиндустриального освоения арктических регионов, который позволит решать следующие задачи:

- отслеживание и сопоставление показателей социально-экономического и социокультурного состояния различных территориальных образований, индикаторов качества и образа жизни различных социальных групп и социокультурных типов жителей (например, старожильческий, оседло-кочевой и мигрантский типы);
- отслеживание показателей человеческого и социального потенциала конкретных неоиндустриальных проектов, реализующихся на территориях арктических регионов, их успешности, проблем и влияния на социальные условия жизнедеятельности населения;

- сравнительная оценка на этой основе эффективности управленческой практики органов государственной и муниципальной власти арктических регионов, а также связанных с неоиндустриальными проектами отдельных бизнес-структур, в том числе реализованных и реализуемых управленческих решений, обоснованных при принятии данными мониторинга или принятых на основе иных информационных ресурсов;

- научно-аналитическое обоснование оценок изменений социальной ситуации в арктических регионах, обусловленных реализацией неоиндустриальных проектов на их территориях, и рекомендаций по адаптации жизнедеятельности к этим изменениям, по снижению рисков, способных оказать негативное влияние на устойчивость жизнедеятельности, для рассмотрения правительствами стран-участниц Арктического совета и властями их отдельных регионов, информирования органов власти и структур гражданского общества.

Информационной основой мониторинга будет являться объединенный массив данных социодиагностики (статистические данные и результаты их анализа, а также результаты прикладных социологических исследований, проведенных по согласованной тематике и методикам, информация из других баз данных), создаваемый как совокупность национальных баз данных и периодически пополняемый в странах-участницах Арктического совета. Этот массив будет представлять собой информационно-социологический полигон исходных данных управления, систематизированных, сгруппированных в наборы социальных показателей и индексов, описывающих социально-экономические и социокультурные признаки объектов управления [1]. Для работы с этим информационным массивом потребуется разработка и создание интеллектуальной информационно-аналитической системы (ИАС) комплексного социологического мониторинга, в частности:

- разработка методологии, технологии описания, стандартов хранения данных управленческих и социально-экономических процессов арктических территорий, связанных с неоиндустриальными проектами;

- создание системы сбора, хранения, передачи информации, обеспечения информационной безопасности (специализированное ПО и технические решения — базы данных, компьютеры, сервера, сайты, социальные сети, мессенджеры, системы поиска информации и так далее);

- проектирование и внедрение в информационном пространстве объединенного хранилища данных, содержащего набор информации о неоиндустриальных объектах управления арктическими территориями, систему ее классификации и кодирования;

- проектирование и внедрение программно-аппаратного решения ИАС управленческой деятельности как организационно-программно-технического комплекса поддержки управленческих решений в арктических территориях;

- разработка аналитического инструментария ИАС управленческой деятельности как программного решения комплексного мониторинга факторов влияния на процессы жизнедеятельности и формирования альтернативных сценариев управления арктическими территориями и так далее.

Используя механизм мониторинга, возможно в рамках решения задачи реализовать следующие подходы:

- обобщение и анализ текущего состояния и ключевых противоречий в сложившейся системе пространственной организации экономики и населения арктических пространств Западно-Сибирского региона;

- диагностика актуальных социокультурных, экологических, социально-экономических, политико-правовых условий развития АЗРФ;

- выделение ключевых проблем устойчивого развития Арктических пространств Западно-Сибирского региона;

- разработка прогнозов и сценариев социально-экономического развития территорий;

- выработка рекомендаций, в том числе проектов законов и нормативно-правовых актов, концепций, стратегий, программ и социогуманитарных технологий для органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам комплексного и устойчивого развития арктических пространств Западно-Сибирского региона [2].

Задача решается с опорой на: 1) анализ текущего состояния социально-экономического развития Арктических пространств Западно-Сибирского региона; 2) анализ потенциала социально-экономического развития в будущем в контексте глобальных и локальных вызовов и угроз; 3) эмпирические, в том числе полевые исследования текущего состояния социогуманитарных аспектов; 4) анализ успешных практик развития арктических пространств в РФ и зарубежных арктических странах; 5) разработку и реализацию проектов, инновационных моделей и практических механизмов развития Арктических пространств Западно-Сибирского региона. Показатели развития и благополучия населения, достигаемые в ходе решения задачи и отслеживаемые с помощью механизма мониторинга:

- снижение уровня бедности населения ЯНАО;
- увеличение количества занятого эндемичного населения ЯНАО;
- увеличение уровня образования населения ЯНАО;
- увеличение продолжительности жизни населения ЯНАО;
- повышение оценки субъективного восприятия качества жизни населения ЯНАО;
- увеличение количества субъектов малого предпринимательства и занятого в нем населения ЯНАО.

Возможно добавление других актуальных индикаторов.

Результаты и обсуждение

Решение проблем управленческой деятельности региона, городов и отраслевых предприятий предполагает разработку и внедрение платформы информационно-аналитической системы мониторинга социальной ситуации для неоиндустриального развития в виртуальном пространстве, что, во-первых, потребует в свою очередь разработки методологии, технологии описания и стандартов централизованного хранения данных управленческих и социально-экономических процессов региона и города, позволяющих симулировать качественные и количественные показатели жизнедеятельности на них. Во-вторых, для системы постановки и принятия управленческих решений при наличии огромного количества данных, структурированных и неструктурированных, необходимо создание аналитического инструментария интеллектуальной аналитической системы управленческой деятельности как программного решения комплексного мониторинга факторов влияния на развитие всех процессов жизнедеятельности и прогнозирования и формирования альтернативных сценариев повышения эффективности управления регионом и городом. В-третьих, по той же причине разнообразия многочисленной информации разной формы и разного представления нужно спроектировать и внедрить в информационное пространство (или облачное) единое хранилище данных, содержащее полный набор информации об объектах управления и систему ее классификации и кодирования для реализации процессов для управленцев: моделирования, прогнозирования, управления — в режимах онлайн и оффлайн.

Такая постановка задачи мониторинга социальной ситуации в Арктике требует в рамках интеллектуальной аналитической системы управленческой деятельности разработки платформы технического, информационного и программного обеспечения системы постановки и принятия управленческих решений для повышения эффективности всех процессов жизнедеятельности Арктической зоны, включая блоки — подсистемы: сбора информации (специализированное ПО и технические решения — базы данных, компьютеры, сервера, сайты предприятий и государственных учреждений (органы власти и другие), социальные сети, мессенджеры, системы поиска информации, средства измерения интернета вещей и так далее); хранения информации (специализированное ПО, разработанное

хранилище данных, компьютеры, сервера); передачи информации (специализированное ПО, каналы связи, локальные сети и Интернет); обеспечения информационной безопасности; анализа и структурирования информации (специализированное ПО, методология ситуационного анализа, построения и оптимизации бизнес-процессов, управления проектами, моделирования и прогнозирования, OLAP-технологии, интеллектуальный анализ данных (Data Mining), технологии обработки больших данных (Big Data), личные кабинеты экспертов, электронная площадка обсуждения проблем с многооконным интерфейсом, виртуальный модератор организации интерактивного обсуждения экспертов и другие); визуализации, представления информации (специализированное ПО, интерактивные панели, комплексные дисплейные системы, озвучивание и управление визуализации голосом, технологии коллективной работы с информацией, мобильные приложения и другие).

Таким образом, можно создать подсистему постановки и принятия управленческих решений для руководителей и управленцев органов власти разных уровней и форм для информационно-аналитической поддержки процедур и процессов оперативного моделирования и анализа, прогнозирования сценариев развития социальной ситуации в Арктической зоне при ее неоиндустриальном освоении. Естественно, имеются определенные риски при реализации интеллектуальной информационно-аналитической системы мониторинга, в частности, такие как социальные — сложность внедрения результатов экспериментов в виртуальном пространстве в реальную управленческую деятельность, организационные — длительный период закупки оборудования и программного обеспечения, сложности в организации совместной работы экспертов из разных отраслей производства и областей знания, технологические — сложность организации обратной связи с представителями заказчиков при проведении тестовых испытаний системы, политические — неэффективность продвижения на рынок Тюменской области аналитических модулей постановки и решения управленческих задач, экономические — задержка поступления средств на финансирование стратегического проекта, отсутствие единого информационного пространства, где бы были собраны все данные всех процессов в едином формате.

Разработка интеллектуальной информационно-аналитической системы для мониторинга, моделирования и проектирования управленческих траекторий в Арктической зоне при ее неоиндустриальном освоении дает возможность в первую очередь составить принципиальную схему исследуемого объекта — реальной социальной ситуации в Арктике — в виртуальном пространстве, где управленцы будут реализовывать целевые параметры своей деятельности. На основе такой схемы можно имитировать различные сценарии работы, не вкладывая средства в физическую инфраструктуру, что дает возможность, используя базу реализации альтернативных сценариев, решить задачу оптимизации исходных и/или целевых параметров своей деятельности [3]. Блок бизнес-аналитики информационно-аналитической системы включает в себя реализацию пакета прикладных программ комплексного неоиндустриального мониторинга критериев и показателей, то есть интегральных факторов влияния на процессы жизнедеятельности, на основе которых можно повысить эффективность управленческой деятельности. Базисом такой системы станет информационный полигон на виртуальном пространстве для проведения экспериментов по решению проблем реальной социальной ситуации в Арктике в динамике [4].

Реализовать интеллектуальную информационно-аналитическую систему мониторинга можно на платформе комплекса программных средств, включая SQL Server, SAP ERP ECC (GBI) для организации хранилища данных структурированной и неструктурированной информации, SAP Business Objects Enterprise XI, облачные технологии Goggle Analytics, Goggle и другие инструменты Goggle, Microsoft Azure, IBM, библиотеки Python и R для создания модулей аналитики, платформа больших данных на основе HADOOP. Информационной основой системы является информационная база, создаваемая на этапе социодиагностики, где собираются статистические данные, результаты исследований,

информация из других баз данных. Такая информация — неоднородные по своей структуре данные — преобразуется в приемлемый для информационно-аналитической системы единый формат с помощью специализированных разработанных процедур преобразования данных. Так, авторами в течение последних 13 лет изучалась ситуация и проблемы, связанные со здоровьесбережением арктического населения. Некоторые результаты опубликованы, в частности, в коллективной монографии [5], однако основной массив информации накапливался, позволяя анализировать динамику изменений, степень влияния на исследуемые параметры различных факторов и другого. Таблица 1 позволяет констатировать явную тенденцию ухудшения здоровья северян и необходимость принятия адекватных мер для разных социальных групп участников арктического освоения.

Таблица 1. Динамика изучения самооценки здоровья жителей ЯНАО, % опрошенных

Самооценка здоровья	Годы			
	2006	2010	2015	2019
Чувствую себя хорошо	37	40	38	13
Иногда болею	40	36	35	58
Часто болею	8	10	12	11
Хронически больной	8	8	8	15
Инвалид	1	3	2	3
Затрудняюсь с оценкой	5	3	5	—
Итого	100	100	100	100

При этом массовые опросы, проведенные нами на территории ЯНАО, подтвердили наблюдения предыдущих лет, в частности, то, что мужчины традиционно оценивают свое здоровье выше, чем женщины, что противоречит данным медстатистики (таблица 2).

Таблица 2. Гендерные различия в самооценке здоровья северян, % опрошенных в 2019 году

Самооценка здоровья	Пол	
	мужчины	женщины
Совершенно здоров	18,8	9,2
Здоровье удовлетворительное	59,9	57,5
Часто болею, но хронических заболеваний нет	10,7	11,3
Здоровье плохое, имею хронические болезни	7,6	19,7
Инвалид	3,0	2,3
Итого	100,0	100,0

Компьютерные инновационные технологии опираются, прежде всего, на исследование и анализ информации объектов реального мира. Огромное количество такой информации находится в открытом и закрытом доступе в сети Интернет, локальных сетях государств, производственных отраслей, предприятий, властных структур и так далее. Эта информация в виде данных, таких как факты, текст, графики, картинки, звук, видео, может быть представлена в форме, пригодной для хранения, передачи и обработки. И хотя технически данные представляют собой любую информацию, с которой мы так или иначе можем взаимодействовать, технологическую пригодность для извлечения ценности информации имеют те данные, которые можно обрабатывать средствами вычислительной техники. Все данные представляют собой информационные ресурсы, в том числе отдельные документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах) [6].

Информационный ресурс можно определить как организованную совокупность документированной информации, которая представляет собой базы данных и знаний, другие массивы информации в информационных системах (библиотеки, архивы, делопроизводство и так далее). В качестве таких массивов могут выступать рукописные, печатные и электронные издания, содержащие нормативную, распорядительную и другую информацию по различным

направлениям общественной деятельности (законодательство, политика, социальная сфера и так далее) [6]. Существуют основные характеристики данных, и именно они определяют возможности вычислительной техники их хранить, обрабатывать и анализировать. Первая характеристика — это объем данных, измеряемый от малых до больших величин: от битов, байтов, килобайтов, мегабайтов, гигабайтов, терабайтов до петабайтов, эксабайтов (1 бит — 0 или 1, байт — 8 бит и так далее). Так называемые малые данные могут обрабатываться на персональном компьютере, обработка больших данных требует специальных технологий, в частности платформ Big Data, технологий Hadoop, MapReduce и другие.

Следующая характеристика — структурированность, и в рамках этого параметра данные могут быть следующего типа. Структурированными данными являются упорядоченные некоторым определенным образом данные, при этом организованные для того, чтобы обеспечить возможность применить к ним некоторые действия, например, визуальный или машинный анализ. Можно сказать, что это данные, различные части информации в которых разделены не визуально (для человека), а при помощи различных меток и структур, то есть для облегчения понимания их компьютером. В некоторых базах данных информация упорядочена в вертикальных столбцах, которые называются полями, и горизонтальных строках, называемых записями. В таких структурах все записи содержат один и тот же набор полей, а в полях присутствует один и тот же набор записей. Такая структура применяется в реляционных базах данных. Слабоструктурированные данные, их еще называют полуструктурированными или плохо структурированными данными, — это форма организации данных, когда структура документа не может быть задана заранее. Схема описания таких баз данных документов имеет неопределенности или изменяется в течение эксплуатации. Определенным образом данные структурируются, но не строго в соответствии со структурой таблиц и отношениями в моделях реляционных баз данных. Это данные бессхемные, и структура у них самоописываемая. Достаточно часто встречается третий тип данных — неструктурированные данные, когда информация не имеет заранее определенной структуры данных или не организована в установленном порядке. Пример — текст, содержащий такие данные, как даты, цифры и факты, что затрудняет их анализ. При этом традиционные программные средства не работают, и требуются иные информационные технологии, такие как обработка больших данных [7].

Третья характеристика данных, от которой зависят способы и методы хранения, обработки и анализа данных, — это однородность данных, и в рамках этого параметра данные могут быть однородными или однотипными с одинаковым форматом и неоднородные или данными с различными форматами. Есть еще несколько характеристик данных, которые в той или иной мере влияют на выбор принципов обработки и анализа данных, такие как доступность данных, то есть состояние информации (ресурсов автоматизированной информационной системы), при котором субъекты, имеющие права доступа, могут реализовывать их беспрепятственно. Или связанность данных, которая может затруднить их извлечение из источников и дальнейшую их обработку [7].

Неструктурированные и неоднородные данные, как и данные большого объема, требуют специализированных технологий обработки данных, таких как платформы Big Data, технологии Hadoop, MapReduce и другие. Эти платформы и технологии могут эффективно обрабатывать так называемые большие данные. В современной терминологии большие данные — это несколько более широкое понятие, чем было определено выше. Big Data или большие данные — это совокупность подходов, инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия для получения воспринимаемых человеком результатов, эффективных в условиях непрерывного прироста, распределения по многочисленным узлам вычислительной сети, альтернативных традиционным системам управления базами данных и решениям класса Business Intelligence [7].

Признаками больших данных (правило 3V) будут являться:

- Volume (объем): действительно большие данные, хотя размер зависит от доступных ресурсов для их обработки;
- Variety (разнообразие): слабоструктурированные и разнородные;
- Velocity (скорость): обрабатывать надо очень быстро, причем и результаты часто нужны оперативно, если речь об онлайн-сервисах [8].

Платформа Big Data является базисом в разрабатываемой интеллектуальной информационно-аналитической системе мониторинга. Аналитика проведенных исследований в регионе, городе, отраслевых предприятиях будет осуществляться с помощью технологий Data Mining. Огромный вихрь разнообразных данных приходит из науки, бизнеса, Интернета и других источников. По официальным источникам, в Интернете объем накопленных знаний всего человечества удваивается каждые два года.

Постановка и реализация управленческих решений возможны только на основе анализа информации, но из-за ее огромного количества человеку очень сложно ее обработать без специальных методов. Data Mining или интеллектуальный анализ данных (ИАД) дает такую возможность и в последнее время используется повсеместно. Технология Data Mining (также называемая Knowledge Discovery In Data — обнаружение знаний в данных) исследует процесс нахождения новых, действительных и потенциально полезных знаний в базах данных. В основе использования Data Mining или интеллектуального анализа данных лежат методы статистики, искусственного интеллекта, машинного обучения и хранилищ данных [9].

Развитие информационных технологий предопределило создание Data Mining как интеллектуального анализа данных или метода обработки и анализа больших объемов данных. Особое место и роль в этой области занимают базы данных как средство хранения, накопления, обработки и управление информацией. С 60-х годов XX столетия до сегодняшних дней такие способы обработки информации претерпели существенные изменения: от примитивных методов хранения информации в простых файлах до сложных и мощных систем управления базами данных, а также хранилищ данных. В настоящее время диапазон используемых средств в этой области достаточно широк: реляционные СУБД, применение языка запросов SQL для работы с информацией, визуализация и оперативный анализ данных (OLAP), управление транзакциями (OLTP). В настоящее время используются такие хранилища данных, как объектно-ориентированные, объектно-реляционные, дедуктивные, предметно-ориентированные и другие [10].

Известный ученый Gregory Piatetsky-Shapiro определил Data Mining как процесс обнаружения в сырых данных ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности. Фактически Data Mining — это программные системы постановки и принятия управленческих решений, когда осуществляется поиск скрытых, ранее неизвестных, содержательных и потенциально полезных закономерностей в огромных объемах разнородных, структурированных и неструктурированных данных [11].

В рамках интеллектуального анализа данных определены 3 уровня информации работы платформ больших данных:

- исходные данные (сырые данные, исторические данные или просто данные) — необработанные массивы данных, получаемые в результате наблюдения за некой динамической системой или объектом и отображающие его состояние в конкретные моменты времени;
- информация — обработанные данные, которые несут в себе некую информационную ценность для пользователя; сырые данные, представленные в более компактном виде;
- знания — они несут в себе некое ноу-хау, отображают скрытые взаимосвязи между объектами, которые не являются общедоступными (в противном случае это будет просто информация); данные с большой энтропией (или мерой неопределенности) [8].

В рамках создания интеллектуальной информационно-аналитической системы мониторинга социальной ситуации Арктической зоны при ее неоиндустриальном освоении разворачивается платформа Big Data. Данные для платформы собираются с разных источников информации [12]. Данные на такой платформе воспринимаются приемником, передаются в хранилище, где они преобразуются, очищаются, хранятся и могут быть использованы по запросам пользователей [13]. Фактически данные являются источником информации, но в результате применения одних и тех же данных может появляться разная информация. Разные выбранные методы обрабатывают исходные данные по-разному, и поэтому результат может различаться в значительной мере. Сам метод обработки — это норма или правило, средство или способ решения теоретических, практических, познавательных или управленческих задач. Извлечение данных происходит по алгоритмам, то есть точному предписанию относительно последовательности действий (шагов), преобразующих исходные данные в искомый результат [5].

Фактически данные являются объективными, так как отражают реальную ситуацию с объектами, явлениями и процессами. Методы же можно считать субъективными, так как при их реализации используются алгоритмы, которые составляют конкретные люди, подготавливая их к применению на объективных данных. Диалектически взаимодействуя, объективные данные формируют информацию совместно с субъективными данными, и тогда сама информация преобразуется в знания, под которыми мы понимаем всю совокупность сведений, образующих и формирующих целостное описание, которое соответствует некоторому уровню осведомленности об описываемом объекте, вопросе, предмете, проблеме и так далее. Все факты, закономерности и эвристические правила, использующиеся для решения поставленной задачи, объединенные в единую совокупность, и есть знания.

В результате сбора, передачи, обработки данных формируется информация, чаще всего, разнородная и слабоструктурированная, и на основе возникновения распределенных взаимосвязей между отдельными элементами этой информации образуются истинные знания. Достаточно часто получаемый результат не определен, но получая информацию, мы формируем свои знания, и эти знания могут способствовать для определения конкретного результата сбора и обработки информации. Понятно, что данные сами по себе бессмысленны, но на основе их формируется определенная информация.

По определению Денхема Грэя, «знания — это абсолютное использование информации и данных, совместно с потенциалом практического опыта людей, способностями, идеями, интуицией, убежденностью и мотивациями» [13]. По сравнению с данными, информация несет смысловое содержание. И тем более третий уровень — знания. То есть если рассматривать эти понятия с философской точки зрения, то знания и информация — понятия более высокого уровня, чем данные. «Данные» — это фактически количественные и качественные параметры, характеризующие объекты, предметы, явления и процессы, причем формализованные. Эта категория возникла достаточно недавно, с появлением инструментария обработки данных (ЭВМ). Понятие «информация» определяет сущность процессов внутри информационной системы и касается элементов этой системы, в то время как понятие «знание», скорее всего, ориентировано на качество процессов. Категория «знание» является основным в системе постановки и принятия управленческих решений. Таким образом, технологии Data Mining ценны тем, что при их реализации наблюдается четкая ориентация на практическую составляющую любого исследования. Обработка сырых данных через формирование информации и получение конкретного знания ведет к достижению конкретного результата, четкая постановка задачи способствует созданию готового приложения, при помощи которого можно решать любые проблемы.

Итак, на информационном полигоне сформирован комплекс объектов управления, так называемых образов, описанных наборами социальных показателей, которые преобразуются в интегральные индексы. В виртуальном пространстве именно эти социальные показатели

являются основой для управленческих решений. Информационный полигон исходных данных для управленческой деятельности — это множество наборов социально-экономических, социально-политических и социокультурных признаков, когда каждый набор со своими характеристиками в многомерном геометрическом пространстве формирует образы прогнозируемого свойства. На полигоне выявляются индексы как группировка социальных показателей, которые используются в дальнейшем при построении прогнозных моделей системы управления. В информационном пространстве реализуются постановка и принятие управленческого решения, когда все этапы перенесены в виртуальную реальность, искусственный иллюзорный мир, который создается при помощи технических средств имитационного моделирования. В этом мире в качестве субъекта выступает управленец, и именно он осуществляет автоматизированно реализацию управленческих решений. В рамках такой методологии проведения социальных экспериментов управления на виртуальном пространстве можно выявлять альтернативные варианты решения проблем Арктической зоны на имитационных моделях в информационном пространстве, а не экспериментировать в реальных условиях на людях.

На создаваемом информационно-социологическом полигоне в виртуальном пространстве симулятора проводятся эксперименты по моделированию, прогнозированию и повышению эффективности управленческой деятельности. Предлагаемые рекомендации по результатам социальных экспериментов на виртуальном пространстве становятся основой для разработки новых нормативно-законодательных актов по развитию территорий, отраслевых предприятий, финансовых, банковских и образовательных структур, корректировке нормативно-законодательной базы, обоснованию и внедрению комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности управленческой деятельности.

Выводы

Таким образом, управленцы получили инструментарий для повышения эффективности деятельности органов власти, отраслевых предприятий, образовательных, финансовых и банковских структур, включающий в себя разработку схемы предметной области, формирование алгоритма функционирования микро- и макропоказателей для сеанса моделирования (экономические, социодемографические, специфические показатели предметной области и иные), задание начальных условий моделирования и получение желаемого результата, моделирование с возможностью выбора промежуточных решений и корректировки конечных результатов, аналитику по результатам прогноза и причины, повлекшие отклонение от желаемого результата.

Ключевыми преимуществами системы видятся хранилище данных структурированной и неструктурированной информации, собранной из различных источников и преобразованных к единому формату, обширный набор предобученных модулей для моделирования экономических, социальных, политических, технических, производственных показателей деятельности предприятия, властных, образовательных, финансовых, банковских структур, механизм создания собственных моделей в интерфейсе симулятора. Для организаций, которые не публикуют детальную информацию о себе и своих процессах в публичном доступе, нужна возможность настроить модель на основе своих данных. Предполагается обширное использование алгоритмов аналитики, машинного обучения, Data Mining и Big Data, визуализация информации для эффективной постановки и принятия управленческих решений.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 19-29-07355/19 «Человеческий капитал арктического региона в концепции пространственного развития России»).

Библиографический список

- [1] Барбаков О.М., Белоножко М.Л., Гюрджинян А.С., Силин А.Н., Ситева С.С., Белоножко Л.Н. Этносоциологический мониторинг в рамках стратегического проекта по Арктике // Известия высших учебных заведений «Социология. Экономика. Политика». – 2018. – № 4(59). – С. 23–35.
- [2] Barbakov O.M., Belonozhko M.L., Belonozhko L.V. The problems of social and information support of the population of the arctic zone of Russia in the cut of the industrialization of the development of the region // *Utopia y Praxis Latinoamericana*. – 2018. – Vol. 23, No 82. – P. 270–279.
- [3] Barbakov O.M., Kiselyov V.G. Methodology of carrying out social experiments in virtual space // *Tyumen State University Herald*. – 2012. – No 8. – P. 123–135.
- [4] Belonozhko M.L., Silin A.N., Barbakov O.M. Social and Human Potential of the Arctic Frontier (by the results of the sociological research in the Yamal) // *International Journal of Ecological Economics & Statistics*. – 2018. – Vol. 39, No 1, – P. 132–142.
- [5] Акимов А.М., Барбаков О.М., Белоножко М.Л. Здоровьесбережение участников освоения арктического нефтегазового региона / Отв. ред. А.Н. Силин, В.В. Маркин. – Тюмень: ТИУ, 2019. – 171 с.
- [6] Барбаков О.М., Зобнин Ю.А., Еропкина А.С. Информационный менеджмент: учебное пособие. – Тюмень: Издательство ТюмГНГУ, 2014. – 272 с.
- [7] Гришковский А. Интегрированная обработка неструктурированных данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Большие_данные_\(Big_Data\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Большие_данные_(Big_Data)) (дата обращения: 11.03.2020).
- [8] Степанов Р.Г. Технология Data Mining: Интеллектуальный Анализ Данных. – Казань: Казанский Государственный Университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008. – 58 с.
- [9] Барсегян А.А., Куприянов М.С. Технологии анализа данных. Data Mining, Visual Mining, Text Mining, OLAP. – 2-е изд., перераб. и дополн. – Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2007. – 384 с.
- [10] Cogdell J.W., Piatetski-Shapiro I.I. The Arithmetic and Spectral Analysis of Poincaré Series // *Perspectives in Mathematics*. – London: Academic Press, 1990.
- [11] Han J., Kamber M., Pei J. Data Mining: Concepts and Techniques. – Waltham: Morgan Kaufmann, 2000.
- [12] Чубукова И.В. Data Mining. Пособие. – Москва: Интернет-ун-т информ. технологий, 2008. – 382 с.
- [13] Пальмов С.В. Интеллектуальные системы и технологии: учебное пособие. – Самара: ПГУТИ, 2017. – 196 с.

References

- [1] Barbakov, O.M., Belonozhko, M.L., Gurdzhinyan, A.S., Silin, A.N., Siteva, S.S., & Belonozhko, L.N. (2018). Ethnosociological monitoring as part of a strategic project in the Arctic. *News of Higher Educational Institutions "Sociology. Economy. Politics"*, 4(59), 23–35.
- [2] Barbakov, O.M., Belonozhko, M.L., & Belonozhko, L.V. (2018). The problems of social and information support of the population of the arctic zone of Russia in the cut of the industrialization of the development of the region. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 23(82), 270–279.
- [3] Barbakov, O.M., & Kiselyov, V.G. (2012). Methodology of carrying out social experiments in virtual space. *Tyumen State University Herald*, 8, 123–135.
- [4] Belonozhko, M.L., Silin, A.N., & Barbakov, O.M. (2018). Social and Human Potential of the Arctic Frontier (by the results of the sociological research in the Yamal). *International Journal of Ecological Economics & Statistics*, 39(1), 132–142.
- [5] Akimov, A.M., Barbakov, O.M., & Belonozhko, M.L. (2019). *Health saving of participants in the development of the Arctic oil and gas region*. Tyumen: TIU.

- [6] Barbakov, O.M., Zobnin, Y.A., & Yeropkina, A.S. (2014). *Information management: a training manual*. Tyumen: Publishing house Tsogu.
- [7] Grishkovsky, A. (2013). Integrated processing of unstructured data. Retrieved from [http://www.tadviser.ru/index.php/Article:Larger_data_\(Big_Data\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Article:Larger_data_(Big_Data)).
- [8] Stepanov, R.G. (2008). *Data Mining Technology: Data Mining*. Kazan: Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin.
- [9] Barsegyan, A.A., & Kupriyanov, M.S. (2007). *Data analysis technologies. Data Mining, Visual Mining, Text Mining, OLAP*. St. Petersburg: BHV-Petersburg.
- [10] Cogdell J.W., & Piatetski-Shapiro, I.I. (1990). The Arithmetic and Spectral Analysis of Poincaré Series. In *Perspectives in Mathematics*. London: Academic Press.
- [11] Han, J., Kamber, M., & Pei, J. (2000). *Data Mining: Concepts and Techniques*. Waltham: Morgan Kaufmann.
- [12] Chubukova, I.V. (2008). *Data mining*. Moscow: Internet University of Information Technologies.
- [13] Palmov, S.V. (2017). *Intelligent systems and technologies*. Samara: PSUTI.

Получена / Submitted: 12/03/2020

Доработана / Revised: 11/04/2020

Принята к публикации / Accepted: 20/05/2020

УДК 314

ЛИДЕРСКО-ЭЛИТНАЯ КОНФИГУРАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСЬСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ)

Анатолий Львович Колтунов¹, Максим Николаевич Коршунов¹

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов исследования феномена персонификации региональных политических процессов в структуре общественного сознания населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Определены особенности формирования лидерско-элитной конфигурации, ответственной за стабильность социально-экономической и политической ситуации в регионе, а также должностные лица, государственные органы, иные лица и (или) организации, обладающие, по мнению населения, реальной властью в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Цель статьи — выявление и анализ лидерско-элитной составляющей региональных политических процессов в структуре общественного сознания населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, являющегося частью «сложноустроенного» субъекта РФ (Тюменской области), с учетом особенностей административно-территориального устройства и избирательного процесса Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, а также специфики региональной экономики северных территорий. Статья может быть полезна специалистам органов исполнительной власти, осуществляющих функции по реализации единой государственной политики в сфере регионального развития и взаимодействия с законодательными органами государственной власти, исполнительно-распорядительными и представительными органами местного самоуправления, политическими партиями в субъекте РФ, а также всем интересующимся данной проблематикой.

Ключевые слова: власть, персонификация политических процессов, региональная элита, политическое лидерство, элитарные группы.

Leader-Elite Configuration of Regional Political Processes in the Structure of the Public Consciousness of the Population (on the Example of the Khanty-Mansiysk Autonomous District — Ugra)

Anatoly L. Koltunov¹, Maxim N. Korshunov¹

¹*Department of Marketing and Public Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of the study of the phenomenon of personification of regional political processes in the structure of public consciousness of the population of the Khanty-Mansiysk Autonomous district — Ugra. Certain features of the formation of a leader-elite configuration, responsible for observing the norms of the socio-economic and national situation in the region, including in government and in government, in accordance with the opinion of the population and real power in the Khanty-Mansiysk Autonomous district — Ugra. The purpose of the article is to identify and analyze the leadership and elite component of regional political processes in the structure of public consciousness of the population of the Khanty-Mansiysk Autonomous district — Ugra, which is part of the “complex” subject of the Russian Federation (Tyumen region), taking into account the peculiarities of the administrative-territorial structure and the election process of Khanty-Mansiysk Autonomous district — Ugra, as well as the specifics of the regional economy of the northern territories. The article may be useful to specialists of executive authorities, carrying out functions for the implementation of a unified state policy

in the field of regional development and interaction with legislative bodies of state power, executive-administrative and representative bodies of local self-government, political parties in the subject of the Russian Federation, as well as everyone interested in this issue.

Keywords: power, personification of political processes, regional elite, political leadership, elite groups.

Введение

Интерес отечественных мыслителей к проблемам политического лидерства, роли политических деятелей различного уровня в вопросах государственного управления, а также тем качествам, которыми они должны обладать, возникает во второй половине XIX века. По мнению А.Л. Бурамкиной, это объясняется сложившейся в тот период времени общественно-политической ситуацией. Ввиду того, что на протяжении достаточно длительного периода отечественной истории государственное устройство России было представлено монархическим строем, при котором власть считается «данной от Бога», а порядок престолонаследия регламентирован указами монарха и не подлежит сомнению, не ставились вопросы о личностных и профессиональных компетенциях лидера. Преобразования, произошедшие в нашем государстве на стыке XIX и XX столетия, в том числе смена политического режима, проявление идей выборности власти, явились причинами возникновения интереса различных исследователей в том числе к вопросам политического лидерства [1]. Актуальность исследования проблем политического лидерства заключается в том, что в сегодняшних реалиях перед лидером достаточно остро встает вопрос формирования положительной репутации и определенного мнения о себе, своих морально-этических и профессиональных качествах в целях получения поддержки и доверия со стороны общества. Иными словами, на сегодняшний день власть может принадлежать только тем политическим акторам, которые способны сформировать в структуре общественного сознания устойчивое мнение о своей исключительности, о том, что только им можно доверять эту власть. Преимущественно жесткая политическая динамика, связанная с наличием существенных трудностей эффективной реализации как внешней, так и внутренней политики Российской Федерации, делает задачу создания положительного образа, формирования лидерства политических деятелей любого из уровней власти в массовом сознании населения нашей страны крайне непростой, но бесспорно одной из важнейших задач.

Так, Т.Н. Самсонова и Е.С. Шпуга, рассуждая о политическом лидерстве перед вызовами современности, приходят к выводу о том, что сегодня в России, в силу высокой степени персонификации власти, сформировавшейся ввиду острой необходимости преодоления ряда социально-экономических и политических трудностей, потребности в осуществлении модернизации страны, имеет особое значение проблема эффективности политического лидерства. Т.Н. Самсонова и Е.С. Шпуга определяют политическое лидерство как ключевой субъект социальной мобилизации элиты и широких слоев населения [2]. Также Е.С. Шпуга подчеркивает значимость института политического лидерства, определяя его в качестве механизма интеграции общества, то есть системы социально-политических связей и отношений, в которой политические лидеры и социальные общности находятся во взаимодействии друг с другом и с политической системой в конкретных условиях места и времени [3]. Обращаясь к понятию «политическое лидерство», обобщая существующие подходы к определению данного понятия, Т.Н. Самсонова и Е.С. Шпуга определяют его как механизм осуществления политической власти, в основе которого лежат отношения взаимовлияния между лидером, выражающим интересы и потребности социальной общности/общества, и последователями, делегирующими ему свои полномочия для осуществления представительства и реализации их интересов [2].

Несмотря на тот факт, что некоторые из отечественных исследователей считают, что такие понятия, как «лидерство» и «руководство», все же стоит разграничивать [4], определение политического лидерства, представленное выше, в наибольшей степени

применимо именно к российской политической практике. Нельзя не согласиться с мнением Н.Г. Щербины о том, что «в политической сфере лидерство — это политическое управление. Здесь политик является одновременно и руководителем большого сообщества, и лидером-администратором управленческой вертикали» [5]. Неоспоримым сегодня также представляется значение политического лидерства как одного из ключевых факторов механизма политического властвования и государственного управления, оказывающего существенное влияние на определение характера и направлений политических процессов. Так, О.Е. Чуйков справедливо отмечает, что сегодня серьезные преобразования в каком-либо вопросе невозможны без участия первых лиц [6]. Вместе с тем Р. МакДермотт, Э.К. Лопес и П.К. Хатеми в своей работе, посвященной исследованию эволюционного подхода к политическому лидерству, приходят к выводу о том, что, во-первых, лидеры устанавливают или определяют непосредственные и/или долгосрочные цели группы, во-вторых, лидеры обеспечивают важнейшую функцию координации поведения и ожиданий в отношении достижения этих целей [7]. Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы о том, что политические лидеры региона, наряду с превалирующим влиянием на процессы принятия ключевых, окончательных решений на всех уровнях региональной власти, также влияют на выстраивание определенной идеологии в структуре общественного сознания своих последователей (подчиненных им иерархией органов власти субъекта РФ, населения региона).

Следовательно, направление дальнейшего социально-политического, экономического и общественного развития региона, определение приоритетных целей такого развития и задач, которые необходимо решить для их достижения, а также готовность населения ожидать достижения такого развития, консолидация населения для достижения национальных целей развития, в том числе в условиях временного ухудшения качества и уровня жизни, имеет прямую зависимость от эффективности деятельности политических лидеров региона и их способности выстроить коммуникацию с различными социальными группами и обществом в целом. В этой связи высокую актуальность приобретает вопрос персонификации феномена политического лидерства в общественном сознании населения, определении государственных деятелей, структур, институтов власти и иных организаций, общественных и религиозных объединений, которые способны в наибольшей степени эффективно влиять на процессы социально-экономического и политического развития региона, выстраивать коммуникацию с населением, в целях минимизации негативных социальных эффектов проводимых государственных реформ или решений (федерального и регионального уровня), обеспечения адекватной реакции населения на необходимые действия власти, направленные на стабилизацию и последующий рост национальной экономики, а следовательно, — улучшение качества и уровня жизни российских граждан.

И если относительно национального (всероссийского) уровня, на основе различных исследований, можно сделать выводы о том, что настоящим центром консолидации российского общества является Президент РФ В.В. Путин [2], то относительно региональной власти данный вопрос остается открытым, в особенности для регионов, имеющих «сложноустроенную» систему государственного управления, как, например, Тюменская область (с входящими в ее состав на правах равноправных субъектов РФ — Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами). Достаточно актуальной представляется точка зрения О.В. Крыштановской, которая отмечает, что в российских реалиях весьма актуальным будет являться даже вопрос о том, какой из двух социальных групп, политикам или бизнесменам, присуще большее влияние на политический процесс [8].

Исходя из вышеизложенного, сформирована главная цель настоящего исследования, которая заключается в выявлении и анализе элементов лидерско-элитной конфигурации, определенных в структуре общественного сознания населения в качестве ответственных за социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию на региональном уровне, а также определении должностных лиц, государственных органов, иных лиц и организаций,

обладающих, по мнению населения, реальной властью в регионе, на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — автономный округ, ХМАО — Югра) с учетом особенностей его административно-территориального устройства, избирательного законодательства, а также специфики региональной экономики северного региона.

Также выбор ХМАО — Югры в качестве зоны исследования обусловлен стратегическим значением региона для российской экономики, что неоднократно подчеркивается как высшим руководством страны, так и многими исследователями. Так, Л.Л. Богомолова в своей работе характеризует автономный округ как стратегический регион нашей страны и один из ведущих нефтедобывающих регионов мира, отмечая, что автономный округ относится к регионам-донорам России и лидирует по ряду основных экономических показателей, таких как добыча нефти, производство электроэнергии, объем промышленного производства, добыча газа [9].

Согласно поставленной цели, определены основные задачи статьи: 1) установить юридическое содержание и значение основных нормативно-правовых актов, регулирующих административно-территориальное устройство ХМАО — Югры, статус высших должностных лиц субъекта РФ, выбранного в качестве исследуемого региона, а также процесс наделения гражданина РФ данными полномочиями; 2) выявить и проанализировать лидерско-элитную конфигурацию, ответственную за обеспечение социально-экономической и политической стабильности в автономном округе, в структуре общественного сознания населения; 3) определить должностных лиц, государственные органы, иных лиц и (или) организации, обладающие, по мнению населения, реальной властью в автономном округе; 4) установить причинно-следственную связь вышеуказанных юридических и экономических факторов на формирование модели политического управления в массовом сознании населения автономного округа.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили научные статьи, публикации отечественных и зарубежных ученых, статистическая отчетность органов исполнительной власти субъектов РФ, данные социологических опросов, проводимых различными организациями и исследователями, нормативные правовые акты федерального и регионального значения в исследуемой сфере. Изучение и анализ феномена власти, политического лидерства и управления, формирования политических элит и явлений через призму их взаимодействия с обществом являются предметом исследования многих ученых, таких как С.В. Устименко, Е.Б. Шестопал, О.В. Гаман-Голутвина, А.А. Слинько, Н.Г. Щербина, Т.А. Штукина, О.П. Фесенко, О.В. Крыштановская, О.Ю. Малинова, В.С. Авдонин, Г.К. Ашин, Т.Н. Самсонова и других.

В целях достижения поставленной цели и решения сформулированных задач в работе использованы теоретические методы: компаративный, индуктивный, гипотетико-дедуктивный и методы сбора и анализа данных: анкетный опрос, анализ документов и нормативных правовых актов федерального и регионального уровня, анализ статистических данных. Теоретическую базу исследования составили труды представителей социологической, философской и политической мысли, современных отечественных и зарубежных исследователей, рассматривающих проблему политического лидерства на различных уровнях власти с различных позиций. Эмпирическую базу исследования составили отчетность органов исполнительной власти субъектов РФ, интернет-ресурсы, а также результаты авторского анкетного опроса населения автономного округа.

Респондентами авторского исследования выступали жители различных муниципальных образований автономного округа. В ходе исследования были опрошены 166 человек, размер генеральной совокупности (население автономного округа) составляет 1 663 795 человек. Таким образом, выборка имеет следующие характеристики: доверительная вероятность (точность) составляет 99 %; доверительный интервал (погрешность $\pm$) равен 10 %.

В качестве дополнительных источников были использованы вторичные данные (публикации в СМИ, аналитические статьи, статистические данные о результатах

избирательных кампаний), содержащие информацию, отражающую состояние общественно-политической ситуации в регионах РФ; материалы социологических опросов института социального маркетинга «ИНСОМАР» и другие. При анализе вышеуказанных материалов использован метод вторичной обработки информации.

Результаты и обсуждение

В целях наиболее полного анализа персонификации региональных политических процессов, политического лидерства и лидерско-элитной конфигурации в структуре общественного сознания населения в первую очередь стоит определить историко-правовую природу данных явлений. Зоной исследования, проводимого в рамках данной статьи, является ХМАО — Югра, обладающий статусом равноправного субъекта РФ, входящего в состав Тюменской области. Формирование Тюменской области как «сложноустроенного субъекта» начинается с первых этапов советской истории нашей страны. Центр губернии в 1918 году был перенесен в Тюмень (ранее административным центром являлся Тобольск), затем, в 1930 году, были образованы Остяко-Вогульский (с 1940 года Ханты-Мансийский) и Ямало-Ненецкий национальные округа, а в 1944 году — Тюменская область, с входящими в ее состав национальными округами. Так была сформирована сложная схема управления территорией [10]. Многосторонний федеративный договор, заключенный в 1992 году, наделил округа автономией, установив, что они получают равный статус субъектов РФ, как и Тюменская область. А в 1993 году этот принцип зафиксировали в статье 65 Конституции РФ [10].

Несмотря на тот факт, что на протяжении нового этапа становления российской государственности не единожды предпринимались попытки объединения «сложноустроенного субъекта» и лишения автономных округов, входящих в его состав, статусов равноправных субъектов РФ (одна из подобных попыток подробно описана в работе «Формирование электоральных процессов в условиях трансформации избирательной системы постсоветской России (на материалах Тюменской области)», М.Н. Коршунов, С.А. Шестаков, 2018), на сегодняшний день административно-территориальное устройство Тюменской области осталось неизменным, и в соответствии с положениями действующего законодательства территория Тюменской области включает территорию ХМАО — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — ЯНАО), являющихся субъектами РФ [11].

Вопросы, касающиеся высшего политического руководства органами государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав Тюменской области, регламентированы федеральным и региональным законодательством. Так, согласно статье 2 Федерального закона от 06 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации может быть установлена Конституцией (Уставом) субъекта Российской Федерации [12]. Как было отмечено выше, административно-территориальное устройство Тюменской области представлено сегодня тремя равноправными субъектами РФ, входящими в ее состав. Соответственно, согласно действующему законодательству, основным законом каждого из этих субъектов установлена должность высшего должностного лица. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Устава Тюменской области от 30 июня 1995 года № 6 высшим должностным лицом Тюменской области является Губернатор Тюменской области [13]. В соответствии с подпунктом 2 пункта 2 статьи 6 Устава (Основного закона) ХМАО — Югры от 26 апреля 1995 года № 4-оз высшим должностным лицом ХМАО — Югры является Губернатор автономного округа [14].

Важным для цели исследования является также процесс наделения полномочиями губернатора Тюменской области и входящего в ее состав автономного округа, выбранного зоной проведения исследования. Так, в соответствии с действующим законодательством, губернатор Тюменской области избирается гражданами Российской Федерации,

проживающими на территории Тюменской области и обладающими в соответствии с федеральным законом активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [13]. При этом губернатор Тюменской области избирается населением Тюменской области (гражданами РФ, проживающими на ее территории), в том числе проживающим на территории автономных округов (подробнее вопрос о правовых предпосылках установления данной нормы при проведении процедуры выборов губернатора Тюменской области рассмотрен в работе «Формирование электоральных процессов в условиях трансформации избирательной системы постсоветской России (на материалах Тюменской области)», М.Н. Коршунов, С.А. Шестаков, 2018). В то время как губернаторы автономных округов, входящих в состав Тюменской области, избираются депутатами Думы автономного округа по представлению Президента РФ.

В соответствии с действующим законодательством, кандидаты для избрания на должность высшего должностного лица автономного округа представляются в законодательный (представительный) орган государственной власти автономного округа Президентом Российской Федерации по предложениям высшего должностного лица области, в состав которой входит автономный округ [12]. Исходя из вышеизложенного, Тюменская область представлена сегодня тремя политическими лидерами, руководителями органов исполнительной власти, высшими должностными лицами каждого из субъектов РФ, входящих в ее состав, в том числе:

- губернатор Тюменской области — Александр Викторович Моор;
- губернатор ХМАО — Югры — Наталья Владимировна Комарова.

Вместе с тем необходимо отметить, что губернатор Тюменской области был избран населением, проживающим на всей территории области (в том числе населением ХМАО — Югры), в то время как губернатор ХМАО — Югры был избран депутатами Думы автономного округа. Отметим также, что губернатор Тюменской области А.В. Моор был избран на данную должность относительно недавно (09.09.2018). В отличие от своего коллеги, губернатор ХМАО — Югры Н.В. Комарова руководит округом достаточно длительный период времени (с 15.02.2010), что также послужило одной из причины выбора ХМАО — Югры в качестве зоны проведения настоящего исследования. Основываясь на вышеизложенном, можно сделать выводы о том, что процедура избрания на должность Губернатора ХМАО — Югры юридически хоть и не является назначением, но фактически реализуется именно по такому сценарию, так как в современных политических реалиях невозможно представить ситуацию, в которой депутаты окружного парламента не оказали бы поддержку кандидату, предложенному Президентом РФ.

Вопрос выбора наиболее оптимальной модели наделения гражданина Российской Федерации полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации неоднократно становился предметом изучения многих отечественных исследователей. Так, по мнению Н.В. Старикова, возможность назначения губернаторов по выбору главы государства, сопровождающаяся его ответственностью перед избирателями страны, оказавшими ему доверие, избрав президентом, отвечает целям построения сильного, устойчивого к внешним угрозам государства. Н.В. Стариков определяет процедуру прямых выборов губернаторов вредной для Российской Федерации, основываясь на ее географических характеристиках, которыми продиктована необходимость четкой и ясной вертикали власти. Глава региона, по мнению Н.В. Старикова, должен иметь власть, но также должен и нести ответственность, в то время как в случае существования института прямых выборов губернатора он наделяется властью и от президента, и от избирателей страны, следовательно, его ответственность размыта. Финальным аргументом в пользу отмены выборов губернаторов Н.В. Стариков считает возможность существенной экономии бюджетных средств [15].

Аналогичной точки зрения придерживается К.А. Тихонов. В своей работе «Целесообразный отказ от прямых выборов и введение системы назначения глав субъектов Российской Федерации» автор приводит множество достаточно убедительных аргументов в пользу отмены прямых выборов глав субъектов РФ, в том числе укрепление вертикали власти, отсутствие пустых

предвыборных обещаний, не исполняемых в дальнейшем, экономию бюджетных средств регионального и местного уровней, повышенную ответственность назначаемого главы субъекта перед Президентом РФ, возрастающую ответственность самого Президента РФ перед населением региона, доверие к Президенту РФ [16]. Однако, по мнению К.А. Тихонова, необходимо выделить, что руководителя следует назначать именно из представителей местного населения субъекта РФ, так как это происходит далеко не всегда, и зачастую высшим должностным лицом субъекта РФ становится человек из центра (Москвы) [16]. Данная позиция является достаточно спорной, так как в современной политической практике существуют примеры достаточно успешного руководства субъектом РФ «варягами», не являющимися представителями местного населения, а также одобрения населением их назначения на данную должность (мэр Москвы С.С. Собянин, губернатор Курганской области В.М. Шумков). Существует также и противоположная точка зрения. Так, С.В. Устименко считает, что руководители субъектов РФ должны избираться путем проведения прямых выборов, так как следствием замены избрания на фактически президентское назначение стало превращение высших должностных лиц субъектов РФ из ярких, харизматических политических авторов в чиновников. Всенародное избрание помогает руководителям регионов не только приобрести опыт управления, но и стать кадровым резервом для высших государственных должностей [17]. Данная точка зрения в значительной степени отражает общественное мнение по данному вопросу. Так, в 2015 году институт социального маркетинга «ИНСОМАР» провел инициативное социологическое исследование в ХМАО — Югре, целью которого являются восприятие общественным мнением социально-политической ситуации и оценка эффективности деятельности региональной власти автономного округа в период, предшествующий сентябрьским выборам (2015 года) губернатора автономного округа. Одним из ключевых направлений данного исследования является изучение отношения населения автономного округа к форме предстоящих выборов. Результаты данного исследования представлены на рисунках 1 и 2 [18].

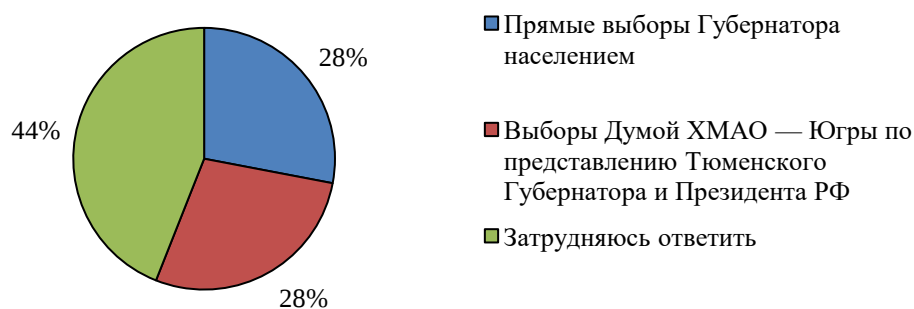

Рисунок 1. Результаты ответа респондентов на вопрос: «Известно ли Вам в какой форме пройдут предстоящие выборы Губернатора?»

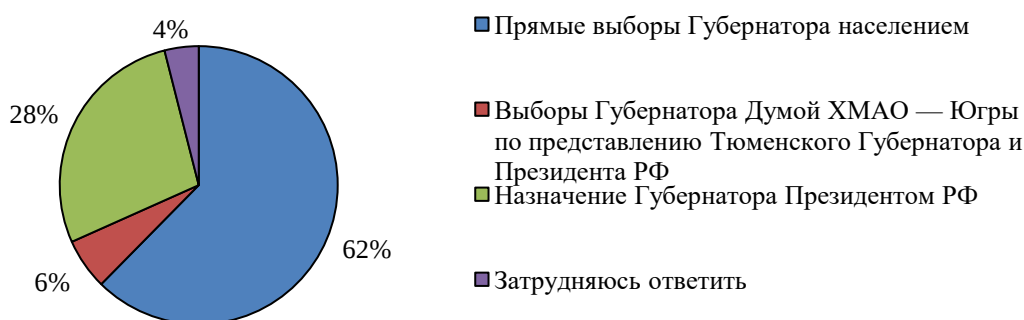

Рисунок 2. Результаты ответа респондентов на вопрос: «Какой способ наделения полномочиями Губернатора Вам кажется наилучшим?»

В результате проведенного исследования специалисты института социального маркетинга «ИНСОМАР» приходят к выводу о том, что форма проведения выборов окажется для большинства жителей округа неприятным сюрпризом: лишь 28 % их них знают, что выбирать губернатора будет Дума автономного округа по представлению тюменского губернатора и Президента РФ. Такой формат выборов населению не кажется оправданным и воспринимается как способ сохранить статус-кво во власти. Лишь 6 % граждан считают предложенный ХМАО — Югре механизм выборов лучшим, а большинство (63 %) предпочли бы прямые выборы губернатора («народ должен знать, что от него что-то зависит») [18].

Согласно Конституции РФ, федеративное устройство страны основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, равноправии и самоопределении народов в РФ (Ст. 5, п. 3) [19]. Также, согласно статье 11 Конституции РФ, государственную власть в субъектах РФ осуществляют образуемые ими органы государственной власти. А статьей 12 закреплено и гарантировано право на местное самоуправление, которое в пределах своих полномочий самостоятельно; органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти [19].

В результате проведенного анализа исторических и правовых предпосылок процесса формирования института региональной политической власти Тюменской области и ХМАО — Югры, а также вторичного анализа данных социологического опроса, проведенного институтом социального маркетинга «ИНСОМАР», автором данной статьи сформирован вывод о наличии определенных особенностей процесса наделения гражданина РФ полномочиями губернатора Тюменской области и входящего в ее состав ХМАО — Югры, позволяющих охарактеризовать данный процесс как сложноустроенную модель формирования высшего политического руководства автономного округа, непосредственное участие в котором принимают сразу несколько институтов власти, в том числе Президент РФ и губернатор соседнего региона, окончательное решение по данному вопросу принимается законодательным (представительным) органом власти — Думой автономного округа. Население автономного округа не имеет возможности непосредственно участвовать в выборе губернатора своего региона (участие населения можно охарактеризовать как опосредованное, так как населением автономного округа на прямых выборах избираются все представители государственных структур и должностные лица, участвующие впоследствии в наделении полномочиями губернатора ХМАО — Югры, а именно: Президент РФ; губернатор Тюменской области; Дума автономного округа). При этом данная модель избрания на должность губернатора автономного округа в структуре общественного сознания имеет ярко выраженный негативный окрас, население автономного округа отдает предпочтение прямым выборам губернатора своего региона.

Обращаясь непосредственно к цели настоящей статьи, необходимо отметить, что региональные аспекты лидерско-элитной составляющей политических процессов в экспертном и массовом сознании в достаточной мере рассмотрены в работе А.В. Понеделкова, А.М. Старостина и Л.Г. Швеца. В своем исследовании авторы, анализируя результаты социологического опроса, проведенного в 2014 году Южно-Российским институтом управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ по исследованию лидерско-элитной составляющей региональных политических процессов в экспертном и массовом сознании, определяют, что в качестве лидерско-элитной конфигурации, ответственной за стабильность ситуации в государстве, на региональном а также на местном уровне респонденты достаточно уверенно выделили Президента РФ (79,6 %), руководителей субъектов РФ (61,19 %) и органы местного самоуправления (29,35 %) [20]. Также А.В. Понеделков, А.М. Старостин и Л.Г. Швец в своей работе приходят к выводу о том, что сегодня реальная конфигурация власти, замкнутая на

лидера, авторитарна. Об этом свидетельствуют ответы (населения) на вопрос: «Кому, на Ваш взгляд, сегодня реально принадлежит власть в регионе?» [20], при ответе на который респондентам было предложено выбрать не более 3 из 11 возможных вариантов ответа. 49,25 % населения указали, что на сегодняшний день реальная власть в регионе находится в руках руководителя субъекта РФ (Президента республики, губернатора края или области); 25 % респондентов также считают, что власть сосредоточена в руках коррумпированной части аппарата управления; 24,25 % выразили мнение о том, что власть в регионе принадлежит богатым людям, коммерсантам, предпринимателям, банкирам; 22,25 % указывают на принадлежность власти законодательному (представительному) органу власти субъекта РФ; другие из возможных вариантов ответов выбрали менее 20 % респондентов [20].

Принимая во внимание «сложноустроенную» схему государственного управления Тюменской области в целом, а также входящего в ее состав на правах равноправного субъекта РФ ХМАО — Югры, в целях наиболее точного определения лидерско-элитной конфигурации региональных политических процессов в структуре общественного сознания населения автономного округа, в рамках данного исследования автором был проведен анкетный опрос населения автономного округа, результаты которого представлены в таблицах 1 и 2.

Как было отмечено выше, опрос проведен среди граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории автономного округа, являющихся представителями различных социальных слоев населения, различного пола, различных возрастных групп старше 18 лет (обладающих активным избирательным правом). В опросе приняли участие 166 респондентов из различных муниципальных образований автономного округа.

Таблица 1. Результаты ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, какие из перечисленных государственных органов, организаций и должностных лиц наиболее эффективно могут влиять на стабилизацию социально-экономической и политической ситуации в ХМАО — Югре (выберите не более 3 вариантов)?»

Вариант ответа	Количество респондентов, выбравших данный вариант, %
Президент РФ	39,8
Правительство РФ	22,9
Совет Федерации ФС РФ	3,0
Государственная Дума ФС РФ	7,2
Губернатор ХМАО — Югры	59,6
Дума ХМАО — Югры	29,5
Глава Администрации города	18,1
Губернатор Тюменской области	5,4
Тюменская областная Дума	3,0
Политические партии	4,2
Прокуратура	3,6
ФСБ РФ	3,0
МВД РФ	3,6
Вооруженные силы РФ (Армия)	0,0
Полномочный представитель Президента РФ в УрФО	1,8
Главный федеральный инспектор по ХМАО — Югре	2,4
Общественные организации	9,0
Религиозные организации	0,0
Крупные нефтегазовые компании (Газпром, Роснефть, ЛУКОЙЛ)	26,5
Мафия, криминальные структуры	3,6
СМИ	4,8
Другое	7,8

Таблица 2. Результаты ответов респондентов на вопрос: «Кому, на Ваш взгляд, сегодня реально принадлежит власть в ХМАО — Югре (выберите не более 3 вариантов)?»

Вариант ответа	Количество респондентов, выбравших данный вариант, %
Губернатору ХМАО — Югры	53,0
Думе ХМАО — Югры	22,0
Губернатору Тюменской области	7,2
Тюменской областной Думе	3,0
Полномочному представителю Президента РФ в УрФО	6,6
Отдельным политическим партиям и общественным организациям	12,0
Руководству крупных нефтегазовых компаний (Газпром, Роснефть, ЛУКОЙЛ)	37,3
Богатым людям, коммерсантам, предпринимателям, банкирам	28,9
Мафии, криминальным структурам	12,0
Главному федеральный инспектор по ХМАО — Югре	0,6
Кому-то другому	12,7
Затрудняюсь ответить	6,0

В качестве лидерско-элитной конфигурации, ответственной за стабильность социально-экономической и политической ситуации в автономном округе, население уверенно выделяет губернатора автономного округа (59,6 %), Президента Российской Федерации (39,8 %), а также Думу автономного округа (29,5 %) и крупные нефтегазовые компании (Газпром, Роснефть, ЛУКОЙЛ) (26,5 %). 5-е место занимает Правительство Российской Федерации (22,9 %), иные должностные лица, государственные органы, общественные, религиозные и иные организации выбрали от 0 до 20 % респондентов. 53 % населения считают, что сегодня реальная власть в автономном округе принадлежит Губернатору ХМАО — Югры; 37,3 % ответили, что власть находится в руках руководства крупных нефтегазовых компаний (Газпром, Роснефть, ЛУКОЙЛ); по мнению 28,9 % респондентов, власть в регионе принадлежит богатым людям, коммерсантам, предпринимателям, банкирам; 22 % опрошенных считают, что власть принадлежит Думе автономного округа.

В результате проведенного исследования необходимо отметить, что на сегодняшний день отношение населения автономного округа к Губернатору, главам местных администраций и Думе автономного округа, следовательно, — всей лидерско-элитной конфигурации, претерпело кардинальные изменения. Так, в своей работе А.В. Боярских отмечает, что 58 % населения автономного округа осенью 1999 года придерживались мнения, что первоочередное влияние на ситуацию в регионе оказывают главы местных администраций, 25 % населения выделяли при ответе на данный вопрос руководителей крупных предприятий, и только 18 % — губернатора [21].

Сложившаяся система административно-территориального устройства и государственного управления ХМАО — Югры, которая представлена «сложноустроенной» формой, оказывает существенное влияние на формирование лидерско-элитной конфигурации власти и феномена политического лидерства в структуре общественного сознания населения автономного округа, который входит в состав Тюменской области в качестве равноправного субъекта РФ. Также, несмотря на тот факт, что единственным губернатором, избранным в ходе прямых выборов населением, является губернатор Тюменской области, жители ХМАО — Югры почти не считают его способным каким-либо образом влиять на социально-экономическую и политическую ситуацию в автономном округе (данный вариант ответа выбрали 5,4 % респондентов). Показатели, полученные в результате проведенного исследования относительно отношения населения автономного округа к политической значимости для ХМАО — Югры губернатора Тюменской области, также подтверждаются итогами двух последних избирательных кампаний по выборам губернатора Тюменской области (таблица 3) [22].

Таблица 3. Результаты выборов Губернатора Тюменской области

Выборы Губернатора Тюменской области (14.09.2014)						
Показатель	Тюменская область (без АО)		ХМАО — Югра		ЯНАО	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Численность избирателей (по спискам на момент окончания процедуры голосования)	1 068 447	100	1 097 737	100	348 100	100
Число избирателей, принявших участие в выборах (в том числе путем досрочного голосования)	889 801	83,3	386 270	35,2	191 852	55,1
Выборы Губернатора Тюменской области (09.09.2018)						
Показатель	Тюменская область (без АО)		ХМАО — Югра		ЯНАО	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Численность избирателей (по спискам на момент окончания процедуры голосования)	1 093 558	100	1 088 765	100	346 423	100
Число избирателей, принявших участие в выборах (в том числе путем досрочного голосования)	626 291	57,3	386 596	35,5	228 565	66

В результате анализа результатов избирательных кампаний по выборам губернатора Тюменской области 2014 и 2018 годов можно утверждать о крайне низкой заинтересованности населения ХМАО — Югры в участии в процедуре избрания на данную должность. Стабильно высокий уровень явки избирателей демонстрирует сама Тюменская область (без учета автономных округов), а также ЯНАО, но, учитывая достаточно высокую разницу в количестве избирателей, проживающих на территории ХМАО — Югры и ЯНАО (1 088 765 и 346 423 человек), по данным последней проведенной избирательной кампании, сравнение показателя уровня явки избирателей между автономными округами не будет отражать полной картины политической позиции населения относительно вопроса избрания губернатора Тюменской области.

Выводы

Результаты проведенного автором исследования позволяют не согласиться с мнением А.В. Понеделкова, А.М. Старостина и Л.Г. Швеца, утверждающих, что сегодня реальная конфигурация власти, замкнутая на лидера, авторитарна. Опираясь на данные авторского исследования, можно сделать выводы о том, что в ХМАО — Югре реальная конфигурация власти хоть и имеет авторитарные признаки, но все же не замыкается на персону одного политического деятеля — лидера. Результаты исследования показывают, что в структуре общественного сознания населения, в числе субъектов, способных эффективно влиять на стабилизацию социально-экономической и политической ситуации в автономном округе, а также имеющей реальную власть в регионе, помимо губернатора ХМАО — Югры и Президента РФ население определяет Думу автономного округа. Это, по мнению автора, связано с особенностями процедуры избрания губернатора автономного округа (губернатор ХМАО — Югры избирается депутатами окружного парламента), вследствие чего в структуре общественного сознания населения формируется мнение о некоторой степени зависимости губернатора от Думы автономного округа и наличии реальной политической власти в руках законодательного органа ХМАО — Югры.

Также необходимо отметить, что в общественном сознании населения автономного округа преобладает мнение о достаточно высоком влиянии на политический процесс крупных нефтегазовых компаний (Газпром, Роснефть, ЛУКОЙЛ), а также сосредоточении в руках руководства таких компаний реальной власти в автономном округе. По мнению автора, данный факт связан с экономической спецификой северных регионов, ввиду высокого присутствия нефтегазодобывающих компаний на их территориях, а также достаточно

серьезного участия таких компаний в социально-политических процессах путем инструмента государственно-частного партнерства. В отличие от периода формирования и становления новой российской государственности, в современных политических реалиях наблюдается существенное изменение лидерско-элитной конфигурации, которая, по мнению населения, обеспечивает социально-экономическую стабильность в автономном округе. Наблюдается усиление позиций окружной власти (губернатора и Думы автономного округа), в то время как позиции глав местных администраций оказываются существенно ниже, чем в 1999 году.

Результаты проведенного исследования, в своей совокупности, позволяют согласиться с мнением О.Е. Чуйкова, который предполагает формирование в структуре государственного управления нашей страны смешанной модели, являющейся симбиозом авторитарных и демократических основ. Такая модель в государственном и муниципальном управлении, по мнению О.Е. Чуйкова, может по праву считаться результатом сложения опыта не одного поколения лидеров, отображением исторических традиций. Особенности избирательного процесса в автономном округе (избрание губернатора автономного округа депутатами окружной Думы, при отсутствии прямых выборов), по данным инициативного социологического исследования, проведенного «ИНСОМАР», не одобряется населением ХМАО — Югры. Однако такие особенности избирательного процесса создают предпосылки для формирования смешанной модели государственного управления, при которой власть не замыкается на единоличного политического лидера — губернатора автономного округа. В такой системе сочетаются элементы авторитаризма и демократии. По мнению О.Е. Чуйкова, с которым можно согласиться, такая модель в государственном и муниципальном управлении может являться наиболее эффективной в будущем.

Специфика региональной экономики северных территорий, характеризующаяся высоким уровнем присутствия в регионе крупных нефтегазовых компаний (Газпром, ЛУКОЙЛ, Роснефть), также оказывает существенное влияние на проблему определения модели осуществления региональной власти. Так, по мнению населения автономного округа, вышеуказанные компании также имеют возможность оказывать существенное влияние на политические и социально-экономические процессы в автономном округе, а в руках их руководства, по мнению населения, сосредоточен большой объем власти в ХМАО — Югре.

Данный факт свидетельствует, возможно, о необходимости корректировки политики государственно-частного партнерства, участниками которой выступают высшее политическое руководство автономного округа и крупные нефтегазовые компании, работающие на территории ХМАО — Югры, что является предметом для дальнейшего исследования.

Библиографический список

- [1] Бурамкина А.Л. Генезис понятия «Политическое лидерство» в русской классической социологии // Вестник ВЭГУ. – 2017. – № 1. – С. 136–142.
- [2] Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология. – 2016. – № 4. – С. 142–163.
- [3] Шпуга Е.С. Политическое лидерство как механизм интеграции общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2014. – 26 с.
- [4] Рубанова Е.Ю., Левина Е.М. Психологические особенности политического лидерства // Ученые заметки ТОГУ. – 2018. – № 2. – С. 399–404.
- [5] Щербина Н.Г. Теории политического лидерства: учебное пособие. – Москва: Издательство «Весь мир», 2004. – С. 184.
- [6] Чуйков О.Е. Политическое лидерство в современной системе государственного управления России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2017. – № 1. – С. 136–142.
- [7] McDermott R., Lopez A.C., Hatemi P.K. An Evolutionary Approach to Political Leadership // Security Studies. – 2016. – No 25(4). – P. 677–698.

- [8] Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. – Москва: Захаров, 2005. – 346 с.
- [9] Богомолова Л.Л. Социально-экономические проблемы и приоритеты устойчивого развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в условиях геополитической нестабильности // *Международный научный журнал «Инновационная наука»*. – 2015. – № 6. – С. 37-42.
- [10] Сердюков Д.В. В поисках оптимальной модели административно-территориального устройства Тюменской области // *Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития*. (21-23 мая 2009 г.): Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 65-летию Тюменской области. – Тюмень: ТИУ, 2009. – С. 137–142.
- [11] Закон Тюменской области № 53 «Об административно-территориальном устройстве Тюменской области» от 04.11.1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://admtymen.ru/ogv_ru/gov/local_gov/local_law/law.htm?id=10439102%40cmsArticle (дата обращения: 20.07.2019).
- [12] Федеральный закон № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://admtymen.ru/ogv_ru/about/bylaws.htm (дата обращения: 20.07.2019).
- [13] Устав Тюменской области № 6 от 30.06.1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://admtymen.ru/ogv_ru/about/bylaws.htm (дата обращения: 20.07.2019).
- [14] Устав Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 4-оз от 26.04.1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dumahmao.ru/generalinformation/thebasicdocuments/charterhmao/> (дата обращения: 20.07.2019).
- [15] Стариков Н.В. *Власть*. – Санкт-Петербург: Питер, 2016. – 320 с.
- [16] Тиханов К.А. Целесообразный отказ от прямых выборов и введение системы назначения глав субъектов Российской Федерации // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2019. – № 2. – С. 118–125.
- [17] Устименко С.В. Губернаторы современной России: выборы или назначение // *Ученые записки РГСУ*. – 2012. – № 10. – С. 115–118.
- [18] Общественное мнение о социально-политической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе за три месяца до выборов губернатора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.insomar.ru/politika/politika_25.html (дата обращения: 25.07.2019).
- [19] Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100081,0&rnd=0.131004096402785#015933535262939302> (дата обращения: 25.07.2019).
- [20] Понеделков А.В., Старостин А.М., Швец Л.Г. Лидерско-элитная составляющая политических процессов в экспертном и массовом сознании (региональный аспект) // *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)*. – 2015. – № 2. – С. 1–13.
- [21] Боярских А.В. Анализ специфики региональных выборов и влияние избирательных технологий на электоральное поведение (на примере опыта избирательных кампаний в Тюменской области) // *Вестник Тюменского государственного университета*. – 2006. – № 1. – С. 118–126.
- [22] Избирательная комиссия Тюменской области: Выборы и референдумы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tyumen.vybory.izbirkom.ru/region/tyumen> (дата обращения: 25.07.2019).

References

- [1] Buramkina, A.L. (2017). The Genesis of the Concept of “Political Leadership” in Russian Classical Sociology. *Vestnik VEGU*, 1(93), 136–142.
- [2] Samsonova, T.N., & Shpuga, E.S. (2016). The challenges political leadership faces in the modern world. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 4(22), 142–163.
- [3] Shpuga, E.S. (2014). *Political leadership as a mechanism for integrating society* (PhD thesis, Moscow State University, Russian Federation).

- [4] Rubanova, E. Yu., & Lyovina, E.M. (2018). Psychology of political leadership. *Scientific Notes Pacific National University*, 2(9), 399–404.
- [5] Scherbina, N.G. (2004). *Theories of political leadership*. Moscow: Ves' mir.
- [6] Chuikov, O.E. (2017). Political Leadership in the Modern System of State Administration of Russia. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 1(17), 136–142.
- [7] McDermott, R., Lopez, A.C., & Hatemi, P.K. (2016). An Evolutionary Approach to Political Leadership. *Security Studies*, 25(4), 677–698.
- [8] Kryshchanovskaya, O.V. (2005). *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov.
- [9] Bogomolova, L.L. (2015). Socio-economic problems and sustainable development priorities of the Khanty-Mansiysk Autonomous district – Ugra in the conditions of geopolitical instability. *International Scientific Journal "Innovation Science"*, 6(1), 37–42.
- [10] Serdyukov, D.V. (2009). In search of an optimal model of the administrative-territorial structure of the Tyumen region. In *Tyumen region: historical experience of economic and social development* (pp. 137-142). Tyumen: Tyumen Industrial University.
- [11] The law of the Tyumen region No. 53 "On the administrative-territorial structure of the Tyumen region" (1996, November). Retrieved from https://admtymen.ru/ogv_ru/gov/local_gov/local_law/law.htm?id=10439102%40cmsArticle.
- [12] Federal Law No. 184-ФЗ "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" (1999, October). Retrieved from https://admtymen.ru/ogv_ru/about/bylaws.htm/
- [13] Statute of the Tyumen region No 6. (1995, June). Retrieved from https://admtymen.ru/ogv_ru/about/bylaws.htm.
- [14] Statute (Basic Law) of the Khanty-Mansiysk Autonomous district – Ugra N 4-oz. (1995, April). Retrieved from <https://www.dumahmao.ru/generalinformation/thebasicdocuments/charterhmao/>.
- [15] Starikov, N.V. (2016). *Power*. St. Petersburg: Piter.
- [16] Tikhonov, K.A. (2019). Expedient refusal from direct elections and introduction of the system of heads of subjects of the Russian Federation appointment. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2, 118–125.
- [17] Ustimenko, S.V. (2012). Governors of modern Russia: election or appointment. *Scientific Notes of RSSU*, 10(110), 115–118.
- [18] Public opinion on the socio-political situation in the Khanty-Mansiysk Autonomous District three months before the election of the governor. (2015, June). Retrieved from http://www.insomar.ru/politika/politika_25.html.
- [19] Constitution of the Russian Federation. (1993, December). Retrieved from <http://www.consultant.ru/>.
- [20] Ponedelkov, A.V., Starostin, A.M., & Shvets, L.G. (2015). leader and elite component of political processes in expert and mass consciousness (regional aspect). *Bulletin of the Moscow Region State University*, 2, 1–13.
- [21] Boyarskih, A.V. (2006). Analysis of the specifics of regional elections and the impact of electoral technologies on electoral behavior (using the experience of election campaigns in the Tyumen region as an example). *Bulletin of the Tyumen State University*, 1, 118–126.
- [22] Tyumen Region Election Commission: Elections and Referenda. Retrieved from <http://www.tyumen.vybory.izbirkom.ru/region/tyumen>.

Получена / Submitted: 14/03/2020

Доработана / Revised: 13/04/2020

Принята к публикации / Accepted: 22/05/2020

УДК 316.4

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЯХ В РОССИИ

Ирина Сергеевна Козлова¹

¹*Кафедра социологии, Факультет истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования социальных сетей как площадки для политической мобилизации протестного потенциала российского общества. Целью статьи является исследование роли и перспектив использования социальных сетей в формировании и реализации протестного потенциала в российском обществе. В процессе реализации данной цели исследована сущность социальных сетей как средства политической коммуникации, определена роль формирования и реализации протестного потенциала как одного из важных направлений политической работы в социальных сетях, выяснены особенности функционирования мобилизационного механизма социальных сетей в контексте протестных форм политического участия в России, раскрыты технологические аспекты, формы и методы использования социальных сетей как средства формирования и реализации общественного протестного потенциала России. При решении исследовательских задач в данной статье использовался компаративный анализ, благодаря чему были сформулированы выводы о возможности активизации протестного потенциала в России с ориентацией на потребности молодежи и среднего класса (интересы развития которых в будущем наименее полно реализуются в стране). В статье актуализирована тенденция использования социальных сетей в качестве среды формирования протестных настроений и инструмента управления процессами политической мобилизации российского общества. Показаны основные направления использования социальных сетей для достижения политических задач посредством активизации протестных настроений. Проанализированы статистические и аналитические исследования, характеризующие уровень и динамику протестной активности в России. Определено, что, несмотря на показатели статистики, которые не подтверждают высокого уровня и динамики потенциала протестной активности, использование социальных сетей для политической мобилизации российского общества позволяет сделать это достаточно оперативно, учитывая существующие прецеденты в других странах мира, факторы и возможности, способы влияния на мнение аудитории при организации и проведении протестных кампаний.

Ключевые слова: Интернет, политический протест, политическая мобилизация, протестные кампании, протестный потенциал.

Potential Use of Social Networks in Protest Actions in Russia

Irina S. Kozlova¹

¹*Department of Sociology, Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation*

Abstract. The paper investigates the matter of using social networks as a platform for political mobilization of the protest potential of Russian society. The purpose of the paper is to study the role and prospects of using social networks in the formation and implementation of protest potential in Russian society. In the process of achieving this purpose, the essence of social networks as a means of political communication is investigated, the role of the formation and implementation of protest potential as one of the important areas of political work in social networks is determined, the features of the functioning of the mobilization mechanism of social networks in the context of protest forms of political participation in Russia are outlined, as well as technological aspects, forms, and methods of using social networks as a means of forming and implementing public protest potential of Russia. To solve research problems in this paper, a comparative analysis was used, which allowed to conclude on the possibility of activating the protest potential in Russia with a focus on the needs of young people and the middle class (the development interests of which are least fully implemented

in the country). The paper actualizes the tendency of using social networks as an environment for the formation of protest moods and an instrument for managing the processes of political mobilization of Russian society. The main directions of using social networks to achieve political goals through the activation of protest moods are presented. Statistical and analytical studies describing the level and dynamics of protest activity in Russia are analysed. It is determined that, despite the statistics that do not confirm the high level and dynamics of the potential of protest activity, the use of social networks for the political mobilization of Russian society allows this to be done rather quickly, given the existing precedents in other countries of the world, factors and opportunities, ways to influence opinion audience during the organization and conduct of protest campaigns.

Keywords: Internet, political protest, political mobilization, protest campaigns, protest potential.

Введение

В современном обществе социальное взаимодействие все более обуславливается возможностями технических средств и приобретает предопределенные этими технологиями свойства. В этих условиях Интернет как совокупность инфокоммуникационных технологий и техники, являясь глобальным средством масс-медиа, конструирует принципиально новое информационное пространство социального взаимодействия, являясь не только инструментом предоставления информации пользователям, но и мощным источником влияния на них. Актуальным в этой связи является изучение влияния интернет-технологий на политическую сферу жизни общества, вопросов управления массами с помощью распространяемой в сети информации, поиска баланса между свободой слова и угрозами распространения протестных, в том числе — экстремистских влияний. Ключевым трендом развития Интернета как средства политической коммуникации является формирование и возрастание роли «новых медиа», а именно — социальных сетей, с характерным низким уровнем подконтрольности государству, значительным мобилизационным потенциалом, который способствует высокой социальной самоорганизации граждан [1].

Развитие интернет-технологий и социальных сетей приводит к тому, что в современных условиях происходит формирование специфической «сетевой социальной субкультуры», которая включает разные компоненты и выполняет определенные социальные функции [2]. Социальные сети становятся не только средством развлечения, общения и поиска информации, но и политическим инструментом, все чаще используясь не только в качестве информационной площадки, но и как координатор, мобилизатор тех или иных массовых действий, в том числе — протестных акций. В этом контексте проблематика использования Интернета и социальных сетей для политической мобилизации общества, обоснования факторов и возможностей, которые дает Интернет с точки зрения управления политизацией коммуникационной среды аудитории социальных сетей, характеристики использования социальных сетей при организации и проведении протестных кампаний, представляет определенный интерес для исследовательского сообщества [3; 4].

Исследование сетевых структур как в виртуальном, так и в реальном пространстве активно проводились социологами уже в конце XX — начале XXI веков. В течение последних лет одной из доминирующих тем в мировой науке выступает изучение новых информационно-коммуникационных технологий [5]. Сегодня социальные сети как средство манипуляции, контроля и управления сознанием, когда передача сообщений реализуется путем модификации информации о событиях или фактах с использованием таких приемов, как фабрикация фактов, пропаганда, создание паники, занимают одно из главных мест, формируя во многом новые формы социального общения [6]. При этом пока еще понимание сущностных характеристик и роли социальных сетей как глобальных политических игроков не закрепились в социальном знании. Экспертное сообщество признает, что, с одной стороны, социальные сети — это эффективный инструмент для мобилизации на массовые акции. С другой стороны, социальные сети не управляют своей аудиторией, предоставляя ей лишь платформу для общения, во всяком случае — на данный момент в глобальном масштабе [7]. В пространстве социальных сетей

существуют технологии управления аудиторией, и социальные сети кажутся полностью прозрачными, объективными и свободными от идеологии лишь на первый взгляд. С точки зрения социологии важны характеристики, которые позволяют обнаружить механизмы реальных взаимодействий индивидов и групп в рамках социальных сетей.

Целью данного исследования являются исследование роли и выявление перспектив использования социальных сетей в формировании и реализации протестного потенциала в российском обществе. Для реализации данной цели предполагается решение следующих научных задач: изучение сущности социальных сетей как средства политической коммуникации, роли формирования и реализации протестного потенциала как одного из важных направлений политической работы в социальных сетях; выяснение особенностей функционирования мобилизационного механизма социальных сетей в контексте протестных форм политического участия в России; исследование технологических аспектов, форм и методов использования социальных сетей как средства формирования и реализации общественного протестного потенциала России.

Материалы и методы

В качестве объекта данного исследования выступает протестная активность населения как сфера социальной действительности, являющаяся непосредственным носителем проблемной ситуации, на которую направлена познавательная деятельность. Предметом исследования являются стороны, свойства, характеристики протестной активности населения России, которые подлежат непосредственному изучению в рамках данного исследования. При решении исследовательских задач в данной статье использовался компаративный анализ, благодаря чему были сформулированы выводы о возможности активизации протестного потенциала в России с ориентацией на потребности молодежи и среднего класса (интересы развития которых в будущем наименее полно реализуются в стране). Также применялся отбор методом сравнения наиболее важных факторов и направлений развития протестного потенциала в России из имеющихся в практике элементов системы политической мобилизации. В статье изучен практический опыт политической мобилизации общественности в Украине, странах Ближнего Востока, России. Проанализированы статистические и аналитические исследования, характеризующие уровень и динамику протестной активности в России, представленные социологическими службами «Левада-Центр», Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), агентства Bloomberg. Использование аналитико-экспериментального метода позволило выявить функциональные и причинно-следственные связи в протестной активности населения России, предвидеть развитие проблематики.

В работе использованы научные разработки и публикации отечественных и зарубежных ученых по проблемам протестного потенциала общества, действующие законодательные и нормативные документы. При этом с точки зрения социологии важны проблемы и методы их решения, связанные с массовыми каналами информации, с помощью которых и обеспечиваются массовые коммуникации. Социологов в этом контексте, как и специалистов по теории информации, интересуют, прежде всего, проблемы эффективности. И если для теории информации эффективность коммуникационных процессов выражается в показателях скорости, качества, точности, объема и тому подобное, то социологов интересует мера влияния коммуникационного процесса на соответствующие группы людей, которая, в свою очередь, тоже зависит от объема, скорости, точности и тому подобное. Данные показатели свидетельствуют о том, насколько полно, адекватно воспринимается соответствующая информация определенным контрагентом. Реальными социальными показателями эффективности влияния будут скорость трансформации социального поведения объектов влияния и ее соответствие задачам этого влияния.

Результаты и обсуждение

Кроме двустороннего характера связи социальные сети предоставляют возможность организации массовой коммуникации, которая осуществляется опосредствовано через Интернет и имеет ряд существенных отличий от традиционных средств массовой коммуникации (которые устанавливают одностороннюю связь: телевидение, радио печатные медиа), что выражается в определенной специфике социальных сетей как средства коммуникации:

- социальные сети содержат как сегмент высококачественного информационного содержания, так и большой сегмент низкого и сомнительного качества;
- продуцировать содержание в среде современных социальных сетей может каждый пользователь, традиционные же медиа продуцируют то содержание, которое определяют их владельцы и редакционная политика;
- социальные сети требуют от пользователя осведомленности и навыков в пользовании компьютером (другими мультимедийными устройствами) и Интернетом и в некоторых обществах все еще не являются общедоступными на уровне традиционных медиа;
- социальные сети существенно опережают телевидение или печатные СМИ в оперативности, ведь каждый из их пользователей может почти мгновенно разместить информацию в сети, используя даже портативное карманное устройство;
- размещенная в социальных сетях информация может изменяться и, чаще всего, за ее качество и достоверность авторы не отвечают в полной мере (в том числе юридически), в этом смысле соцсети являются менее надежными, значительно менее ответственными и в этическом, и в правовом смысле, нежели традиционные медиа.

Динамичное развитие социальных сетей в современном обществе дает основание считать, что в данном случае мы имеем дело с новым видом проявления социальности (рисунок 1).

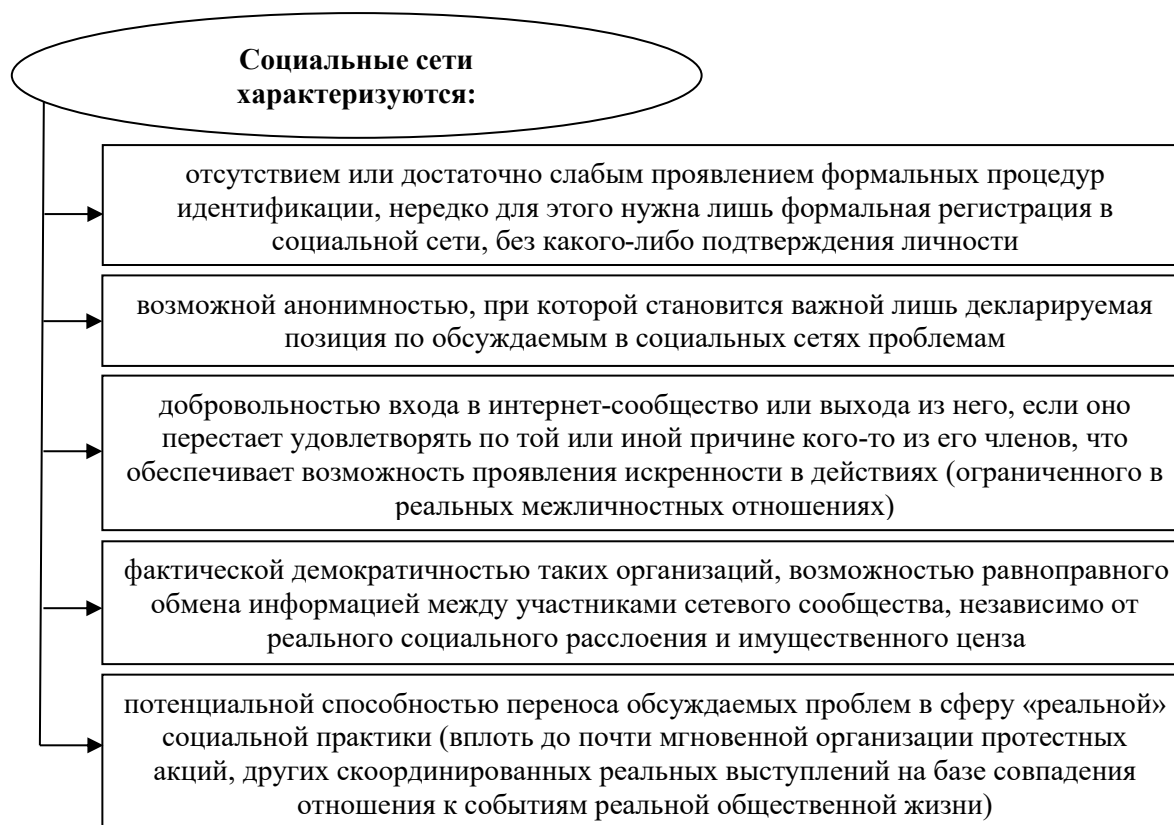

Рисунок 1. Формы проявления социальности в социальных сетях

Одним из основных механизмов функционирования сетевых сообществ является самоорганизация. Доминирующей социально-психологической основой для сетевых сообществ стали принципы индивидуализма, свободы самовыражения, стремления равного и свободного доступа к любой информации. Эти наставления не институционализированы, поскольку не существует общих «Правил интернет-поведения» или «Конституции сети». Здесь можно провести аналогию с реальным социальным пространством, где правила также производятся на основе уже существующих объективных возможностей и ограничений. Фактически каждый ресурс сам определяет свои правила и законы общения. Интернет как мультинациональное поликультурное пространство немыслим без крайнего либерализма, при котором пользователь преимущественно сам должен ставить себе ограничение. Если обобщить возможности Интернета как средства политико-социальной коммуникации, то можно сделать вывод, что Интернет, и, в частности, социальные сети, уже приобрели такое развитие, что стали одной из мощнейших разновидностей коммуникации и средств влияния как на мысли (сознание), так и на действие индивидов и групп людей. При этом в разных странах и регионах подход к регулированию отношений в сети может быть разным. Характерным явлением последних лет стало заметное перемещение активности россиян, особенно молодых людей и представителей среднего класса, из сетей, созданных в России, к ведущим транснациональным сетям, зарегистрированным в США, — Facebook, Twitter и тому подобное. При этом особенно активизируется деятельность в сети Facebook, что, например, также стало характерным для ряда государств Восточной и Центральной Европы, которые избрали демократический вектор развития, — Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии, Словакии, Литвы, Латвии, Молдовы, Грузии, Украины [8].

Россия характеризуется собственной спецификой потребительских преимуществ относительно выбора социальных сетей, демонстрируют общую склонность к глобальной тенденции, направленной на увеличение внимания аудитории к сетям с наибольшим эмоциональным вовлечением, что успешно используется современными технологиями мобилизации протестного потенциала. Социальные сети играют значимую роль в процессах политизации современного общества и представляют собой, как показывает практика, важнейший инструмент мобилизации протестной активности граждан в разных странах мира. Создаваемый здесь контент приводит или к пассивным, или к активным формам политизации. Пользователь соцсетей при этом может просто потреблять информационный продукт, наслаждаясь разного рода политическими манифестами, «мемами», демотиваторами и так далее, а может и участвовать в их создании, и переходить к согласованию политических действий со своими единомышленниками, обуславливая политизирующую функцию социальных сетей в современном обществе [9; 10].

На основе обобщения существующих исследований можно выделить два типа протестных действий посредством социальных сетей: виртуальные и реальные. К виртуальным действиям относят подписание онлайн-петиций, отправление сообщений на форум или даже хакерские атаки. В таком случае социальная сеть выступает в качестве платформы для объединения участников и инструмента обмена ресурсами (как информационными, так и финансовыми), что позволяет предпринимать много действий без принятия или с частичным принятием ответственности за их последствия [11].

Потенциальная анонимность общения в социальной сети, растворение себя в электронном пространстве, где индивид — это «набор зафиксированных данных и сообщений», накладывает отпечаток и на реальный мир, обуславливая то, что не каждый активный протестующий в виртуальном мире способен на реальные протестные действия в реальном мире. В сетях, особенно в ходе дискуссий, которые там происходят, формируются общие взгляды и общее представление. Время от времени участники социальных сетей мобилируются для проведения общих кампаний под общими лозунгами, как результат, на сегодняшний день мы наблюдаем все большее включение интернет-технологий в протестные

кампании: проведение протестных акций в социальных сетях; осуществление коммуникации, координации реальных протестных действий между субъектами протестной активности в социальных сетях; освещение протестной активности в социальных сетях, благодаря чему фактически протестные кампании во многом получают освещение и в традиционных СМИ и получают дополнительную информационную поддержку и основу для мобилизации населения.

С развитием социальных сетей в последнее десятилетие мир увидел примеры использования социальных сетей гражданами, протестующими против политических режимов в своих странах: с помощью социальных сетей участники митингов и протестных кампаний используют новые инструменты информирования и сбора средств, кроме того, осуществляются приглашения, призывы, агитация, организуются онлайн-трансляции. Так, в значительной степени используя инструмент социальных сетей как мобилизирующий к протестной активности (наряду с более фундаментальными причинами, обуславливающими возможность протестной активности и ее формы), были реализованы попытки развернуть ряд «цветных революций» на постсоветском пространстве: в Молдове, Киргизстане, Беларуси и России. Реакцией на данные протестные движения стало постепенное, но последовательное ужесточение государственной политики ограничения свободного выражения своей гражданской позиции гражданами России в последующие годы, продолжающееся и до настоящего времени [12]. Мобилизационные возможности социальных сетей Facebook и Twitter в полной мере проявились на Ближнем Востоке в прошлом десятилетии. Так, именно социальные сети сыграли важнейшую роль в «Арабской весне», объединяя разрозненные оппозиционные группы и давая им возможность обойти цензуру, к которой склонны традиционные средства массовой информации в данном регионе. Во время «Оранжевой революции» (2004 год) и «Революции достоинства» (2013–2014 года) в Украине заметную роль сыграли социальные сети, в которых в значительной степени поддерживалась проевропейская позиция, что позволило оппозиции к тогдашней власти в стране освещать события более оперативно, чем это делали печатные СМИ, планировать акции протеста путем обмена сообщениями.

Важной проблемой, требующей научного рассмотрения и решения, является то, что, с одной стороны, усиление политической самоорганизации и контроля гражданского общества за властью с помощью активных коммуникаций в социальных сетях ведет к формированию хорошо организованного, укорененного демократического общества, с другой — это может создавать барьеры, которые тормозят функционирование структур власти, в соответствии с формулой «сильное общество — слабое государство». Как отмечают исследователи Т. Фрай и Е. Борисова в [13] на примере России, более широкое использование социальных медиа и Интернета стало популярной формой для распространения информации о фальсификации выборов, указывая, наряду с другими авторами, на то, что в России используется запугивание или подкуп избирателей, что усложняет оценку реальных протестных возможностей исходя из занижения реального уровня фальсификаций. Наблюдатели на выборах, как и подконтрольные правительству средства массовой информации (подавляющее большинство в России, все центральные СМИ), манипулируют, казалось бы, демократическими институциональными правилами, на практике ориентируя общественное мнение на позиции властей.

По оценкам Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), наиболее важными проблемами, которые потенциально могут побудить жителей России на участие в протестных акциях, являются высокие тарифы на услуги ЖКХ, недостатки в работе жилищно-коммунального хозяйства (10 % опрошенных); низкие доходы: зарплаты, пенсии и так далее (14 % опрошенных); высокие цены на товары, услуги (16 % опрошенных); безработица, невозможность найти хорошую работу (7 % опрошенных); положение дел в сфере здравоохранения (7 % опрошенных). То есть проблемы, связанные с уровнем и качеством

жизни населения; в то же время практически никого из опрошенных не побуждают к протестам проблема нарушения прав и свобод граждан, ограничения демократических норм и принципов, лишь 3 % опрошенных волновала коррупция в органах власти, в государственных учреждениях, в правоохранительных органах. Следовательно, граждане не видят, или не хотят проявлять в своих ответах прямой связи между нарушаемыми правами и свободами (в том числе — неприкосновенность частной собственности, право на протест против экономических ограничений и тому подобное), а также коррупцией (фактически — разворовыванием бюджетных, то есть общественных средств чиновниками) и уровнем своего благосостояния, на которое жалуются [14]. В целом же уровень и динамика протестного потенциала в России по данным ВЦИОМ представлены на рисунках 2 и 3.

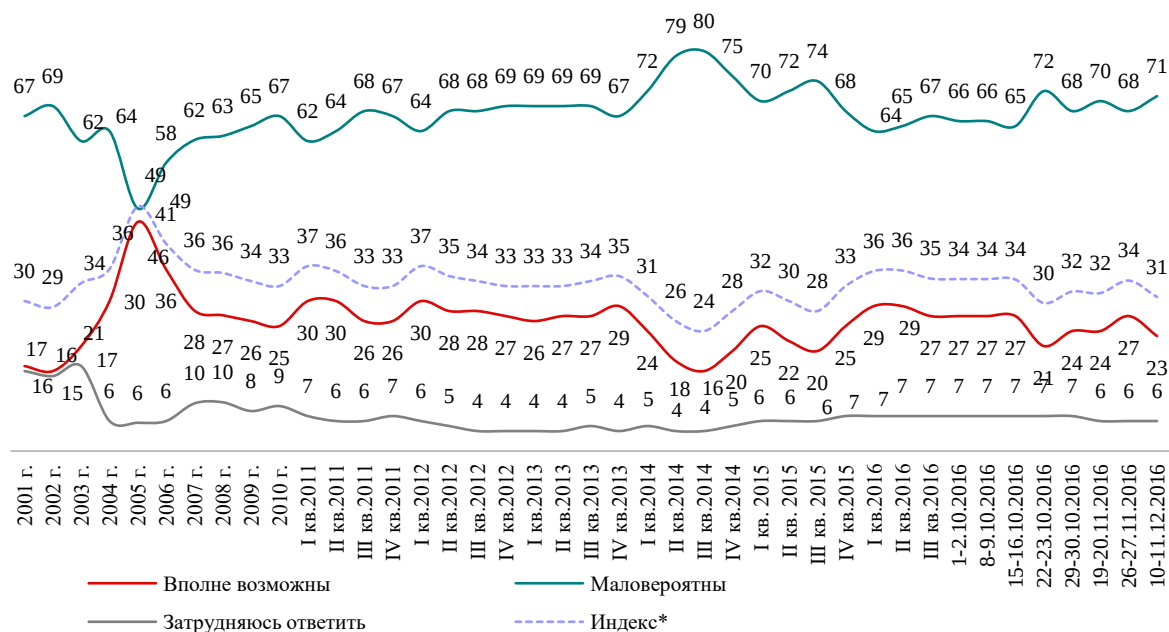

Рисунок 2. Динамика индекса общественного протестного потенциала

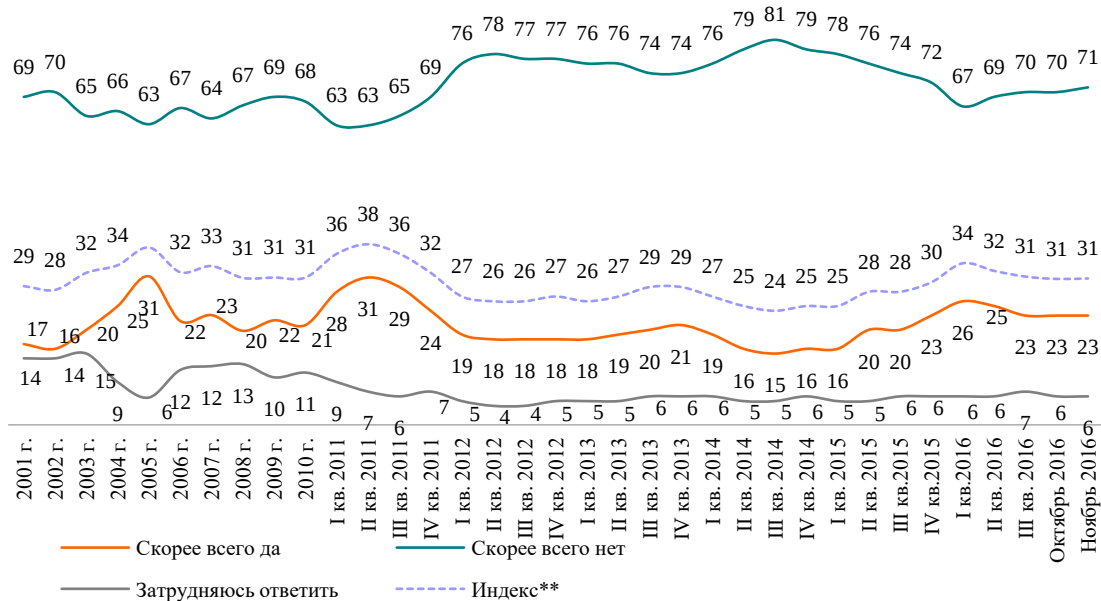

Рисунок 3. Динамика индекса личного протестного потенциала

Данные представлены на основании всероссийских опросов «Экспресс». В каждом опросе принимали участие 1 600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5 %. На основании представленных данных можно говорить об относительно невысоком уровне протестного потенциала в стране (около 20–30 %), в то же время гораздо более важно определиться с социальной структурой и потенциалом активных действий этих 20–30% населения. В этом контексте эксперты, опрошенные агентством Bloomberg [15], оценили вероятность того, что в протестные акции в России выльется именно недовольство существующими экономическими проблемами. По их мнению, вероятность такого сценария составляет около 30 %. По данным российской социологической компании «Левада-Центр», только 18 % населения видят возможность массовых акций против падения уровня жизни, и лишь 15 % допускают протесты с политическими требованиями [16]. По данным «Левада-Центр», потенциал протестов в России связан прежде всего с экономическими факторами. Так, наиболее высокими протестные ожидания были в середине 1990-х годов (когда у большинства населения денег хватало только на питание). По мнению политолога Александра Кынева: «Чтобы был протест, должна быть надежда чего-то добиться. А сейчас есть разочарование в протестной волне 2011–2012 годов, ощущение, что ... получили что-то противоположное от того, на что надеялись» [16].

Политические ориентации россиян в целом можно представить с таких позиций:

- как мировоззренческие ориентации: информированность о политических процессах, явлениях и событиях, а также политическая идентификация, политические убеждения;
- как ориентации относительно институтов государственного управления: оценка органов власти и лиц, осуществляющих политические функции;
- как ориентации относительно своей собственной деятельности: политическая включенность и политическое поведение.

Анализ данных позволяет утверждать: в структуре жизненного мира россиян в последние годы наблюдается значительное снижение интереса к политике и нежелание принимать участие в политической жизни страны, а одним из парадоксов их ориентаций являются низкая информированность в этих вопросах, равнодушие к их восприятию, неопределенность политических взглядов и позиций и при этом критичность к происходящим процессам. При этом за последние два десятилетия политическое сознание россиян становится все более инертным: политическая жизнь общества интересует только треть его жителей. Так, по данным Института социально-политических исследований, большинство (37 %) опрошенных считали, что выборы сегодня представляют собой «политический спектакль с заранее предрешированным финалом». На втором месте была не менее негативная оценка выборов как «напрасной траты денег и сил» (21 %). В честность избирательных комиссий верили лишь 7 %. Многие избиратели считали, что избирательные комиссии подтасовывают результаты выборов (63 %). Исходя из анализа данных, в массовом сознании россиян сложилось стереотипное представление о выборах как формальной процедуре с заранее известными результатами [17].

Отсутствие интереса к политике, о котором уже говорилось ранее, сказывается и на готовности населения к включению в данный вид деятельности: в последние 10 лет наблюдается достаточно стабильная картина, при которой основная часть населения (75–80 %) говорит о своей неготовности более активного участия в политической жизни страны [14]. Данные исследований показывают, что самым распространенным видом активности россиян остается голосование на выборах (48 % респондентов), дискуссии об общественной жизни на работе и в кругу семьи ведут 43 %. Обращает на себя внимание, что политическая активность граждан отчасти перемещается в интернет-пространство: о том, что им доводилось высказываться на политические темы в Интернете (в социальных сетях и на форумах), заявили 13 % участников опроса [18].

Значительная часть политических движений и партий изучает реакцию определенной категории населения на действия и высказывания политиков, на идеи политтехнологов, а также

проводит в социальных сетях агитацию, с другой стороны, они заимствуют идеи и высказывания. После определения целей и ожидаемых результатов необходимо четко определиться с целевой аудиторией. В плане реализации политических целей она может быть как широкой (общеполитические дискуссионные платформы), так и узкой (идеологические платформы). Если во втором случае результат может быть легче в плане достижимости, то первый несет в себе преимущество широты охвата и потенциала развития, что важно для организации действительно массового и действенного протестного движения [19]. Сам характер тематических групп в рамках социальных сетей, которые объединяют потенциальных единомышленников, приводит к необходимости создания определенного коммуникационного пространства, в пределах которого генерируются идеи, вокруг которых могут возникать и реализовываться протесты.

Когда начинается работа с социальными сетями, необходимо учитывать, что она может быть длительной во времени и требовать значительных ресурсов, поскольку требует включения лидеров мнений, продвигающих протестные идеи, к общему дискуссионному процессу, завоевания ими места и авторитета среди других участников, что может создавать определенные противоречия относительно согласования сроков протестной кампании. После того как первые шаги лидера мнений в социальной сети сделаны, необходимо переходить к непосредственному выполнению поставленных политических задач. Для этого следует усвоить несколько приемов по управлению дискуссиями в социальных сетях. В частности, для того, чтобы дискуссия была контролируемой и управляемой, она должна казаться непредвзятой и неконтролируемой. Только в этом случае представители сетевого сообщества готовы поверить в предлагаемые идеи. В целом же информация, которая призвана побудить к протестным действиям, может быть как полностью объективной, так и искаженной. В случае информационных манипуляций традиционно используют ряд приемов: фабрикация, искажение, интерпретация, сокрытие, манипулирование заголовками и источниками информации, неточное цитирование. Очевидно, что в работе с социальными сетями необходимо учитывать подготовленность аудитории и ее доступ к альтернативным источникам информации (что в современном обществе не сложно), поэтому именно интерпретация фактов выступает в качестве основного направления работы.

Ведущая роль в использовании потенциала социальных сетей в российском обществе, кроме сложившейся практики реализации интересов государства в социальной поддержке его действий, должна принадлежать демократическим элементам влияния и усилию российского гражданского общества. Субъектами же формирования гражданской идентичности в социальных сетях являются политические лидеры, государственные деятели, общественные активисты и журналисты, что существенно не отличает виртуальное информационное пространство от традиционного, за исключением того, что в социальных сетях участники коммуникации считаются равноправными и каждый сам может делать выбор относительно того или иного информационного продукта, который появляется в новостных лентах. Это значит, что человек становится соавтором гражданской идентичности, а не пассивным потребителем того, что навязывает государство, партии и общественные лидеры. Отличием виртуального коммуникативного пространства от традиционного также является персонификация политических и общественных акторов, что значительно уменьшает расстояние в отношениях между абстрактными и далекими властными учреждениями и гражданином, увеличивает прозрачность коммуникации, создавая благоприятные условия для преодоления отчуждения от власти и самоосознания себя как равноправного участника процесса управления государством.

Среди многообразия сфер, которые задевают социальные медиа, весомой является общественно-политическая. В процессе работы над статьей автором были обнаружены доказательства в пользу того, что активность в социальных медиа связана с формой политического участия. Особенную обеспокоенность вызывает возможное применение мобилизационного потенциала социальных медиа в экстремистском ключе. Опыт российского общества указывает на отторжение широкими массами населения формальных

институциональных форм массовой мобилизации и политического участия: политические партии и общественные организации до сих пор не стали действенными структурами коллективного действия, на что указывают относительно низкие показатели членства в таких структурах и популярности этих структур в сети. Принимая во внимание это, социальные сети представляют собой инструмент мобилизации, в наибольшей степени отвечающий современному российскому обществу, сочетающий элементы, компенсирующие недостаточное ощущение политической субъектности граждан, гибкость и спонтанность, горизонтальность и добровольность.

Феномен сетевых революций пока что остается малоизученным, зачастую научная общественность просто не успевает анализировать эмпирические данные вокруг социальных сетей и рефлексировать в ответ на изменения активности и функциональности соцсетей. Потому данная проблематика требует дальнейших исследований в вопросах взаимосвязи и взаимовлияния политического протеста и новых форм медиаактивности. Фактор социальных сетей в организации протестных движений должен изучаться, в том числе и для обеспечения общественной и государственной безопасности. Дальнейшие исследования целесообразно сориентировать на проблематику раскрытия закономерностей взаимосвязи форм политического участия онлайн и офлайн. Остаются также открытыми вопросы обоснования инструментария измерения протестного потенциала, в котором бы шла речь не только о намерениях респондентов, но и об их опыте политического участия, в том числе протестного. Как следствие, за изменением среды начнет модифицироваться и сама модель протестной политической мобилизации населения России, что требует детального, глубинного и своевременного научного осмысления.

Выводы

Социальные сети, как один из эффективнейших средств коммуникации и организации во всех сферах деятельности, активно используется и будет использоваться в политической деятельности, снимая пространственно-временные препятствия на пути обмена информацией и порождая новые формы объединения рядовых граждан, в том числе вокруг протестной активности. Социальная сеть таким образом становится коммуникативной площадкой, на которой граждане выражают свои мнения и эмоции, не боясь санкций со стороны политической власти, что, с одной стороны, может немного снизить эмоциональный запал и отдаляет от выражения радикальных форм протеста, с другой — остается мощным инструментом мобилизации масс для организации реальных акций протеста.

В данной статье формирование и реализация протестного потенциала рассматриваются как одно из важных направлений политической работы в социальных сетях, имеющее свою специфику, связанную как с особенностями социализации людей посредством социальных сетей, так и деятельностью сетей в условиях определенных стран (в частности, России). Раскрыты технологические аспекты, формы и методы использования социальных сетей как средства формирования и реализации общественного протестного потенциала России.

В целом же работа с социальными сетями может иметь следующие политические результаты, важные для организации протестных акций: изменение или трансформация политических убеждений целевой группы; создание нового протестно-настроенного сетевого объединения с потенциальным выходом в реальную политическую среду; исследование информационного пространства относительно степени его готовности к проявлению протестной активности; проверка протестных политических идей относительно их соответствия ожиданиям общественности и готовности их поддержать. Для достижения данных результатов работа с социальными сетями требует четкого планирования мероприятий, ожидаемых целей и направлений работы, интеграции в сетевое сообщество с постепенным разворачиванием публикации политических сообщений, которые должны отвечать традициям данного сетевого сообщества и не иметь явно пропагандистский характер.

Библиографический список

- [1] Казаринова Д.Б. Новые медиа как политические проекты и элементы мягкой силы в современном политическом процессе // Материалы круглого стола «Новые медиа в современной политике» в Вестнике РУДН. – 2014. – № 1. – С. 128–131.
- [2] Акулич М.М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 47–54.
- [3] Рябцев С.В. Функционирование сетевых коммуникаций в контексте социальной мифологии // Дискуссия. – 2012. – № 6. – С. 30–34.
- [4] Врублевская Е. Быть гражданином // Народное образование. – 2007. – № 5 (1368). – С. 214–216.
- [5] Исаева А.Ю. Синтаксис газетного заголовка: экспрессия и прагматика // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2016. – № 4. – С. 102–108.
- [6] Рябцев С.В. Миф как информационное основание конструирования социальной реальности // Глобальный научный потенциал. – 2012. – № 6 (15). – С. 51–55.
- [7] Витяев С.М. Эволюционизм и постэволюционизм как стратегии миропонимания и способы структурирования реальности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 3 (59). – С. 35–41.
- [8] Харламова А.Ю. Валевская А.А. Пробелы в правовом регулировании повестки дня собрания участников гражданско-правового сообщества // Философия социальных коммуникаций. – 2018. – № 3 (44). – С. 101–103.
- [9] Витяев С.М. Представления о культурной динамике и стратегии культурной политики // Культура и образование. – 2017. – № 1 (24). – С. 5–13.
- [10] Гушин А.Н., Дивакова М.Н., Санок С.И. «Иллюзия управления» в стратегическом управлении городским развитием // Архитектон: известия вузов. – 2018. – № 4 (64). – С. 1–15.
- [11] Докука С.В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 137–145.
- [12] Shelygov A.V. *Change Management*. – Moscow: ООО “Izdatel'stvo ITRK”, 2018. – 160 p.
- [13] Frye T., Borisova E. Elections, Protest and Trust in Government: A Natural Experiment from Russia [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.barcelona-ipeg.eu/wp-content/uploads/2015/09/Frye-and-Borisova-Protest-and-Trust-march-31-2016.pdf> (accessed date: 03/01/2020).
- [14] Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (дата обращения: 04.03.2020).
- [15] Bloomberg оценил вероятность протестов в России из-за недовольства рецессией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=56D00A4> (дата обращения: 03.03.2020).
- [16] Россияне по-прежнему не готовы протестовать. Автономная некоммерческая организация Аналитический Центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/09/16/rossiyane-po-prezhnemu-ne-gotovy-protestovat/> (дата обращения: 03.03.2020).
- [17] Воробьева И.В. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 17–26.
- [18] Телефонный опрос «ТелеФОМ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712> (дата обращения: 06.03.2020).
- [19] Абрамов Ю.Ф., Акименко Г.В., Логунова Г.В. Проблема интеллигенции в России IX–XX века. Очерки историко-социального и философского исследования: монография. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1994 – 125 с.

References

- [1] Kazarinova, D.B. (2014). New media as political projects and elements of soft power in the modern political process. *Materials of the Round Table "New Media in Modern Politics" in the Bulletin of RUDN*, 1, 128–131.
- [2] Akulich, M.M. (2012). Internet trolling: concept, content of the form. *Bulletin of the Tyumen State University*, 8, 47–54.
- [3] Riabtsev, S.V. (2012). The functioning of network communications in the context of social mythology. *Discussion*, 6, 30–34.
- [4] Vrublevskaia, E. (2007). To be a citizen. *Public Education*, 5(1368), 214–216.
- [5] Ysaieva, A.Yu. (2016). Newspaper headline syntax: expression and pragmatics. *Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences*, 4, 102–108.
- [6] Riabtsev, S.V. 2012. Myth as an informational basis for the construction of social reality. *Global Scientific Potential*, 6(15), 51–55.
- [7] Vytiaiev, S.M. (2014). Evolutionism and post-evolutionism as a strategy of understanding of the world and ways of structuring reality. *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 3(59), 35–41.
- [8] Kharlamova, A.Yu., & Valievskaja, A.A. (2018). Gaps in the legal regulation of the agenda of the meeting of participants in the civil society community. *Philosophy of social Communications*, 3(44), 101–103.
- [9] Vytiaiev, S.M. (2017). Perceptions of cultural dynamics and cultural policy strategies. *Culture and Education*, 1(24), 5–13.
- [10] Hushchyn, A.N., Dyvakova, M.N., and Sanok, S.I. (2018). "The Illusion of Management" in the strategic management of urban development. *Architecton: University News*, 4(64), 1–15.
- [11] Dokuka, S.V. (2014). The practice of using online social networks. *Sociological Studies*, 1, 137–145.
- [12] Shelygov, A.V. (2018). *Change Management*. Moscow: OOO "Izdatel'stvo ITRK". 160 p.
- [13] Frye, T., & Borisova, E. (2016, March). Elections, Protest and Trust in Government: A Natural Experiment from Russia. Retrieved from <http://www.barcelona-ipegeu/wp-content/uploads/2015/09/Frye-and-Borisova-Protest-and-Trust-march-31-2016.pdf>.
- [14] The All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM). (2017, January). Retrieved from http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/.
- [15] Bloomberg estimated the likelihood of protests in Russia due to dissatisfaction with the recession (2016, February). Retrieved from <http://www.kasparov.ru/material.php?id=56D00CA052AA4>.
- [16] The Russians are still not ready to protest. Autonomous non-profit organization Analytical Center of Yuri Levada (ANO Levada-Center). (2016, September). Retrieved from <http://www.levada.ru/2016/09/16/rossiyane-po-prezhnemu-ne-gotovy-protestovat/>.
- [17] Vorobyeva, I.V. (2016). Contradictions and paradoxes of political orientations in the structure of the life world of Russians. *Sociological Studies*, 1, 17–26.
- [18] Telephone survey "TeleFOM". (2014). Retrieved from <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712>.
- [19] Abramov, Yu.F., Akimenko, G.V., & Logunova, G.V. (1994). *The problem of the intelligentsia in Russia of the IX–XX centuries. Essays on historical, social and philosophical research*. Irkutsk: Irkutsk State University.

Получена / Submitted: 12/03/2020

Доработана / Revised: 15/04/2020

Принята к публикации / Accepted: 27/05/2020

Подписано в печать 15.06.2020. Формат 60х90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,29. Усл. печ. л. 13,8. Тираж 500. Заказ № 1885
Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.